

902.6 (Даг)
Д 73

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРО- ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Махачкала 1985

102614
Q78

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. Г. ЦАДАСЫ

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Сборник статей

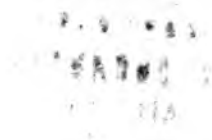

Махачкала 1985

Ответственный редактор
М. М. МАММАЕВ

Составитель
М. Г. ГАДЖИЕВ

122610

К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

(Предисловие)

Настоящий сборник включает статьи, в которых на основе новейших археологических исследований рассматриваются вопросы изучения некоторых древних культур и культурно-исторического осмысления отдельных археологических комплексов Северо-Восточного Кавказа, считавшегося, как известно, еще сравнительно недавно наименее изученной в археологическом отношении областью Кавказа. Первое обобщающее исследование древних культур Северо-Восточного Кавказа принадлежит А. П. Круглову¹. В его основу были положены материалы полевых исследований Северокавказской археологической экспедиции 1936—1939 гг. Изучение их позволило включить приморский Дагестан в район распространения южных закавказских памятников эпохи раннего металла, а также выделить местную каякентско-хорочоевскую культуру эпохи развитой бронзы, характерную только для Северо-Восточного Кавказа.

Исследования Северокавказской экспедиции в Дагестане в послевоенные годы (1947—1951) были обобщены в работах Е. И. Крупнова, Р. М. Мунчаева, К. Ф. Смирнова и Н. Б. Шейхова². Расширился круг памятников эпохи ранней бронзы, каякентско-хорочоевской культуры, в приморском Дагестане были выделены культуры эпохи средней бронзы (курганы у ст. Манас) и албано-сарматского времени, а раскопки Агачкалинского могильника и поселения дали богатый материал для характеристики раннесредневековой культуры северного предгорного Дагестана. В эти же годы В. И. Марковин открыл здесь первые памятники неолита³.

С 1951 г. по настоящее время археологические исследования в Дагестане ведутся в основном Институтом истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР⁴. За этот период были ликвидированы наиболее существенные территориальные и хронологические пробелы в археологическом изучении Дагестана. Добытые материалы впервые осветили целый ряд до того почти совершенно неизвестных периодов древней истории края: каменного века, энеолита, раннежелезного века, внесли существенные коррективы в сложившиеся пред-

ставления о бронзовом веке и средневековье. Все это нашло отражение в исследованиях Р. М. Мунчаева, М. И. Пикуль, В. Г. Котовича, Д. М. Атаева, В. И. Марковина, В. И. Канивца, В. М. Котович, Н. Д. Путинцевой, М. Г. Гаджиева, М. Г. Магомедова, М. М. Маммаева, О. М. Давудова, А. А. Кудрявцева, А. И. Абакарова, Г. С. Федорова, Р. Н. Мирзоева, С. М. Магомедова, Л. Б. Гмыря, М. С. Гаджиева, Г. Г. Гамзатова и других, опубликованных в центральных и местных изданиях⁵, и обобщено в их многочисленных докладах на научных сессиях, конференциях и симпозиумах.

Новые археологические материалы и исследования послужили надежной источниковедческой базой для подлинно научного освещения сложных культурно-исторических процессов, происходивших на Северо-Восточном Кавказе, в том числе и в Дагестане, с глубокой древности. Первая попытка последовательно охарактеризовать ранние периоды истории и развития культуры края была предпринята еще в 1957 г. в «Очерках истории Дагестана», а в первом томе «Истории Дагестана» (М., 1967) их обстоятельной характеристике было посвящено более трети его содержания. Они широко использованы для характеристики основных этапов культурно-исторического развития населения Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века в соответствующих разделах подготовленной к изданию «Истории народов Северного Кавказа», а также обобщающего труда «Археология СССР» в 20 томах.

В результате археологического изучения Северо-Восточный Кавказ, считавшийся до этого сравнительно поздно заселенной и освоенной человеком горной областью, предстал как один из древнейших на Кавказе очагов сложения и развития своеобразной культуры и интенсивной человеческой деятельности, начало которого уходит в глубь каменного века. В нашей статье «Северо-Восточный Кавказ как географическая и этнокультурная область», которой открывается сборник, сделана попытка определить физико-географическое и этнокультурное содержание понятия «Северо-Восточный Кавказ», рассматриваемый как область, где с самого начала становления оседлого земледельческо-скотоводческого уклада хозяйства и быта сформировался мощный этнокультурный субстрат, сохранивший, несмотря на любые исторические перипетии, своеобразие до современной этнографической действительности.

Одним из важнейших достижений дагестанской археологии является открытие и изучение ряда разновременных памятников каменного века, расположенных почти во всех ландшафтно-климатических зонах края. Доказано, что заселение первобытными людьми горной зоны Восточного Кавказа произошло не позже нижнего палеолита и она продолжала обживаться в последующие периоды каменного века.

Хорошо известно, какое важное место занимает в отечественной и зарубежной науке проблема возникновения и развития производящего хозяйства, перехода от охотничье-собираательского хозяйства к земледелию и скотоводству, что получило название «неолитической революции», радикально ускорившей темпы развития человеческого общества. Применительно к Кавказу, в особенности Северному Кавказу,

она разработана совершенно недостаточно, более того, его роль в этом процессе принижается. Тем большее значение приобретают накопленные к настоящему времени материалы по мезолиту и неолиту горного Дагестана, обнаруживающие близкое сходство с соответствующими археологическими комплексами горных районов Ближнего и Среднего Востока, отражающими процесс зарождения и становления у племен охотников и собирателей земледельческо-скотоводческого хозяйства. Изучение этих материалов позволило поставить вопрос о возможности отнесения горного Дагестана к числу тех горных областей, где протекала «неолитическая революция» — длительный и сложный процесс зарождения и постепенного вызревания элементов производящей экономики в недрах охотничье-собирательского хозяйства.

Новые исследования Чохского поселения выявили здесь в верхнем, неолитическом по новой периодизации, слое, датируемом первой половиной VI тыс. до н. э., фундаментальные круглопланные жилища, керамику, зерна культурных злаков пшеницы и ячменя, кости домашних животных, земледельческие орудия, т. е. типичный для раннеземледельческих культур археологический комплекс. Наличие непосредственной культурной преемственности между мезолитическим и неолитическим слоями Чохского поселения свидетельствует о сложении производящего хозяйства на базе производственных и культурных достижений местного мезолитического населения, что позволяет по-новому подойти к оценке роли горной зоны Северо-Восточного Кавказа в процессе становления производящего хозяйства в его кавказском центре. Все это хорошо согласуется с взглядами Н. И. Вавилова, считавшего, что «первичными областями земледельческой культуры являются нагорные районы»⁶ и относившего к их числу Закавказье и Дагестан⁷.

Не до конца решенным оставался вопрос о культурной принадлежности и хронологическом месте Чохского поселения и сходных с ним памятников Дагестана. В посвященной этим вопросам статье Х. А. Амирханова «Чохская археологическая культура и проблема культурных ареалов раннего голоцена кругокаспийской области» пересматривается хронология поселения и уточняется его место в ряду памятников обширного кавказско-каспийского региона.

До начала работы археологических экспедиций Института ист., яз. и лит.-ры древнейшей оседло-земледельческой культурой в Дагестане считалась куро-аракская культура III тыс. до н. э., распространенная в его приморских районах. Казалось, что в горной зоне Северо-Восточного Кавказа даже в развитом бронзовом веке не было постоянного оседлого населения и она посещалась только в летние сезоны полукочевыми пастушескими племенами. Добытые в результате исследования памятников эпохи энеолита и бронзового века материалы коренным образом изменили эти представления. В горном Дагестане открыта раннеземледельческая энеолитическая культура V—IV тыс. до н. э., генетически связанная с предшествующей неолитической культурой и характеризующаясь своеобразными местными культурными традициями в строительном деле и архитектуре, изготовлении производственного

и другого бытового инвентаря, носители которой имели тесные связи с раннеземледельческими племенами Закавказья и Передней Азии. На ее базе сложилась культура эпохи ранней бронзы (III тыс. до н. э.), известная как северо-восточно-кавказский вариант куро-аракской культуры, памятники которой широко распространены во всех физико-географических зонах Северо-Восточного Кавказа. На протяжении почти четырех тысячелетий с рубежа VII—VI тыс. до н. э. до 2-й половины III тыс. до н. э. культурно-историческое развитие Северо-Восточного Кавказа протекало в целом стабильно, в условиях сохранения на всех этапах безусловной культурной преемственности. Об этом, в частности, свидетельствует развитие строительного дела и архитектуры, где на протяжении всего этого периода полностью господствовало круглопланное домостроительство. Такая же стабильность проявляется и в развитии других форм материальной культуры, в особенности керамики.

Столь длительное стабильное культурное развитие Северо-Восточного Кавказа было прервано в конце эпохи ранней бронзы, во 2-й половине III тыс. до н. э., когда происходила смена архитектурной традиции (круглопланное домостроение сменяется прямоугольными), изменялись формы погребальных сооружений, появились новые черты в погребальном обряде, заметными стали перемены в керамическом производстве, металлообработке, в особенности в орнаментации их продукции, что привело в конечном итоге к распаду прежнего культурного единства региона и сложению ряда новых археологических культур и комплексов эпохи средней бронзы, несущих яркий отпечаток иных культурных традиций.

Одна из таких культур с двумя локальными вариантами, названная нами гинчинской, выделяется в горных районах Дагестана и Юго-Восточной Чечни. В пограничной зоне исследованы поселение Галгалатли II и могильник, которые ликвидируют территориальный разрыв между двумя локальными вариантами этой культуры. Культурно-исторической характеристике материалов раскопок указанных памятников посвящена статья М. Г. Гаджиева и Р. Г. Магомедова «Памятники гинчинской культуры у сел. Гагатль».

Характер перемен, происшедших в процессе культурного переформления края (появление неизвестного ранее курганного обряда, орнаментации керамики и металлических изделий шнуровым узором и др.), свидетельствует о бесспорном степном воздействии. Начальный этап активного проникновения на Северо-Восточный Кавказ, в приморский Дагестан носителей степных культур из Предкавказья и юга Восточной Европы фиксирует курган Торпах-кала к северу от Дербента, материалы раскопок которого вводятся в научный оборот в статье В. М. Котович.

Большое внимание в дагестанской археологии уделялось изучению культуры эпохи раннего железа. На конкретных археологических материалах пересмотрено существовавшее прежде мнение о якобы имевшем место отставании Северо-Восточного Кавказа в освоении металлургии железа и порожденном этим более замедленном темпе его социально-

экономического развития по сравнению с другими областями Северного Кавказа. Разработанная дагестанскими археологами новая периодизация памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа позволила установить главные звенья в эволюции культур Северо-Восточного Кавказа, развивавшихся в соответствии с теми же закономерностями, которые были присущи одновременным культурам соседних областей Северного Кавказа и Закавказья. Выявляется локальная вариабельность культур переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железу (мугерганская группа — на юге, зандакская — на севере). Публикуемая в сборнике статья О. М. Давудова посвящена итогам раскопок одного из памятников этого периода — поселения Ачису, материалы которого обнаруживают параллели как в памятниках северной группы, так и южной.

Широкое вхождение в быт местных племен нового металла — железа, обусловившее интенсивное развитие производительных сил, и общая историческая обстановка на Восточном Кавказе ускорили разложение первобытно-общинного строя и сложение классового общества. Ярким примером этого служит появление укрепленных поселений с цитаделями, разраставшихся затем в города албанского и раннесредневекового времени, сведения о которых содержат античные и средневековые письменные источники. Остатками таких городов являются исследовавшиеся археологическими экспедициями Института ИЯЛ на протяжении многих лет городища Урцеки, Таргу, Верхнечирюртовское, Андреяульское и другие, отождествляемые с упомянутыми в письменных источниках средневековыми городами Дагестана Варачан, Таргу, Беленджер. Они познакомили нас со структурой, планировкой, архитектурой, фортификацией и другими сторонами быта и культуры средневековых городов Дагестана, о которых еще сравнительно недавно мало что было известно.

Многолетние раскопки одного из древнейших городов нашей страны Дербента дали ценные материалы, отражающие динамику его структуры в различные исторические периоды; стало возможным четко охарактеризовать последовательные этапы развития города в сасанидский и последующие периоды средневековья, документально установить этапы сооружения в дербентском проходе знаменитых укреплений. Открытие в Дербенте досасанидских культурных напластований албанского и скифского периодов значительно удревнили историю этого города, восходящую к предскифско-скифскому времени. Прежде эти вопросы освещались на материалах раскопок остатков бытовых памятников города. В данном сборнике публикуется статья А. А. Кудрявцева «Дербентский могильник», в которой дана характеристика погребального обряда населения Дербента, а также анализ погребального инвентаря в различные периоды истории города: предскифско-скифский, албаносарматский, средневековый.

С использованием данных Дербентского и других могильников Дагестана албаносарматского времени в статье М. С. Гаджиева «К социальной интерпретации некоторых погребений Дагестана позднеалбан-

ского времени» рассматривается один из видов расчлененных захоронений как показатель глубоко зашедшей социальной дифференциации албанского общества.

В результате археологического изучения средневекового Дагестана выделено несколько вариантов бытовавшей на Северо-Восточном Кавказе культуры, сделаны попытки увязать их с теми или иными из упомянутых письменными источниками раннесредневековых государственных образований — Серир, Хамрин, «Царство гуннов», Хазарский каганат и др. По данным армянских и арабских авторов, на территории к югу от Дербента локализуется страна Маскат, заселенная племенами маскутов аланского происхождения. С ними исследователи связывают обширный Паласа-сыртский могильник IV—V вв. в долине р. Рубас. Результатам новейших исследований этого памятника посвящена статья Л. Б. Гмыря «Паласа-сыртский могильник».

И, наконец, в статье Б. М. Салихова «Калкинский могильник» вводится в научный оборот богатый погребальный инвентарь из разрушенных при строительных работах каменных гробниц, характеризующий новый, до последнего времени неизвестный вариант местных культур Дагестана конца албанского и начала раннесредневекового периодов.

Таковы лишь некоторые аспекты изучения древних культур Северо-Восточного Кавказа и круг вопросов, рассматриваемых в данном сборнике. Как явствует из краткого обзора, содержание статей значительно расширяет и углубляет наши представления о древней и средневековой истории и культуре населения Северо-Восточного Кавказа. Но тематика настоящего сборника может заинтересовать исследователей и читателей не только в этом плане. Северо-Восточный Кавказ в силу своего географического положения на важнейшем пути, связывавшем Юго-Восточную Европу с Закавказьем и культурными центрами Передней Азии, играл важную роль в древней и средневековой истории Кавказа и юга Восточной Европы. Он был зоной активных контактов и культурно-исторических взаимодействий оседло-земледельческого населения Юга и подвижных или кочевых степных скотоводческих племен Севера. Поэтому изучение древних культур, археологических памятников Северо-Восточного Кавказа имеет важное значение для понимания сложных культурно-исторических процессов, происходивших на Кавказе и в прилегающих к нему областях Евразии в древности и в средние века.

* * *

¹ *Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э.—МИА, 1958, № 68, с. 7—146.

² *Крупнов Е. И.* Новый памятник древних культур Дагестана.—МИА, 1951, № 23, с. 206—225; *Мунчаев Р. М.* Эпохи меди и бронзы в истории Дагестана. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1953; *Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф.* Археологические памятники близ села Карабудахкент.—МИА, 1958, № 68, с. 147—175; *Они же.* Памятники эпохи бронзы в Дагестане.—СА, 1956, № 26, с. 167—203; *Смирнов К. Ф.* Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа.—КСИИМК, 1950, вып. 32, с. 113—125; *Он же.* Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки.—

МИА, 1951, № 23, с. 227—272; *Он же*. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг.—КСИИМК, 1952, вып. 45, с. 83—96; *Он же*. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана.—КСИИМК, 1951, вып. 38, с. 113—119; *Шейхов Н. Б.* Погребальный обряд в раннесредневековом Дагестане как исторический источник.—КСИИМК, 1952, вып. 46; с. 101—109; *Он же*. Женские головные булавки как признак локальной культуры Дагестана VII—X вв.—КСИИМК, 1952, вып. 48, с. 128—135.

³ *Марковин В. И.* Неолитическая стоянка близ Махачкалы.—МАД. Махачкала, 1959, № 1, с. 21—30; *Марковин В. И., Мунчаев Р. М.* Неолитическая стоянка близ города Буйнакса (Дагестан).—КСИИМК, 1957, вып. 67, с. 78—82.

⁴ Эпизодически полевые исследования в Дагестане проводили и другие научно-исследовательские учреждения и вузы. Прикаспийская экспедиция Института археологии АН СССР (нач. В. И. Марковин) в 1979—1980 гг. исследовала песчаные выдувы Прикаспия; Палеолитический отряд (нач. Х. А. Амирханов) в 1980—1981 гг. возобновил раскопки Чохского поселения; экспедиция Ленинградского государственного университета (нач. А. В. Гадло) в 1966—1967, 1969 гг. проводила раскопки городища Хазаркалы в Северном Дагестане; в 1975 г. начала работу археологическая экспедиция Дагестанского государственного университета (нач. А. Р. Магомедов). В 1976—1980 гг. Дагестано-грузинская экспедиция Института ист., яз и лит-ры Дагестанского филиала АН СССР и Института истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР (нач. Г. Г. Гамбашидзе) изучала христианские древности в горном Дагестане.

⁵ Монографии: *Мунчаев Р. М.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа.—МИА, М., 1961, № 100; *Он же*. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975; *Пихуль М. И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967; *Атаев Д. М.* Горный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963; *Котович В. Г.* Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964; *Он же*. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982; *Котович В. М.* Верхнегуньбское поселение. Махачкала, 1965; *Она же*. Древнейшие писанницы горного Дагестана. М., 1976; *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969; *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969; *Давудов О. М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974; *Кудрявцев А. А.* Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976; *Он же*. Древний Дербент. М., 1982; *Он же*. Великий город на Каспии. Махачкала, 1982; *Магомедов М. Г.* Образование Хазарского каганата. М., 1983; продолжающиеся издания: Материалы по археологии Дагестана (МАД). Махачкала, 1959, т. 1; 1961, т. 2; 1973, т. 3; Тематические сборники Института ИЯЛ: Древности Дагестана. Махачкала, 1974; Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977; Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977; Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978; Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980; Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981; Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983; Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984, а также большое количество статей, изданных за пределами республики.

⁶ *Вавилов Н. И.* Мировые центры сортовых богатств (генов) культурных растений.—Избранные труды. М.; Л., 1965, т. 5, с. 118.

⁷ *Вавилов Н. И.* Опыт агроэкологического обозрения важнейших полевых культур. М.; Л., 1957, с. 87, 88.

М. Г. Гаджиев

М. Г. Гаджиев

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ КАК ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОБЛАСТЬ

Под Северо-Восточным Кавказом мы подразумеваем территорию, ограниченную с северо-запада горным массивом Аргуно-Ассинского междуречья, с востока — Каспийским морем, с севера — Терско-Сулакской низменностью, а с юга и юго-запада — Главным Кавказским хребтом. Выделение на Кавказе такого-историко-географического региона вполне оправдано как с точки зрения его физико-географического районирования, так и культурно-исторического развития в древности.

По своему физико-географическому строению Кавказ подразделяется на три основные части: Предкавказье, Большой Кавказ и Закавказье. Из них самой крупной и наиболее характерной для Кавказа геоморфологической областью считается Большой Кавказ, представляющий собой сложную горную систему, состоящую из множества осевых, передовых и поперечных хребтов и отрогов, поднимающихся на общем возвышенном острове. По длине его нередко делят на три части: Западный Кавказ, Центральный и Восточный, границы между которыми обычно проводятся по Эльбрусу и Казбеку¹. Выделяемая нами область является частью Восточного Кавказа и занимает его северо-восточный склон.

Однако и эта область Кавказа не является единой в физико-географическом отношении. По характеру рельефа и особенностям природных условий она также подразделяется на несколько зон. Хотя по вопросу об их количестве у специалистов не существует единого мнения, все они так или иначе выделяют здесь четыре основные геоморфологические зоны — низменность, предгорье, горная и высокогорная зоны². Но разнообразие природных условий области этим не исчерпывается. Каждая из выделенных геоморфологических зон, в свою очередь, подразделяется на более мелкие районы и микрорайоны, отличающиеся своеобразием ландшафта и климата³.

Попытаемся в какой-то степени охарактеризовать природную среду Северо-Восточного Кавказа применительно к эпохам неолита, энеолита,

ранней и средней бронзы (VI—нач. II тыс. до н. э.) насколько это позволяют имеющиеся в нашем распоряжении данные археологии и палеогеографии.

Современный, сильно расчлененный рельеф горной части Восточного Кавказа, как и Кавказа в целом, сформировался на протяжении четвертичного периода, в начале которого эта часть была поднята горообразовательными процессами на значительную высоту. В дальнейшем поверхность ее подвергалась нескольким оледенениям, размыву флювио-гляциальными потоками, активному действию речной и ветровой эрозии, трансгрессий Каспия⁴. В голоцене в результате интенсивной водной эрозии, вызванной арридизацией климата в современную эпоху, сокращаются площади речных террас, что четко фиксируется археологически. Так, в Гидатлинской долине смыта большая площадь речной террасы, на которой располагались Гинчинское поселение V—IV тыс. до н. э. и могильник II тыс. до н. э.⁵, в Ирганайской долине снесена большая часть могильника и поселения II тыс. до н. э., располагавшихся на широкой речной террасе⁶, в окрестностях сел. Ругуджа разрушена терраса, которая во II тыс. до н. э. использовалась под могильник⁷.

Кроме того, со времени становления производящего хозяйства в горном Дагестане происходило интенсивное земледельческое освоение горных склонов, превращавшихся в процессе длительной и целенаправленной обработки в искусственные террасы⁸. Эти террасы в виде гигантских лестниц, поднимающихся по склонам, в значительной степени изменили первоначальный облик гор. Они нередко, даже на специалистов-географов, производят впечатление естественных⁹. С учетом подобных изменений рельефа, происходивших с начала голоцена, современное геоморфологическое членение, очевидно, можно использовать для характеристики Северо-Восточного Кавказа в период, отдаленный от нас на 4—8 тысяч лет.

Вдоль берега Каспия, от г. Махачкалы до дельты Самура, узкой полосой протягивается Приморская низменность, продолжением которой, южнее Самура, до Апшерона, является Самур-Дивичинская низменность, постепенно переходящая в Кусарскую наклонную равнину¹⁰. От Терско-Сулакской низменности на севере она отграничена предгорными хребтами и их отрогами, подходящими близко к морю у г. Махачкалы, мыса Буйнак и г. Дербента. Наибольшей ширины (25—30 км) зона Приморской и Самура-Дивичинской низменности достигает у г. Каспийска, сел. Мамедкала, в устье р. Самура.

Низменность представляет собой ровное степное пространство, постепенно поднимающееся от побережья к предгорьям. Высотные отметки ее колеблются от —28 м над ур. моря до 200 м. Для рельефа низменности характерны древнекаспийские террасы, уступы которых прерываются речными долинами, обживавшимися наиболее интенсивно в эпоху ранней и в начале средней бронзы, в III—нач. II тыс. до н. э. Примечательно, что ни на одном из исследованных в приморской части Дагестана оседло-земледельческих поселений (Геметюбе I и II, Великент, Мамай-кутан) не обнаружены более ранние слои¹¹. К этому же

времени относятся древнейшие оседло-земледельческие поселения и в Самуро-Дивичинской низменности¹². По-видимому, это не случайно. Надо полагать, что именно в этот период сложились наиболее оптимальные природные и исторические условия для интенсивного земледельческого освоения и заселения приморской зоны Северо-Восточного Кавказа¹³.

Предгорье Северо-Восточного Кавказа не является сплошной возвышенностью, а состоит из множества отдельных хребтов, простирающихся с северо-запада на юго-восток. Полоса предгорий, имеющая ширину от 25 до 50 км, постепенно повышается от 150—200 м у Прикаспия, Терско-Сулакской низменности и Грозненской наклонной равнины до 1200 м у внешних склонов горных хребтов, окружающих горную Чечню, внутренний Дагестан и горную зону юго-восточной оконечности Главного Кавказского хребта на территории Северного Азербайджана. Предгорья расчленены широкими долинами рек, оврагами и балками, между которыми простираются широкие ровные горные плато. Полоса предгорий имеет складчатый характер, сложена осадочными породами третичного периода — известняками, песчаниками и глинами.

В зоне предгорий известен ряд памятников, относящихся к сравнительно поздним этапам развития раннеземледельческой культуры, к эпохе ранней бронзы: Сержень-юртовское поселение в предгорьях Чечено-Ингушетии, Сигитминское и Чиркейское поселения в районе Сулака, Карабудахкентский могильник в Центральном и Шаракунское поселение в Южном Дагестане. У самых подступов к горному Дагестану находится Мекегинское поселение.

Область внутреннего Дагестана отделена от предгорной зоны высокой (до 2500 м) стеной хребтов: Андийского, Салатау, Гимринского, Чокатау, Лес, Кара-сырт, сложенных меловыми известняками и песчаниками. На юго-западе внутренний горный Дагестан постепенно переходит в высокогорный. Внутренний горный Дагестан имеет более сложную орografiю, чем предгорный. Горы здесь гораздо выше и расчленены более глубокими долинами и котлованами тектонического и эррозионного характера. Таковы долины четырех дагестанских Койсу (Андийского, Аварского, Кара-Койсу и Казикумухского) — притоков Сулака, вырывающегося на низменность, прорезая хр. Салатау и образуя грандиозный каньон, глубиной до 1800 м и длиной 43 км. Наибольшими из котловин являются Ботлихская, Гимринская, Гергебильская, Ирганайская, Хиндахская и другие, достигающие 4—8 км в поперечнике. Над долинами возвышаются высокие (до 2000—2500 м) плато (Хунзахское, Гунибское, Кегерское и др.), имеющие почти отвесные склоны.

Естественные речные террасы и ровные горные плато с древнейших времен являлись наиболее удобными угодьями для возделывания зерновых и садовых культур. Однако из-за ограниченности площадей таких угодий в земледелии весьма рано стали использоваться сначала пологие, а потом и крутые склоны гор, превращавшиеся в процессе длительной обработки в искусственные террасы, поднимавшиеся почти до 2 тыс. м над уровнем моря. Не случайно, что здесь, в северо-запад-

ной части внутреннего горного Дагестана, выявлены древнейшие памятники раннеземледельческой культуры (Чох, Гинчи, Ругуджа, Чинна, Галгалатли и др.).

По строению поверхности эта известняковая часть внутреннего горного Дагестана несколько отличается от юго-восточной, сложенной из глинистых сланцев, которые легко выветриваются и смываются. Поэтому очертания поверхности здесь более мягкие. Вследствие легкой разрушаемости сланцев на горных склонах образуются многочисленные овраги, а также оползни, осыпи, способствующие зарождению селевых потоков. Это приводит к разрушению древних памятников — они смываются или покрываются мощными отложениями. Даже сравнительно поздние памятники Южного Дагестана (например, Мугерганский могильник эпохи раннего железа)¹⁴ оказываются под многометровыми толщами аллювиальных и делювиальных отложений. Этим отчасти объясняется, что поиски древнейших оседло-земледельческих поселений в этой части Дагестана до сих пор не увенчались успехом. Мы здесь практически не знаем пока ни одного памятника даже эпохи бронзы, не говоря уже о более ранних. Между тем геоморфологические условия этой части Дагестана также были весьма благоприятными для первобытного земледелия. В долинах рек Самура, Кураха имеются хорошо выраженные древние террасы и конусы выноса¹⁵, удобные для земледелия. Здесь, как и в известняковом Дагестане, широко практикуется террасное земледелие, поднимающееся на значительную высоту.

Горная Чечня так резко не отделена высокими хребтами от ее предгорной части, как в Дагестане. Все же и здесь рельеф горной части, в отличие от предгорной, более пересеченный. Верховья рек Аргуна и других представляют собой довольно узкие ущелья с обрывистыми склонами, прерываемые широкими котловинами¹⁶. В археологическом отношении горная Чечня еще слабо изучена, здесь пока неизвестны памятники раннеземледельческой культуры, относящиеся к более раннему времени, чем эпоха средней бронзы (могильники Гатын-кале, Дай). Однако находки кремневых орудий неолитической эпохи в районе горного озера Кезеной-Ам¹⁷ дают основания надеяться на открытие памятников эпохи энеолита и ранней бронзы, которые, быть может, подтвердят заселенность межгорных котловин горной Чечни раннеземледельческим населением.

Высокогорная область Северо-Восточного Кавказа включает северный склон Главного Кавказского (Водораздельного) хребта и Боковой хребет, от верховьев Аргуна на западе до района горы Баба-даг на востоке. Многие вершины высокогорной области покрыты вечными снегами и значительными горными ледниками. Снеговая линия проходит здесь на высоте 3500—3700 м. Боковой и Водораздельный хребты в высших точках поднимаются за 4000. Отдельные звенья Бокового хребта отделены от Водораздельного обширными межгорными котловинами и долинами, из которых наиболее широкими являются Бежтинская и Самурская. По сравнению с горной, высокогорная область, особенно в западной части, характеризуется труднодоступной горно-ледни-

ковой формой рельефа с заостренными пиками, гребнями и осыпями склонов. В юго-восточной части горно-ледниковые формы рельефа сохранились слабо, так как глинистые сланцы, слагающие склоны гор и хребтов, легче выветриваются и подвергаются размыву¹⁸.

В этой высокогорной зоне Северо-Восточного Кавказа раннеземледельческие памятники неизвестны и это не случайно. Ее суровые природно-географические условия, по-видимому, не благоприятствовали сколько-нибудь стабильной оседло-земледельческой жизни. И позднее, в средневековье, земледелие здесь не получило заметного развития. В этой части Северо-Восточного Кавказа отсутствуют и широко разработанные искусственные земледельческие террасы, за исключением долины Самура. Этот факт весьма важен и показателен. Дело в том, что в горном Дагестане удается проследить закономерную взаимосвязь между степенью развития террасного земледелия и древностью земледельческого освоения тех или иных районов¹⁹. Известные сейчас памятники раннеземледельческой культуры сосредоточены в основном в тех районах, где было очень развито террасное земледелие (Левашинское, Хунзахское, Кегерское плато, Гидатлинская долина и др.), тогда как подобные памятники, как и террасы, в высокогорьях отсутствуют.

Следует отметить, что именно в этой высокогорной области расположены наиболее богатые летние пастбища — альпийские и субальпийские луга, — которые, по-видимому, и в древности использовались скотоводами, перегонявшими сюда свои стада как со стороны Закавказья²⁰, так и Северного Кавказа. Традиционные хозяйственные, культурно-исторические связи между Северо-Восточным Кавказом и Восточным и Центральным Закавказьем осуществлялись не только по наиболее удобному прикаспийскому пути, но и через горные перевалы на Водораздельном хребте, связывавшие внутренние области горного Дагестана и горной Чечни с Грузией и Азербайджаном. Таковы перевалы Кодорский (2357 м), Мачхал-Россо (2865 м), Гумилевский (2892 м), Салатавский (2852 м), Мушакский (2155 м), Диндидагский (2318 м) и другие. Археологические подтверждения раннего проникновения людей в высокогорные области пока единичны. Из них наиболее ранними являются находки в Цумадинском районе Дагестана архаического бронзового топора²¹ и сосуда алазано-беденской культуры²² III тыс. до н. э.

Такова в самых общих чертах картина строения поверхности Северо-Восточного Кавказа. В деталях же она еще более сложна и разнообразна. Несмотря на чрезвычайно сложный и суровый по внешнему виду рельеф, природные ресурсы, почвенно-климатические условия, характер растительного и животного мира — словом, весь комплекс, определявший экологический фон Северо-Восточного Кавказа, благоприятствовал раннему возникновению и развитию производящего хозяйства, способствовал быстрой адаптации человека к различным физико-географическим условиям и в целом сравнительно раннему хозяйственному освоению гор и становлению здесь оседло-земледельческого уклада жизни. Следует отметить наличие почти на всей территории практически неисчерпаемых ресурсов строительных и иных мате-

риалов, необходимых для изготовления орудий труда и бытовых предметов. Это камень-известняк, песчаники, мергели, различные глины, галечники, битум²³. Выявлены также выходы мрамора. Известны здесь и полезные ископаемые, в том числе медные руды (в бассейнах рек Андийского, Аварского Койсу, а наиболее крупные залежи—в бассейне реки Ахты-чай), сурьма, мышьяк²⁴. Важное значение имело также наличие местонахождений кремня, служившего, как известно, основным сырьем для изготовления орудий труда ранних земледельцев. Наибольшей популярностью пользовались месторождения качественного мелового кремня в окрестностях современных селений Акуша, Цудахар и других в Акушинском и Левашинском районах, где с неолита существовали его специальные разработки²⁵ для обмена.

Северо-Восточный Кавказ расположен у южной границы умеренного климатического пояса. Чрезвычайно разнообразны его почвенно-климатические условия, характер растительного и животного мира. Здесь встречается большинство типов климатических поясов, представленных на территории нашей страны, начиная от засушливого климата полупустынь Приморской низменности и близких к сухим субтропикам низовой Самура, кончая холодным и влажным климатом снежных вершин Бокового и Водораздельного хребтов Большого Кавказа. На природные условия Кавказа сильно влияет высотная зональность. Изменение климата с высотой влечет за собой изменение почвенно-растительного покрова, фауны, гидролого-геоморфологических процессов²⁶. Только на Большом Кавказе даже по грубой схеме выделяются минимум четыре основных типа высотной зональности ландшафтов, которые, переходя один в другой, образуют единую систему высотных зон и поясов²⁷.

На Северо-Восточном Кавказе, так же как и по строению рельефа, выделяются четыре основных типа высотной зональности ландшафтов: низменный, предгорный, внутриворонный и высокогорный²⁸. При этом следует отметить, что горная зона состоит из ряда обособленных геоморфологических областей, каждая из которых характеризуется своеобразием рельефа, включающего и глубокие долины и высокогорья. Резкое различие высот на коротких расстояниях является одной из характернейших особенностей северо-западной части внутреннего горного Дагестана. При средней высоте известняковых плато около 1900 м над уровнем моря, днища долин лежат в среднем на высоте 650—700 м²⁹. Существование в горном Дагестане таких микрорайонов с автономными вертикальными ландшафтными зонами требовало развития в каждом из них различных отраслей сельского хозяйства³⁰, чем, очевидно, и объясняется комплексный, многоотраслевой характер экономики горных общин, фиксируемый археологически с ранних этапов становления производящего хозяйства³¹.

Приморская полоса характеризуется резко континентальным климатом, засушливыми условиями. Дефицит влаги (годовое количество осадков в среднем 350—400 мм), большая солнечная радиация и испаряемость приводят к развитию здесь ландшафтов сухостепного, полупустынного типов. Южная часть отличается большей увлажненностью.

В дельте Самура климатические условия являются как бы переходными к сухим субтропикам.

Засушлива также предгорная часть. Климат здесь умеренно теплый с заметным проявлением высотной зональности. Средняя годовая сумма осадков 500—800 мм. Ближе к приморской низменности ландшафт степной, в верхней полосе, где осадков выпадает больше, создаются условия для произрастания широколиственных лесов³².

Как уже отмечалось, природные условия горной части весьма своеобразны и чрезвычайно разнообразны. Вследствие замкнутости высокими горными хребтами, климат внутреннего Дагестана, особенно его глубоких долин, отличается резко выраженной сухостью. Годовое количество осадков для гор очень мало (в среднем 400—600 мм). Здесь в силу вертикальной зональности распространены и сухие степи с нагорными ксерофитами и луго-степи, и горно-лесные зоны, и даже полупустыни³³.

В высокогорной области климат прохладный и влажный. Осадков выпадает до 1000 мм в год. Это в основном зона альпийских лугов, но в верховьях Андийского, Аварского Койсу, Кара-Койсу и Самура сохранились сосново-березовые леса. Выше 3500 м находится область вечных снегов и льдов.

Таково в самых общих чертах современное размещение ландшафтных зон на Северо-Восточном Кавказе. Однако на протяжении голоценовой эпохи они претерпевали смены и подвижки, связанные с колебаниями увлажненности каспийского региона. Эти колебания, обусловленные общеинтерконтинентальными климатическими изменениями четвертичного периода, оказывали непосредственное влияние на гидрологический режим Каспийского моря, вызывая неоднократно то понижения (регрессии), то повышения (трансгрессии) его уровня. По ним можно судить о характере климатических условий в регионе и подвижках ландшафтных зон: регрессии соответствовали аридным эпохам, а трансгрессии — влажным и прохладным³⁴.

Палинологические исследования четвертичных отложений Прикаспия и дна бассейна выявили многократные ритмические смены и подвижки растительного покрова региона. Их сопоставление с ритмами колебания уровня Каспийского моря показали, что периоды трансгрессий характеризовались усилением позиций лесных сообществ в полупустынных ныне районах побережья, а эпохи регрессий — широким распространением полупустынно-степных формаций³⁵. Установлено также, что ритмические смены аридных и увлажненных фаз сопровождались перемещением по вертикали поясов растительности Восточного Кавказа. При этом в фазы похолоданий и увлажнений происходило перемещение их на более низкие уровни, в результате чего на прибрежной равнине концентрировались экологически разнородные элементы различных вертикальных зон³⁶. Изменения климатических условий, перемещения ландшафтных зон влияли также на ареалы диких животных, в частности копытных, изменявшиеся на протяжении голоценовой эпохи³⁷.

В конце хвалынского времени, во 2-й пол. VIII—VII тыс. до н. э., в аридных условиях, протекала мангышлакская регрессия, при которой уровень Каспия понизился до отметки -50 ³⁸. В Прикаспии полностью вытесняется древесная растительность, ландшафт становится полупустынным и пустынным³⁹. Аридные климатические условия сложились в период мангышлакской регрессии и в горном Дагестане, о чем свидетельствует споро-пыльцевой спектр мезолитического слоя Чохского поселения⁴⁰.

В историческом плане эпоха мангышлакской регрессии — это время, когда на Северо-Восточном Кавказе широко расселялись мезолитические племена охотников и собирателей, в среде которых начали складываться зачатки производящих форм хозяйства⁴¹.

В конце VII тыс. до н. э. мангышлакская регрессия сменилась новокаспийской трансгрессией. Новокаспийское время характеризуется многократными трансгрессивными и регрессивными фазами⁴². В начале его (VI—IV тыс. до н. э.) выделяются две крупные трансгрессивные фазы. Первая из них (дагестанская), по данным радиоуглеродного анализа, протекала в I-й пол. VII тыс. до н. э., когда уровень Каспия поднимался, вероятно, до отметки -16 м, а вторая (гоусанская) — на рубеже V—IV тыс. до н. э. (наивысшая отметка -18 м)⁴³. Обе фазы были отделены друг от друга жиландинской регрессией конца VI—начала V тыс. до н. э. продолжительностью ок. 600 лет⁴⁴. А после гоусанской трансгрессии последовала избербашская регрессия, продолжавшаяся приблизительно с 3300 до 1800 года до н. э. при среднем уровне моря -39 — $-42,5$ м⁴⁵.

Новокаспийское время в фазы трансгрессий характеризуется возращанием увлажненности и смягчением континентальности климата. В Прикаспии была распространена растительность полупустынно-степного типа с участием лесных сообществ, достигавших в фазы стадияльных трансгрессий 26%⁴⁶. В горном Дагестане, судя по споро-пыльцевому спектру неолитического слоя Чохского поселения, отличающегося от нижележащего мезолитического высоким процентом пыльцы древесных пород, растительный покров имел лесостепной характер⁴⁷. В целом ландшафтные пояса Северо-Восточного Кавказа в новокаспийское время находились на более низких гипсометрических уровнях, чем в современную эпоху, климат отличался большей увлажненностью и мягкостью и это очень благоприятствовало становлению и развитию в горной зоне ранней оседло-земледельческой культуры.

В начале новокаспийского времени в условиях дагестанской трансгрессии (I-я пол. VI тыс. до н. э.) в горном Дагестане возникают первые поселения оседлых земледельцев (Чох), а в V—IV тыс. до н. э., при гоусанской трансгрессии, происходит их дальнейшее расселение в пределах горной зоны Северо-Восточного Кавказа (Ругуджа, Гинчи, Чинна). В это время Прикаспийская низменность, по имеющимся данным, сколько-нибудь длительно земледельчески не осваивалась и не обживалась. По-видимому, климатические условия, сложившиеся здесь в период ранних новокаспийских трансгрессий, были не очень благо-

722 610

приятными для оседло-земледельческого уклада хозяйства и быта. Как уже отмечалось, приморская зона Северо-Восточного Кавказа наиболее интенсивно и без перерыва обживалась с рубежа IV—III тыс. до н. э. до первых веков II тыс. до н. э., что соответствует времени наиболее продолжительной (ок. 1500 лет) в голоценовой истории Каспия избер-башской регрессии.

В заключение нашего физико-географического обзора отметим, что по своим природным условиям Северо-Восточный Кавказ вместе с Закавказьем стоит ближе к Азии, чем к Европе. По мнению многих географов (Г. И. Танфильев, Б. Ф. Добрынин и др.), Кавказ, за исключением Западного и Среднего Предкавказья, в естественно-географическом отношении является фактически частью Передней Азии⁴⁸. Северо-Восточный Кавказ и Закавказье близки к Передней Азии и в другом плане. Н. И. Вавилов рассматривал Закавказье и Дагестан как один из мировых очагов происхождения культурных растений, непосредственно связанный с переднеазиатским очагом, и включал их вместе в выделенный им юго-западно-азиатский центр происхождения культурных растений⁴⁹. Правоту этих взглядов подтвердили археологические исследования, открывшие в Закавказье и Дагестане ряд раннеземледельческих культур и позволившие рассматривать Кавказ как один из древнейших на юге нашей страны очагов возникновения производящего хозяйства и развития раннеземледельческих культур переднеазиатского типа. Поэтому культурно-историческое развитие Северо-Восточного Кавказа в древности определялось теми же закономерностями, что Закавказья и Передней Азии.

Выделение Северо-Восточного Кавказа в относительно самостоятельную область этого обширного кавказско-ближневосточного региона оправдано не только с точки зрения физико-географического районирования, но и его чисто культурно-исторического и этнического развития. В этой связи большое значение имеет такое широко применяемое в этнографии при историко-этнографическом или историко-культурном районировании традиционно-бытовых культур мира понятие, как «историко-этнографическая область». В отличие от понятий «хозяйственно-культурный тип», истолковываемый как исторически сложившийся комплекс особенностей хозяйства и культуры, характерный для различных народов, обитавших в сходных естественно-географических условиях и находившихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития⁵⁰, понятие «историко-этнографическая область» связано с этнической историей народов⁵¹. Если в образовании хозяйственно-культурных типов ведущую роль играли природные различия, то особенности историко-этнографических областей были обусловлены в значительной степени историческими обстоятельствами и этническими традициями⁵². Историко-этнографические области — это части ойкумены, у населения которых в процессе длительного взаимодействия и взаимовлияния сформировались многие общие особенности культуры⁵³. Другими словами, это территории, на которых в результате длительных связей, взаимного влияния и общности исторических судеб народов,

населявших эти территории, сложилась определенная культурная общность⁵⁴. Одной из таких областей является Северо-Восточный Кавказ, входящий как таковой в более крупное объединение подобного рода — в кавказскую историко-этнографическую провинцию или надобласть⁵⁵.

Несмотря на исключительное разнообразие естественно-географических условий Северо-Восточного Кавказа, народы, обитавшие здесь, в том числе и неродственные, в процессе длительного культурно-исторического развития на смежной территории, взаимодействий и взаимовлияний выработали многие общие черты культуры (производственной, материальной и духовной).

Пути культурно-исторического развития различных областей Кавказа начали расходиться еще в глубокой древности. Истоки их культурно-исторических различий восходят к раннему палеолиту, когда на Кавказе исследователи намечают уже отдельные мустьерские культуры и археологические комплексы⁵⁶. Более четко подобные области выделяются в верхнем палеолите и мезолите (три варианта культуры Кавказа или самостоятельные культуры: губская — на Северо-Западном Кавказе, чохская — на Северо-Восточном и имеретинская — в Закавказье)⁵⁷. Наметившиеся столь рано этно-культурные или культурно-исторические области Кавказа становятся в дальнейшем более или менее стабильными, особенно на западе и востоке региона. Так, неолит Западного Кавказа сильно отличается от раннеземледельческого неолита Северо-Восточного Кавказа⁵⁸, а в последующую энеолитическую эпоху Северо-Восточный Кавказ стал очагом своеобразной раннеземледельческой культуры, отличной от других синхронных культур Кавказа: шулавери-шомутепинской, западно-закавказской⁵⁹.

Майкопская и дольменная культуры эпохи ранней бронзы Западного Закавказья и Северо-Западного Кавказа не получили распространения на Восточном Кавказе, так же как куро-аракская культура Восточного Кавказа неизвестна на Черноморском побережье Кавказа⁶⁰. Причем Северо-Восточный Кавказ являлся очагом сложения и длительного развития весьма своеобразного местного варианта самой куро-аракской культуры, достаточно четко выделяющегося на фоне ее закавказских вариантов⁶¹. Культурное своеобразие Северо-Восточного Кавказа устойчиво сохраняется и в последующие периоды его исторического развития, когда здесь были распространены различные как от закавказских, так и северокавказских культур, северо-восточно-кавказские археологические культуры эпохи средней, поздней бронзы и начала железа (гинчинская, великентская, каякентско-хорочоевская, зандакская и др.)⁶² и даже в раннем средневековье⁶³, когда уже появляются более или менее достоверные сведения письменных источников о предках северо-восточно-кавказских народов.

Таким образом, на протяжении почти всего исторически обозримого периода на Северо-Восточном Кавказе одни археологические культуры сменялись другими, причем даже генетически слабо связанными друг с другом, но определенное единство материальной культуры, своеобразие этого региона сохраняются на всех этапах его исторического

развития примерно в тех естественно-географических границах, в которых мы видим исторический Северо-Восточный Кавказ. Здесь, конечно речь идет не об абсолютном совпадении границ во всех деталях и в безграницных отрезках времени, не о существовании непроходимых географических барьеров, не об абсолютном единстве и чистоте этнического лица и этногенетического процесса этого региона. Речь идет об очень раннем возникновении и длительном существовании на Кавказе этнокультурных областей, о большой стабильности их границ, об их не столько географическом, сколько историческом характере, об определенном совпадении географических границ и границ этнокультурных областей, а отнюдь не об их абсолютизации. Именно эти моменты подчеркивал А. А. Формозов, впервые выделивший архаические этнокультурные области юга Европейской части СССР и назвавший стабильные территории длительного сохранения этнокультурного единства провинциями⁶⁴.

Северо-Восточный Кавказ дает немало примеров, подчеркивающих историко-культурную, а не географическую обусловленность существования таких провинций. Так, в частности, памятники северо-восточно-кавказского варианта куро-аракской культуры известны в самых различных по своим природным условиям областях: в приморской равнине, в предгорьях, в высокогорьях. Но повсюду они характеризуются исключительным единством представленной ими материальной культуры во всех ее проявлениях. Об определенной стабильности границ провинций культурно-исторических областей свидетельствуют археологические культуры бронзового века. На всем его протяжении и в начале эпохи раннего железа граница между культурными областями Северного и Северо-Восточного Кавказа проходила примерно по Аргуно-Сунженскому междуречью. В эпоху ранней бронзы здесь была зона стыка майкопской и куро-аракской культур⁶⁵, в эпоху средней бронзы — северокавказской, с одной стороны, и гинчинской и каякентско-хорочевской — с другой⁶⁶, в эпоху поздней бронзы и раннего железа — кобанской и зандакской⁶⁷.

Интересны в этом плане и антропологические данные о древнем и современном населении Северо-Восточного Кавказа. Население Северо-Восточного Кавказа эпохи энеолита, бронзы и раннего железа в антропологическом отношении принадлежит к кругу южного индосредиземноморского типа, и оно в целом сходно с населением Закавказья и Передней Азии⁶⁸. Причем А. Г. Гаджиев на основе изучения краниологических материалов восточных районов Чечни (бассейн верховьев р. Аргун) приходит к заключению о промежуточном характере представленного ими антропологического типа между южным индосредиземноморским и северным протоевропеоидным антропологическими типами древней Евразии⁶⁹. Роль такого же барьера эта территория играла между группами, входящими в современный кавкасионский антропологический тип, хотя он генетически прямо и не связан с антропологическим типом древнего населения этой территории, принадлежащего, как уже было сказано, к южной индосредиземноморской расе.

Кавкасионский тип представлен центральнокавказскими (балкарцы, осетины, ингуши, хевсуры и др.) и некоторыми горными северо-восточно-кавказскими (чеченцы, аварцы, лакцы, даргинцы) народами. Специально изучавший вопрос о происхождении и гетерогенности кавкасионского типа В. П. Алексеев подчеркивает, что центрально-кавказские народы, в том числе и ингуши, составляют одну гомогенную группу, а чеченцы и аварцы отличаются от них весьма значительно, не менее чем от представителей других кавказских расовых типов, и образуют самостоятельные популяции⁷⁰, и что последние были отделены от центрально-кавказской группы «мощными генетическими барьерами, начиная с самых ранних этапов расообразования, может быть, даже с неолитического времени»⁷¹.

Выделение Северо-Восточного Кавказа в качестве особого историко-этнографического региона оправдано также с точки зрения языкознания. Согласно классификации, основанной на чисто лингвистических принципах, здесь локализируются носители одной из трех групп палеокавказских языков — нахско-дагестанских или восточно-кавказских. За исключением ингушского (подгруппа нахского языка), распространенного на территории центральной части Северного Кавказа, нахско-дагестанская группа кавказских языков компактно укладывается в естественно-географических границах Северо-Восточного Кавказа⁷². О древности этой группы языков свидетельствуют ее связи с древними языками Передней Азии. В частности, весьма популярна среди лингвистов гипотеза о генетическом родстве восточно-кавказских языков с хуррито-урартскими языками III—I тыс. до н. э.⁷³

Более того, исходя из ареального и хронологического соответствия одной из палеометаллических культур Кавказа — куро-аракской — и хуррито-урартских, и нахско-дагестанских языков, считается, что носители их были одновременно и создателями куро-аракской культуры⁷⁴. Если при этом учесть, что Северо-Восточный Кавказ входил в первичный ареал формирования и длительного развития куро-аракской культуры⁷⁵, то надо, естественно, полагать, что предки носителей современных нахско-дагестанских и хуррито-урартских языков обитали на этой территории по крайней мере с эпохи раннего металла. В свете данных глотохронологии нахско-дагестанские языки весьма рано, не позже IV тыс. до н. э., отделились от общего нахско-дагестанского и хуррито-урартского⁷⁶. Следовательно, общенахско-дагестанское праязыковое состояние приходится на время расцвета раннеземледельческой культуры Северо-Восточного Кавказа.

Таким образом, хотя историко-этнографические области не обязательно должны соотноситься со сменявшимися друг друга археологическими культурами, с языковыми общностями и ареалами расовых типов, и зачастую состоят из носителей разных языков и антропологических типов, объединенных общностью культурно-исторических судеб⁷⁷, северо-восточно-кавказская историко-этнографическая область предстает в значительной степени как историко-этнокультурное, лингвистическое

и антропологическое единство, развивавшееся на протяжении тысячелетий.

Из всего сказанного можно заключить, что мы вправе видеть в населении, создавшем культуру эпохи энеолита и бронзового века Северо-Восточного Кавказа, далеких предков носителей нахско-дагестанских языков. Но, конечно, из этого вовсе не следует, что они являются прямыми предками современных дагестанцев и чеченцев, живших на этой территории в пределах очерченных нами границ неизменно, чуть ли не с каменного века. Формирование современных народов и их языков — это длительный исторический, этногенетический процесс, сопровождавшийся вторжениями иных этнических групп, переселениями, распадом одних, объединениями других этнических общностей. Такие явления особенно характерны для Северо-Восточного Кавказа, издревле являвшегося коридором, по которому с севера на юг и наоборот проходили племена и народы как в древности, так и в средние века. Скорее всего, речь должна идти о том, что на Северо-Восточном Кавказе, в его горной части, с самого начала сложения здесь оседло-земледельческого уклада сформировался мощный этнокультурный субстрат, который, несмотря на любые исторические перипетии, сохранил до современной этнографической действительности свое этнокультурное, языковое и антропологическое своеобразие.

* * *

¹ Гвоздецкий Н. А. Кавказ. М., 1963, с. 107; Существуют и иные схемы геоморфологического районирования Кавказа. Но Восточный Кавказ в любом случае выделяется как отдельная область, с той или иной разницей в количестве составляющих его частей. (См.: Региональная геоморфология Кавказа. М., 1979, с. 5—74).

² Добрынин Б. Ф. География Дагестанской С. С. Республики. Даггиз, 1926, с. 6—23; Дробышев Д. В. Геологическое строение Дагестанской АССР и ее полезные ископаемые.— В кн.: Природные ресурсы Дагестанской АССР. М.; Л., 1935, т. 1, с. 14—15; Викторов А. Ф. и др. Дагестанская АССР. Махачкала, 1958, с. 9—32; Гюль К. К. и др. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959; с. 28; Эльдаров М. М. География Дагестанской АССР. Махачкала, 1977, с. 5.

³ Зонн С. В. Опыт естественно-географического районирования Дагестана.— В кн.: Сельское хозяйство Дагестана. М.; Л., 1946, с. 54.

⁴ Варданянц Л. А., Постплющеновая история кавказско-черноморско-каспийской области. Ереван, 1948, с. 47, 152—153.

⁵ Гаджиев М. Г. Новые данные о связях Дагестана с Закавказьем и Передней Азией в IV—III тыс. до н. э.— КСИА. М., 1966, вып. 108, с. 55; Он же. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969, с. 12—14.

⁶ Атаев Д. М. и Погребова М. Н. Поселение эпохи бронзы у с. Ирганай Унцукульского района.— МАД. Махачкала, 1973, т. 3, с. 28.

⁷ Котович В. Г. Археологические работы в горном Дагестане. МАД. Махачкала, 1961, т. 2, с. 36.

⁸ Гаджиев М. Г. Древнее земледелие и скотоводство в горном Дагестане.— В кн.:

Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980, с. 10—11.

⁹ Гюль К. К. и др. Физическая география..., с. 44.

¹⁰ Геоморфологическая характеристика Северо-Восточного Кавказа дается в основном по географической литературе, указанной в ссылке 2.

¹¹ Гаджиев М. Г., Маммаев М. М. Исследования Прикаспийской экспедиции.— АО—1977 г. М., 1978, с. 112—113; Гаджиев М. Г. Изучение памятников бронзового века в Прикаспийском Дагестане.— АО—1979 г. М., 1980, с. 101.

¹² Халилов Д. А., Кесаманлы Г. П. Гяфле-Тепелери — поселение эпохи ранней бронзы в Азербайджане.— В кн.: Кавказ и Юго-Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 55—59; Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 173.

¹³ Имеется в виду оседло-земледельческое освоение низменности, а не вообще ее заселение, что имело место еще в палеолите. (См.: Котович В. Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964, с. 35—98).

¹⁴ Пикуль М. И. Мугерганский могильник.— МАД. Махачкала, 1973, т. 3, с. 35—41.

¹⁵ Гюль К. К. и др. Физическая география..., с. 44.

¹⁶ Рыжиков В. В. География Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1965; Марковин В. И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965, с. 3—8.

¹⁷ Марковин В. И. В ущельях Аргуна и Фортанги, с. 12—16.

¹⁸ Гюль К. К. и др. Физическая география..., с. 49.

¹⁹ Гаджиев М. Г. Древнее земледелие и скотоводство в горном Дагестане, с. 11.

²⁰ Дедабришвили Ш. Ш. Памятники эпохи ранней и средней бронзы.— Тр. КАЭ. Тбилиси, 1969, т. 1, с. 72; Мухалишвили Д. Л. Вопросы исторической географии ущелья Панкиси.— Там же, с. 147—148.

²¹ Корневский С. Н. О металле эпохи ранней бронзы Дагестана.— В кн.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978, с. 42, рис. 2, 7.

²² Хранится в фондах Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.

²³ Гюль К. К. и др. Физическая география..., с. 59.

²⁴ Там же, с. 57—58; Эльдаров М. М. География Дагестанской АССР, с. 12.

²⁵ Котович В. Г. Каменный век Дагестана, с. 203.

²⁶ Гвоздецкий Н. А. Кавказ, с. 67.

²⁷ Там же, с. 69.

²⁸ Гюль К. К. Физическая география Дагестанской АССР, с. 109, 210; Эльдаров М. М. География..., с. 18—35.

²⁹ Гвоздецкий Н. А. Кавказ, с. 128.

³⁰ Зонн С. В. Опыт естественно-географического районирования Дагестана, с. 49—51, 60—62.

³¹ Гаджиев М. Г. Древнее земледелие и скотоводство в горном Дагестане, с. 13.

³² Гюль К. К. и др. Физическая география..., с. 215, 216.

³³ Эльдаров М. М. География..., с. 32.

³⁴ Федоров П. В. О некоторых вопросах голоценовой истории Каспия и Арала.— В кн.: Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980, с. 20.

³⁵ Абрамова Т. А. Изменение увлажненности Каспийского региона в голоцене по палинологическим данным.— Там же, с. 71.

³⁶ Абрамова Т. А. Палинологический анализ четвертичного морского террасового

комплекса Западного Прикаспия.— В кн.: Споро-пыльцевой анализ при геоморфологических исследованиях. М., 1981, с. 103.

³⁷ Котович В. Г. Каменный век Дагестана, с. 33; Котович В. М., Маркович В. И., Хехнева Т. Д. Древние и современные ареалы диких копытных на территории Дагестана.— МАД. Махачкала, 1973, т. 3, с. 20.

³⁸ Федоров П. В. О некоторых вопросах голоценовой истории..., с. 19.

³⁹ Абрамова Т. А. Палинологический анализ..., с. 102; Она же. Изменение увлажненности..., с. 71; Вронский В. А. Голоценовая история Каспийского моря по палинологическим данным.— В кн.: Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона, с. 75—77.

⁴⁰ См. в настоящем сб.: Амирханов Х. А. Чохская археологическая культура и проблема культурных ареалов раннего голоцена кругокаспийской области, с. 27.

⁴¹ Котович В. Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982, с. 127—138; Амирханов Х. А. Начало земледелия в Дагестане.— Природа, 1983, № 2, с. 52—57.

⁴² Федоров П. В. О некоторых вопросах голоценовой истории..., с. 19.

⁴³ Варуценко А. Н., Варуценко С. И., Клиге Р. К. Изменение уровня Каспийского моря в позднем плейстоцене-голоцене.— В кн.: Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене, с. 86.

⁴⁴ Там же, с. 88.

⁴⁵ Там же, с. 88.

⁴⁶ Абрамова Т. А. Изменение увлажненности..., с. 71, 72; Она же. Палинологический анализ..., с. 101; Вронский В. А. Голоценовая история..., с. 77, 78.

⁴⁷ Амирханов Х. А. Чохская археологическая культура..., с. 27.

⁴⁸ Гвоздецкий Н. А. Кавказ, с. 5.

⁴⁹ Вавилов Н. И. Опыт агроэкологического обозрения важнейших полевых культур. М.; Л., 1957, с. 87, 88; Он же. Учение о происхождении культурных растений после Дарвина.— Избр. тр. М.; Л., 1965, т. 5, с. 166—168.

⁵⁰ Левин М. Г. и Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области.— СЭ, 1955, № 4, с. 4; Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования.— СЭ, 1972, № 2, с. 3—16; Андрианов Б. В. Земледелие наших предков. М., 1978, с. 16.

⁵¹ Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического районирования).— СЭ, 1975, № 3, с. 17.

⁵² Андрианов Б. В. Земледелие наших предков, с. 19.

⁵³ Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Историко-этнографические области, с. 17.

⁵⁴ Левин М. Г. и Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, с. 10.

⁵⁵ Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Историко-этнографические области, с. 24.

⁵⁶ Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа. М., 1977, с. 190—204.

⁵⁷ Формозов А. А. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе.— СА, 1963, № 4, с. 183—187; Бадер Н. О. Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита.— СА, 1965, № 4, с. 14, 15; Амирханов Х. А. Верхний палеолит Северного Кавказа и его соотношение с верхним палеолитом смежных территорий.— Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1977, с. 21—27.

⁵⁸ Формозов А. А. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа.— МИА, 1962, № 102, с. 146—148; Небиеридзе Л. Д. Неолит Западного Закавказья. Тбилиси:

Мецниереба, 1972, с. 116; *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 55—79; *Джапаридзе О. М.* К этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тбилиси, 1976, с. 318; *Амирханов Х. А.* Начало земледелия в Дагестане. — Природа, 1983, № 2, с. 52—57.

⁵⁹ *Гаджиев М. Г.* К выделению северо-восточнокавказского очага каменной индустрии ранних земледельцев.— В кн.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978, с. 37, 38; *Он же.* Керамика горного Дагестана эпохи раннего металла.— В кн.: Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981, с. 34, 35; *Коробкова Г. Ф., Гаджиев М. Г.* О культурных и хозяйственных особенностях поселения Гинчи (Дагестан).— СА, 1983, № 1, с. 135, 141, 142.

⁶⁰ *Мунчаев Р. М.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа.— МИА, 1961, № 100, с. 149; *Он же.* Кавказ на заре..., с. 364, 365.

⁶¹ *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре..., с. 172—190.

⁶² *Крупнов Е. И.* Каякентский могильник — памятник древней Албании. — Тр. ГИМ. М., 1940, т. 11, с. 8 и сл.; *Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. М., 1958, с. 51—92; *Котович В. М.* Верхнегунибское поселение. Махачкала, 1965, с. 255; *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969, с. 173; *Он же.* Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху бронзы.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 28; *Давудов О. М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974, с. 135.

⁶³ М. Багаев отмечает, что в средневековую эпоху в культурном отношении Восточная Чечня (горная) тяготела не столько к западу, сколько к горному Дагестану, (См.: *Багаев М.* Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1970, с. 15.

⁶⁴ *Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, с. 116.

⁶⁵ *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре..., с. 336—365.

⁶⁶ *Гаджиев М. Г.* Дагестан и Юго-Восточная Чечня..., с. 28.

⁶⁷ *Давудов О. М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа, с. 40.

⁶⁸ *Гаджиев А. Г.* Происхождение народов Дагестана. Махачкала, 1965, с. 86.

⁶⁹ *Гаджиев А. Г.* Некоторые данные по краниологии Северо-Восточного Кавказа — В кн.: Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1973, т. 3, с. 113—115.

⁷⁰ *Алексеев В. П.* О структуре и древности кавкасионского типа в связи с происхождением народов Центрального Кавказа.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 100.

⁷¹ Там же, с. 101.

⁷² *Климов Г. А.* Кавказские языки. М., 1965, с. 14—18; (См. карту на с. 16).

⁷³ *Дьяконов И. М.* Языки древней Передней Азии. М., 1967, с. 23, 24.

⁷⁴ *Дьяконов И. М.* Некоторые лингвистические данные к проблеме связей населения Восточного Кавказа и Закавказья с Древним Востоком в III—I тыс. до н. э.— В кн.: Материалы семинара по проблеме происхождения и формирования азербайджанского народа: Тез. докл. Баку, 1966, с. 7.

⁷⁵ *Гаджиев М. Г.* Некоторые вопросы этнокультурного развития населения Северо-Восточного Кавказа в V—III тыс. до н. э.— В кн.: VIII Крупновские чтения: Тез. докл. Нальчик, 1978, с. 26—28; *Он же.* Северо-Восточный Кавказ и куро-аракская

культура.— В кн.: IX Крупновские чтения: Тез. докл. Элиста, 1979, с. 6, 7; *Он же*. Древнейшие поселения горного Дагестана.— В кн.: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980, с. 26—27.

⁷⁶ *Дьяконов И. М.* Некоторые лингвистические данные..., с. 7.

⁷⁷ *Левин М. Г. и Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, с. 16, 17; *Андреев Б. В., Чебоксаров Н. Н.* Историко-этнографические области, с. 21, 22.

ЧОХСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНЫХ АРЕАЛОВ РАННЕГО ГОЛОЦЕНА КРУГОКАСПИЙСКОЙ ОБЛАСТИ

Выделение широко вошедшей в литературу чохской культуры было связано с утверждением концепции археологической культуры палеолита¹. Поскольку Чохское поселение большинством исследователей рассматривалось как преимущественно верхнепалеолитическое, то и выделяемая на его основе культура также строилась на основе палеолитоведческих разработок.

Очень успешные работы по систематизации и обобщению верхнепалеолитических материалов Кавказа принадлежат С. Н. Замятнину², А. А. Формозову³ и Н. О. Бадеру⁴. Первые два исследователя рассматривали верхний палеолит Кавказа как единый культурный пласт, своеобразие которого заключается в его ориньяковидности и вытекающих из этого некоторых других чертах. Иной аспект в понимании культуры этой эпохи представлен в работах Н. О. Бадера. Поздний палеолит Кавказа впервые расчленяется здесь на группы культурно-тождественных, территориально обособленных памятников. Эти группы были положены в основу выделения трех верхнепалеолитических археологических культур: закавказской (имеретинская по Г. П. Григорьеву), чохской и губской. При этом отмечалось, что чохская культура продолжает существовать и в мезолитическое время⁵. Типологическое обоснование последней базировалось, главным образом, на остриях чохского типа. Для мезолитического этапа в качестве культурноопределяющего приводился еще тип асимметричных трапеций⁶.

Произведенный нами в последнее время пересмотр материалов памятника не приводит к отрицанию самой чохской археологической культуры. Но из него следует принципиальное переосмысление историко-культурной сущности и хронологической позиции последней⁷.

На уровне современных разработок имеется возможность существенно углубить и дополнить типологическую характеристику данной культуры. Сквозными для чохской культуры на всех этапах ее существования являются такие своеобразные типы как: острия чохского типа (в четырех вариантах), ножи с дистальным наклонным ретушированным обушком, низкие удлинённые асимметричные тупоугольные треугольники, нуклеусы архаических форм (дисковидные, подлеваллуаз-

ские). Своеобразный колорит данной культуре придают и трапеции — всегда высокие, иногда асимметричные, с прямыми или слегка вогнутыми боковыми сторонами. Яркой особенностью техники первичного раскалывания является наличие архаических форм нуклеусов.

Археологическая культура должна иметь определенную территорию своего распространения и хронологические рамки. Чохская культура кроме самого Чохского поселения включает стоянку Козьма-нохо. Этот памятник расположен примерно в 40 км к западу от Чоха и представляет собой однослойную стоянку открытого типа. Изучался он В. Г. Котовичем в те же годы, что и Чохское поселение. Стационарные исследования носили разведочный характер. Несколькими зачатками культурного слоя была установлена стратиграфия и получена коллекция археологического материала, насчитывающая около 200 кремневых изделий. Керамика здесь не обнаружена. Среди кремневых орудий имеются типы⁸, которые определяются нами как диагностические для чохской культуры. К ним относятся своеобразные низкие удлинённые асимметричные тупоугольные треугольники и, особенно, острия чохского типа. Остальной материал по всем своим показателям также близок к чохскому. На этом основании рассматриваемый памятник был в свое время справедливо отнесен В. Г. Котовичем к мезолиту и поставлен в один ряд с соответствующим культурным горизонтом Чоха. Впоследствии Н. О. Бадер прямо включил Козьма-нохо в выделенную им же чохскую культуру⁹. Таким образом, эта стоянка дает нам вторую точку для установления территории распространения данной культуры.

Рассматривая качественный состав исходного сырья мезолитических слоев Чоха, обычно указывают на широкое использование (особенно в нижних горизонтах) светло-серого полупрозрачного кремня, ближайшие естественные выходы которого находятся примерно в 30—40 км к востоку, на территориях современных Левашинского и Акушинского районов. Представляется, что использование данной территории вряд ли могло ограничиваться лишь эпизодическими рейдами за кремневым сырьем. За примерно два с половиной тысячелетия чохская культура должна была оставить здесь более существенные следы.

Приведенными данными исчерпываются, к сожалению, возможности для очерчивания ареала чохской культуры. Какова была истинная площадь распространения данной культуры? Ответ на этот вопрос зависит от успеха будущих исследований. Но уже сейчас мы знаем определенно, что она не занимала всей территории Дагестана. Мезолитические и неолитические памятники предгорий и равнинной полосы резко отличаются от комплексов чохской культуры, о чем ниже мы еще будем говорить. Этот факт позволяет нам, в дополнение к очерченной выше на основании конкретных данных минимальной границе чохской культуры наметить теоретически и максимальный ареал. Последний должен включать в себя центральный (известняковый) Дагестан с горноstepными ландшафтами нескольких его плато, богатством и стабильностью фауны стадных копытных, обилием источников воды и естественных

убежищ. Другими словами, чохская культура — это культура горного Дагестана.

Остановимся теперь на вопросе хронологии и периодизации рассматриваемой культуры. Для относительной и абсолютной датировки комплексов Чохского поселения мы располагаем кроме чисто археологических признаков данными геоморфологии, стратиграфии и палинологии. Ограничимся здесь их кратким обобщением. Археологические остатки Чохского поселения связаны с отложениями, соответствующими делювию первой надпойменной террасы р. Бакдакули. Терраса датируется временем 15 тыс. л. н. Нижний культурный слой залегает непосредственно на цоколе террасы, а отделен от последнего двумя довольно мощными слоями склоновых отложений без культурных остатков. Этот факт дает довольно основательный нижний хронологический репер. Ясно, что наиболее ранний слой памятника должен быть заметно моложе возраста самой террасы. Уточнению этой разницы во времени служат данные спорово-пыльцевого анализа. Палинологический спектр двух мезолитических слоев Чохского поселения составляет единую фазу, которая четко сопоставляется со спектром растительного покрова западного Прикаспия в период послехвалынской (мангышлакской) регрессии Каспийского моря, т. е. приблизительно 10—9 тыс. л. н.* Согласно этим же данным третья фаза спорово-пыльцевой диаграммы разреза отложений Чохского поселения соотносится с картиной растительности времени новокаспийской трансгрессии. Возраст осадков последней определен радиоуглеродными датировками в 8 тыс. л. н. Отсутствие разрыва в осадконакоплении памятника подтверждает эту последовательность стратиграфически. А все вместе хорошо согласуется с археологическими датировками культурных комплексов поселения, их технико-типологическим и структурным изменением от нижнего слоя к верхнему.

Таким образом, хронологические рамки чохской культуры охватывают приблизительно два—два с половиной тысячелетия, то есть время от конца последнего оледенения до начала атлантического века. На этом протяжении данная культура проходит два этапа своего развития. Этапы эти разделяет рубеж 6 тыс. л. до н. э. До указанной границы мы фиксируем довольно монотонное, спокойное развитие культуры в пределах мезолита. Кремневый инвентарь и техника обработки, если и изменяются от нижнего до верхнего мезолитических слоев, то не столь значительно, чтобы говорить о качественных преобразованиях. Совсем другая картина в неолитическом слое. На уровне последнего появляются принципиально новые категории орудий (жатвенные ножи, зернотерки), керамика, возникает домостроительство, уже проявились признаки коренного изменения формы хозяйства (культивируемые злаки, кости домашних животных). К этому же времени относятся и существенные климатические изменения, вызвавшие перестройку горных ландшафтных поясов. Но, несмотря на все эти значительные изменения, полной трансформации культуры еще не происходит. Инвентарь неолитического слоя сохраняет при всем этом ясные признаки генетической преемст-

венности от нижележащих мезолитических слоев. Коротко говоря, признаки преемственности проявляются в основных, специфических для данной культуры типах кремневых орудий (острия чохского типа, ножи с ретушированным дистальным наклонным обушком, удлиненные асимметричные тупоугольные треугольники, а также отдельные разновидности высоких трапеций), и в некоторых не менее своеобразных элементах техники обработки изделий (например, архаического типа нуклеусы подлеваллуазской и дисковидной форм). Конечно, количественные и качественные вариации от слоя к слою наблюдаются и в кремневом инвентаре, в том числе и в составе культууроопределяющих типов. Но эти изменения несопоставимы по масштабу с инновациями неолитического слоя. Дать исчерпывающий ответ на вопрос о том, какие факторы способствовали достаточно быстрому внедрению столь значительных новшеств еще затруднительно. Бесспорно, исключить роль местной мезолитической почвы в сложении нового комплекса признаков неолитического этапа чохской культуры невозможно.

Одной из самых сложных и трудноразрешимых проблем является проблема происхождения той или иной археологической, в том числе чохской культуры. Раньше, когда культурные слои Чоха относили к верхнему палеолиту и мезолиту с хронологическим охватом, примерно, от 15 до 7 тыс. л. до н. э. эта проблема так остро не стояла. Наличие почти неизвестного тогда нижнего слоя и степень исследованности памятника вообще позволяли допускать зарождение этой культуры здесь же — в горном Дагестане, в недрах позднего палеолита. Это как будто подтверждало и необычно яркое технико-типологическое своеобразие комплексов Чоха. Поэтому, подчеркивая своеобразие последних, сам памятник рассматривали в одном кругу верхнепалеолитических и мезолитических памятников Кавказа¹⁰. Вместе с этим, была предпринята попытка проследить типологические параллели мезолитическим (по старой стратиграфии) комплексам Чоха в синхронных материалах восточного Прикаспия¹¹. Выявленное при этом сопоставлении сходство тогда объяснялось нами предположительно конвергентностью развития. Произведенные теперь значительные передатировки культурных слоев Чохского поселения заставляют вернуться к этому вопросу.

Современный уровень исследования каменных индустрий позволяет подойти к проблеме соотношения памятников таких, казалось бы, отдаленных территорий, как южная часть прикаспийского Туркменистана и Дагестан, разделенных Каспийским морем. К необходимости такого сопоставления вела логика предшествующих исследований в этом направлении.

Работы по изучению каменного века Туркменистана¹² и исследования в Дагестане¹³ имели большое значение как для освещения древнейшей истории этих регионов, так и для решения вопросов, связанных с взаимоотношением культур больших и зачастую весьма обширных территорий. Благодаря этим работам были изучены комплексы раннего палеолита и интересующие нас мезолитические памятники. Так, в юго-

восточном Прикаспии были открыты стоянки Дам-дам-чешме 1, Дам-дам-чешме 2, Джебел, Кайлю, Каскыр-Булак и др.

Уже первые анализы указанных восточно-каспийских комплексов привели исследователей к двум весьма важным выводам: о культурном единообразии памятников этого района и об их вхождении в каспийский вариант финальнопалеолитической и мезолитической культуры¹⁴. Последующими изысканиями и открытием новых памятников к востоку от Туркменистана (Узбекистан, Таджикистан) эти выводы были еще более обоснованы и подтверждены¹⁵.

Наряду с этим, сравнительно недавно, была сделана попытка разделения материалов Восточного Прикаспия на два локальных варианта, один из которых («прибалаханский») представляет местную культуру (слои 4 «низ» — 7 Дам-дам-чешме 2, мезолитические комплексы Джебела и Каскыр-Булака), а другой — специфический вариант зарзийской культуры (слои 4 «верх» Дам-дам-чешме 2, Ходжа-Су, Дам-дам-чешме 1 и др.)¹⁶.

Вернемся теперь к Кавказу. Прежде всего следует отметить, что и кавказские культуры обнаруживают большие типологические различия. Сравним для примера чохскую культуру с наиболее представительной закавказской мезолитической культурой Западного Причерноморья Грузии¹⁷. Эта культура является производной от верхнепалеолитической имеретинской (закавказской по Н. О. Бадеру) археологической культуры. Она сохраняет в себе основные черты, присущие предшествующему времени. Главные из них сводятся к наличию в инвентарях вытянутых суженных сегментов, острий с притупленным краем и закругленным (а иногда заостренным с брюшка) ретушью основанием, прямоугольных преимущественно на микропластинках, низких удлиненных асимметричных треугольников (но не в тупоугольном варианте, как в чохских комплексах). Рассматриваемой культуре совершенно чужды типы, определяющие культурную специфику мезолита горного Дагестана — острия чохского типа, различные варианты высоких трапеций, нуклеусы архаичных форм и другие.

Конечно, в мезолитических комплексах горного Дагестана и Западного Закавказья есть и много общего, наблюдаемого в технике раскалывания и во вторичной обработке орудий, в наборе категорий орудий и в тенденциях развития. По этим показателям могли бы быть объединены в целое все памятники Кавказа данной эпохи. А дальнейшие поиски аналогий, основанных на указанных общих чертах, привели бы на юг — в Переднюю Азию. К этой кавказско-переднеазиатской верхнепалеолитической и мезолитической зоне на равных основаниях примыкают и памятники юго-восточного Прикаспия. Более важен вопрос о памятниках этой обширной территории, обнаруживающих тесные типологические параллели. Мы уже указывали на выделение для мезолита Туркменистана «зарзийского варианта». Близкие аналогии (не бесспорные на наш взгляд) с зарзийской культурой отмечались и для финального палеолита Кавказа¹⁸. Тем более интересно сравнение раннеголоценовых памятников юго-восточного Прикаспия с кавказскими.

Из приведенного выше краткого сравнения мезолитических материалов Северо-Восточного Кавказа и Западного Закавказья в какой-то мере видно, что более перспективной для сопоставления с туркменскими памятниками является чохская культура. Детальное изучение приводит к заключению, что между чохскими и хронологически сравнимыми культурными слоями туркменских пещер больше общих черт, чем между последними и памятниками других культур Кавказа. Заметим, что из западнотуркменских стоянок для сопоставления с Чохом использовались данные по комплексам Дам-дам-чешме 2 и Джебела, исследованные обстоятельнее других и доставившие статистически значимые серии кремневого инвентаря.

Сравнение комплексов Чоха, Дам-дам-чешме 2 и Джебела дает нам сходство двух уровней:

1) сходство уже отмеченных выше общих черт, присущих всем индустриям кавказско-переднеазиатской зоны;

2) более тесное сходство, наблюдаемое в специфических категориях кремневых изделий. Здесь наблюдается близость или совпадение таких форм, которые составляют культурное своеобразие групп сравниваемых комплексов. К ним относятся: крупные асимметричные трапеции и их мелкие подобия, выполненные в той же технике, симметричные или почти симметричные трапеции с более или менее вогнутыми боками, узкие высокие, близкие к прямоугольной форме трапеции с прямыми или вогнутыми боковыми сторонами — «поперечнолезвийные наконечники стрел», нуклеусы архаических форм (например, дисковидные), незначительный процент микролитовидности пластинчатых заготовок. Интересно, что типологическая сторона сходства сопоставляемых памятников основывается, главным образом, на трапециевидных формах. Для финального палеолита и мезолита Кавказа и Передней Азии формы эти довольно специфичны и характерны, кроме чохских и восточнокавказских комплексов, для памятников Южного Прикаспия на приморской территории Ирана. Речь идет о пещерах Гари-Камарбанд и Хоту¹⁹.

Причин, обусловивших указанное выше сходство, может быть две: конвергентность развития индустрий сопоставляемых регионов или наличие у них единой культурной подосновы. Соображения о конвергентном характере сходства сводятся, в основном, к тому, что трапециевидные формы, которые находятся в центре производимых нами сравнений, имеют довольно широкое территориальное распространение. Подобные изделия встречаются в разных вариациях от Японии²⁰ до западной Европы (известные тарденуазские стоянки Франции). Еще большую распространенность и единообразие получают эти формы в неолитическое время. Что касается конкретных аналогий из более близких территорий, то трапециевидные формы каспийских памятников Магриба²¹ очень похожи на таковые из Гари-Камарбанда. На юге территории СССР такие или близкие к ним орудия можно найти на Южном Урале и частично в Крыму²². Широкий ареал, относительная определенность нижнего хронологического рубежа возникновения (конец верхнего палео-

лита) и приуроченность стоянок с микролитами рассматриваемых форм в основном к морским и озерным побережьям говорят, таким образом, в пользу конвергентности при объяснении сходства некоторых черт инвентарей прикаспийских памятников Туркменистана, Северного Ирана и Дагестана (чохская культура).

Более убедительны, однако, данные, свидетельствующие о неслучайном характере близости мезолитических культур очерчиваемого нами ареала, который можно назвать условно южно-каспийским. Во-первых, они объединяются между собой на основании не одного, а нескольких своеобразных типов трапещий. Во-вторых, несмотря на приведенные только что соображения о возможности конвергентного возникновения некоторых разновидностей трапещий, южно-каспийская область оказывается все же окруженной территорией, для культур которой рассматриваемые изделия нехарактерны. Последние ни в какой мере не отражают специфику натифийской, кебарийской (в обоих ее вариантах) и зарзийской эпилеолитических культур, если даже эти изделия единично встречаются в отдельных памятниках. И, в-третьих, сходство сопоставляемых нами памятников не ограничивается только трапещиями. Об этом уже говорилось выше.

Таким образом, очевидное сходство мезолитических комплексов южно-каспийской области объясняется, вероятнее всего, наличием общей для них культурной подосновы. Отсюда возникают вопросы: на какой территории находились корни этой общности и каково тогда, в частности, происхождение чохской культуры? На эти вопросы сейчас можно дать лишь предположительные ответы. Исходя из всего отмеченного выше, можно представить, что наиболее вероятной территорией формирования культурного субстрата южно-каспийской, в нашем условном понимании, области является район, расположенный между горой Эльбрус и Каспийским морем, на севере современного Ирана. Именно здесь находятся наиболее ранние из рассмотренных нами памятников — пещеры Хоту и Гари-Камарбанд. Нижние культурные слои Хоту датированы (радиоуглеродным методом) временем 11860 ± 840 тыс. л. н. Что же касается чохской культуры, то по данным спорово-пыльцевого анализа отложений Чохского поселения, она в начальной стадии не древнее Хоту и Гари-Камарбанда. Носители этой культуры поселились в горах лишь после отступления последнего оледенения. Результаты палинологического исследования указывают на то, что самый нижний слой Чоха формировался, когда уже сложился растительный покров, характерный для времени мангышлакской регрессии Каспийского моря. Возможно, что именно эта регрессия, наиболее значительная в истории Каспийского моря, и была причиной значительных подвижек населения с юга на север вдоль восточного и западного побережий. Указанной регрессии сопутствовал резкий экологический кризис. Уровень моря снизился не менее, чем на 50 метров²³.

Происходила существенная перестройка ландшафта, общей тенденцией которой была существенная ксерофитизация растительности. Комплекс этих природных, гидрогеографических, ботанико-географических

и биогеографических изменений, конечно же, не мог не вызывать и соответствующих изменений в расселении и образе жизни людей. Но почему мы считаем, что в это время в горный Дагестан проникла культура, связанная происхождением не с самим дагестанским побережьем или предкавказскими степями, а именно с Южным Прикаспием? Типологические основания для такого заключения уже приводились. Существенным дополнением к этому является то, что мезолитические и неолитические памятники, расположенные, начиная от предгорий Северо-Восточного Кавказа до Северного Прикаспия, входят в другой культурный ареал, который также условно, как и охарактеризованный выше южно-каспийский, можно назвать каспийско-предкавказским или для краткости северокаспийским. Остановимся далее на этом вопросе.

Открытие и исследование памятников заключительного этапа каменного века степей Восточного и Северного Прикаспия связано прежде всего с именами Т. М. Минаевой²⁴, Е. И. Крупнова²⁵, И. В. Сеницына²⁶. Результаты этих работ были, отчасти, обобщены Т. М. Минаевой²⁷.

Инвентарь исследованных ими памятников состоит в основном из кремневых изделий и обломков керамики. Кремневые орудия представлены мелкими разновидностями сегментов и трапеций, остриями, проколками, наконечниками стрел, скребками и некоторыми другими. Сегменты обработаны по дуге чаще крутой и иногда краевой двусторонней ретушью. Среди трапеций встречаются экземпляры, имеющие двустороннюю плоскую ретушь. Наконечники стрел известны в нескольких вариантах. В местонахождении Ястак-Худук, например, найдены такие их разновидности, как: листовидные, листовидные с шипом, с полукруглой и угловой выемкой у основания, треугольные с прямым основанием. По внешним представлениям отнесение подобных двусторонне обработанных наконечников стрел к неолитическому (хотя и позднему) времени было ошибочным. Каменный инвентарь включал изделия и из иных, чем кремнь пород. Так, в Ястак-Худуке были обнаружены часть топора со сверлиной, долота, «точила», терочники и другое, которые часто имели тщательную подшлифовку. В этой категории вещей, как нам кажется, тоже есть орудия, относящиеся к более позднему, чем неолит, времени и объединяющиеся по хронологическим рамкам своего бытования с отмеченными выше наконечниками стрел с плоской двусторонней ретушью.

Керамика здесь представлена сосудами разнообразных форм ручной лепки с примесями толченых ракушек и с орнаментацией в виде зубчатого штампа, параллельных вертикальных зигзагов, конических полых ямочек, треугольников, поясков. Кроме того, на Ястак-Худуке обнаружены бронзовые наконечники стрел скифского типа и более поздний археологический материал. Этот поздний компонент отмечается и на ряде других, сходных с Ястак-Худуком, памятников, распространенных, по заключению Т. М. Минаевой, от Божиганских песков до Астрахани²⁸.

Относительно культурной принадлежности неолитических памятников степей Восточного и Северного Прикаспия указывалось, что они

«по кремневому инвентарю сближаются со стоянками кельтеминарской культуры к югу от Казахстана, в Хорезме»²⁹. Одновременно подчеркивалось резкое отличие керамики сравниваемых регионов. Впоследствии иную и правильную, на наш взгляд, оценку культурных особенностей рассматриваемых материалов дал А. А. Формозов. Основываясь на геометрических орудиях с двусторонней краевой ретушью и на таком признаке, как наличие в тесте керамики толченой ракушки, он высказал мнение об определенной связи памятников степного Прикаспия с неолитом горной Кубани³⁰. Вопросы объяснения устанавливаемого сходства, а следовательно, и времени его сложения специально не рассматривались, но и относительно их были приведены суждения, подкрепляющие концепцию автора.

В шестидесятых и семидесятых годах в литературу вошли материалы целого ряда новых памятников рассматриваемой территории³¹. Они происходили из Карачаево-Черкессии, Ергеней, Сарпинской низменности, прибрежных районов Калмыкии и районов, окружающих северную часть Каспийского моря. Наиболее значительным в новых открытиях было выявление памятников более ранних, чем известные ранее неолитические³². В это же время утвердился и более строгий подход к типологическому анализу индустрий. Была определена основная категория изделий, придающая своеобразие памятникам Северо-Западного и Северного Прикаспия — мелкие геометрические микролиты в виде низких сегментов и трапеций с двусторонней краевой ретушью. Сегменты этого типа, так же как и техника ретуши, которой обработаны они, вошли в литературу под названием гелуанские. Данный тип является культуроопределяющим для натуфийских эпилеолитических памятников Леванта³³ и сопровождается там обычно изделиями, называемыми «пластинками с выделенной головкой». Последние представляют собой орудия на пластинах или пластинках с симметричными парными ретушированными выемками у дистального или проксимального конца заготовки.

На территории СССР гелуанские сегменты раньше всего были отмечены в неолитических памятниках Западного Кавказа³⁴. Исходя из того, что в других районах они неизвестны, А. А. Формозовым был сделан вывод о распространении их на Кавказе с Ближнего Востока. А это, в свою очередь, давало основание для заключения о существенном ближневосточном влиянии, в результате которого вместе с формами натуфийской культуры на Западный Кавказ были привнесены и навыки производящего хозяйства³⁵. В данном допущении с самого начала имелось противоречие, касающееся хронологического несоответствия между натуфийской культурой и неолитом Западного Закавказья. Однако эта точка зрения была воспринята большинством исследователей и укоренилась в общих и частных работах по неолиту Кавказа. Опубликованные в 1964 году материалы Чахатской пещеры (Грузия), в инвентаре мезолитического слоя которой имелись сегмент гелуанского типа³⁶ и пластинка с двусторонне ретушированными выемками у конца³⁷, не принимались в расчет.

В шестидесятых и семидесятых годах стали обращать особое внимание на гелуанские сегменты в памятниках прикаспийских степей. На точку зрения А. А. Формозова по этому поводу мы уже указывали. Позднее к поискам аналогий в кавказских материалах обратился и А. Н. Мелентьев. Он допускал возможность как бы паритетных контактов кавказских племен эпохи неолита с населением так называемой сероглазовской культуры³⁸, выделенной им для Северного Прикаспия. Такой вывод подкреплялся наличием в инвентарях прикаспийских памятников предположительно кавказского обсидиана.

Специфический прием двусторонней краевой ретуши на пластинках и микролитах был установлен, между тем, для прикаспийских памятников, открытых позже и датированных А. Н. Мелентьевым мезолитом. Получалось, таким образом, что обработанные гелуанской ретушью изделия, в том числе и сегменты, в «сероглазовских» мезолитических памятниках возникли раньше, чем на Кавказе. Отсюда встала необходимость переориентировок культурных аналогий. Теперь отмечалось лишь общее сходство прикаспийских памятников с кавказскими и указывалось на более тесную, даже генетическую связь с Ближним Востоком³⁹. Таким образом, получалось, что имело место влияние культур Ближнего Востока на неолит Закавказья и в равной (если не в большей, согласно А. Н. Мелентьеву) мере на мезолит Северного Прикаспия. И процессы эти, судя по вышеописанным построениям, протекали независимо друг от друга.

Нам представляется, что решение рассмотренных выше вопросов можно перевести в другую плоскость. Речь пойдет в связи с этим о навесе Сатанай (Губский навес № 7). Этот памятник расположен на Северо-Западном Кавказе в 9 км к западу от станицы Баракаевской Мостовского района Краснодарского края на р. Губсе (притоке р. Белой). Своеобразный материал навеса Сатанай послужил в свое время для предварительного выделения губской археологической культуры⁴⁰. В отношении датировки памятника исследователи говорят о рубеже верхнего палеолита и мезолита⁴¹. Именно этот памятник содержит в своем инвентаре и гелуанский сегмент⁴², и пластину с выделенной головкой. Навес Сатанай — наиболее ранний на территории СССР памятник, содержащий предметы указанных форм. По отношению к ближневосточным памятникам он синхронен тем из них, в которых рано появляются гелуанские сегменты.

Орудия, о которых идет речь, встречены в инвентаре навеса Сатанай в единичных экземплярах. Но это не имеет решающего значения для рассматриваемого вопроса, так как единичность специфических изделий не то же самое, что единичность распространенных форм. Но если даже они и случайны, то все равно сам факт их наличия свидетельствует о возможности их конвергентного возникновения. Таким образом, оправдываются сомнения относительно ближневосточного происхождения гелуанских сегментов и пластин с выделенной головкой в некоторых памятниках кавказского Причерноморья⁴². Поиски истоков этих форм для этой территории приводят теперь на Северо-Западный

Кавказ. Логичнее допустить их распространение в пределах самого Кавказа примерно на двести километров с севера на юг, чем протягивать связи на многие тысячи километров к Восточному Средиземноморью. Тем более, что факты, документирующие сообщение людей через перевалы Западного Кавказа, известны для разных периодов каменного века, начиная с эпохи мустье⁴⁴.

Из указанной выше постановки вопроса следуют два вывода. Первый касается необходимости исключить гелуанские сегменты и пластины с выделенной головкой из аргументации в пользу продвижения производящих форм хозяйства с Ближнего Востока на Причерноморье Западного Кавказа. Второй имеет отношение к выделению локальных вариантов в причерноморском неолите. Л. Д. Небиеридзе разделяет неолитические памятники Западного Закавказья на две относительно обособленные друг от друга в культурном и территориальном отношении локальные группы. Инвентарь одной из них (Кистрак, Нижняя Шиловка) характеризуется наличием гелуанских сегментов и пластинок с выделенной головкой. Для второй группы (Одиши, Гурианта, Анасеули II) они не типичны. Л. Д. Небиеридзе исходит из ближневосточного происхождения указанных орудий и в результате приходит к распространенному выводу, что «в западнокавказской неолитической культуре выделяется ряд признаков, большую часть которых она унаследовала от местного мезолита..., а другую часть от древнейших культур Передней Азии...»⁴⁵. Лейтмотивом же сопоставлений причерноморских неолитических материалов с северокавказскими является указание на сходство между ними, объясняемого, как обычно, заимствованием северокавказскими племенами прогрессивных ближневосточных элементов культуры у западнокавказского населения. Л. Д. Небиеридзе тоже не пренебрегает во внимание тот факт, что предметы, на которых обособливается это положение, известны в северокавказском неолите в более раннее время, чем в Причерноморье. Имеется в виду местонахождение Овечка в Карачаево-Черкессии⁴⁶, не говоря уже о навесе Сатанай.

Нам же представляется более реальным выводить истоки западнозакавказских памятников с микролитами, обработанными «гелуанской» ретушью из северо-западнокавказского мезолита. Вариант культуры Кистрак—Нижняя Шиловка в том виде, в каком мы его знаем, является скорее всего результатом смешения северокавказских и западнозакавказских мезолитических и неолитических традиций. Северо-западнокавказский компонент здесь явно присутствует. Не случайно, видимо, и территориальное группирование памятников с гелуанскими микролитами и без них. Так, первые расположены близко к Сочи-Адлерскому району, где переход с Северного Кавказа в Закавказье (и наоборот) был легко возможен по географическим условиям и осуществлялся почти во все известные эпохи. Напротив, памятники второго варианта неолита Причерноморья расположены значительно восточнее — в Гурии и Мегрелии.

Сатанайские и некоторые другие материалы заставляют посмотреть по-иному и на проблему мезолитических памятников степей Западного

и Северного Прикаспия. Думается, прав А. Н. Мелентьев, исключая автохтонное (северокаспийское) происхождение местной мезолитической культуры⁴⁷. Однако вряд ли правомерно выводить ее с Ближнего Востока, от памятников зарзийского типа, и устанавливать между ними «этногенетическую близость». В качестве доказательств существования этой близости приводятся такие факты сходства сравниваемых материалов, как «высокая микролитовидность индустрии в целом, массовое употребление геометрических вкладышей, в том числе и сегментов низких удлиненных пропорций, нередко обработанных при этом специфическим способом: двусторонней ретушью по дуге изделия. Общая черта — большое количество пластин со скошенными концами и пластин с ретушью по продольным краям со стороны брюшка»⁴⁸. Из всех этих признаков для основного вывода А. Н. Мелентьева имеют значение, на наш взгляд, орудия близкие к сегментам гелуанского типа. Остальные черты доказываемого сходства очень общи для районов классического развития культур каменного века. В частности, они в полной мере характерны для мезолита Кавказа. Указание о том, что пластины, обработанные ретушью с брюшка, не характерны для Кавказа, не совсем верно. Такие изделия встречаются в памятниках триалетской культуры⁴⁹, в мезолитическом слое пещеры Шау-Лебет в Северной Осетии⁵⁰. С другой стороны, орудия, о которых идет речь, не являются диагностическими для культурной специфики зарзийских памятников. На них нельзя поэтому опираться при установлении генетического единства северокаспийских и ближневосточных памятников.

Остается снова обратиться к Кавказу так же, как это делалось первоначально в отношении неолитических памятников прикаспийских степей. К этому приводит не столько логика рассуждений по методу исключения, сколько сам конкретный материал. И наиболее надежным ориентиром в этих сравнениях остаются опять-таки микролиты с двусторонней краевой ретушью, особенно сегменты, изготовленные в этой технике. Появились, к тому же, и новые материалы, дополняющие наши знания по данному вопросу. Остановимся кратко на них.

В 1977 году в центральной части Ставропольского края нами было открыто мезолитическое местонахождение Томузловка. Оно расположено в 1,5 км к востоку от хутора Жуковского Новоселицкого района и приурочено к небольшому мысу, вытянувшемуся от края водораздела к р. Томузловка. Здесь на ограниченной площади была собрана значительная коллекция кремневых орудий (около 3000 предметов), происходящая из разрушенного культурного слоя. Сырьем для орудий служил кремль черного, серого и темно-красного цветов. Особое значение имеет наличие в инвентаре отщепов из черного и черного с коричневатыми прожилками обсидиана. Ближайшее отсюда месторождение обсидиана находится в Баксанском ущелье Кабардино-Балкарской АССР.

подавляющее большинство изделий Томузловки представляют собой заготовки и производственные отходы. Имеются и серии различных орудий. Среди них наиболее интересны сегменты со своеобразной техникой ретуши, трапеция, небольшой равнобедренный треугольник. Ду-

га сегментов обработана чередующейся ретушью. Те их части, которые примыкают к основаниям, обработаны со спинки, а вершина — полукрутой ретушью с брюшка. По-существу, это гелуанская техника ретуширования, приспособленная к узким и тонким исходным заготовкам. По указанным сегментам, трапециям, мелким равнобедренным треугольникам, а также общим показателям инвентарь Томузловки обнаруживает значительную близость к мезолитическим памятникам Северного Прикаспия. Аналогичный инвентарь содержит еще одно местонахождение — Дубовка, расположенное в 30—40 км к западу от первого. Оно было открыто в 1979 году В. Г. Петренко. Памятники, о которых идет речь, связаны с территорией, считавшейся полосой, разграничивающей кавказские памятники от прикаспийских. Местонахождения Томузловки и Дубовки как бы заполняют этот пространственный разрыв и служат, таким образом, еще одним веским позитивным аргументом в пользу мнения о северокавказских, а не ближневосточных истоках мезолита Северного и Северо-Западного Прикаспия.

Из всего вышесказанного следует вывод, что в мезолите и неолите в пределах кругокаспийской области существовало два культурных ареала. Первый, называемый условно южнокаспийским, включает территории, примыкающие к морю с юго-запада, юго-юго-востока. Второй, определяемый условно как северокаспийский, охватывал пространства степей Предкавказья, Северо-Западного, Северного и Северо-Восточного Прикаспия. В эти ареалы входили две группы культур, различных по своему происхождению. Массив памятников северокаспийского ареала имел генетические истоки на Северном Кавказе, а культуры южнокаспийского ареала связаны, по-видимому, своими корнями с прибрежными районами Южного Прикаспия. Территорию стыка этих ареалов пока еще трудно определить с достаточной четкостью. В западной части кругокаспийской области граница между ними, вероятнее всего, проходит примерно на дагестанском побережье. Основания для такого допущения дают неопубликованные пока материалы сборов В. И. Марковина на песчаных выдувах в районе сел. Алмало, несколько севернее Махачкалы. Неясно пока в каком соотношении с памятниками северокаспийского ареала находятся неолитические местонахождения предгорного Дагестана: Буйнакск, Тарнаир и некоторые другие⁵¹, тогда как существенное отличие их от чохской культуры, на наш взгляд, несомненно. Западная, северная и восточные границы рассматриваемого ареала достаточно размыты. Отмечалось распространение в эпоху неолита северокаспийских элементов культуры вверх по течению Волги⁵² и на территорию Волго-Уральского междуречья⁵³.

Интересно остановиться кратко и на вопросе о судьбах мезолитических культур кругокаспийской области в последующее время. Чохская культура в первой половине VI тыс. до н. э. приобретает комплекс качественно новых явлений и вступает в неолитический этап своего развития. Определяющими в этой трансформации выступают факторы внутреннего развития. Ареал культуры, судя по имеющимся к настоящему

времени данным, не изменяется. Черты самобытности не исчезают. Они сохраняются и развиваются.

Дальнейшая история культуры, представленной памятниками Южного Прикаспия (Гарн-Камарбанд, Хоту) не столь отчетлива. Эта территория оказалась в VII и на рубеже VI тыс. л. до н. э. в сфере кардинальных изменений в экономике и культуре, связанных с последствиями возникновения и первых шагов развития производящего хозяйства.

Становление неолита северокаспийского ареала на основе местного мезолита выступает достаточно ясно из выше подробно рассмотренных материалов⁵⁴.

* * *

¹ *Рогачев А. Н.* Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине.— МИА. М., 1957, № 59.

² *Замятин С. Н.* Новые данные по палеолиту Закавказья.— СЭ, 1935, № 2; *Он же.* Изучение палеолитического периода на Кавказе за 1936—1948 гг.— В кн.: Материалы по четвертичному периоду СССР. М.; Л., 1950, вып. 2; *Он же.* Палеолит Западного Закавказья.— В кн.: Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1957, т. 17.

³ *Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959; *Он же.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.

⁴ *Бадер Н. О.* О соотношении культуры верхнего палеолита и мезолита Крыма и Кавказа.— СА, 1961, № 4; *Он же.* Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита.— СА, 1965, № 4.

⁵ *Бадер Н. О.* Мезолит.— В кн.: Каменный век на территории СССР. М., 1970.

⁶ Там же, с. 94.

⁷ *Амирханов Х. А.* Некоторые итоги изучения неолитического слоя Чоха в 1980—1981 гг.— В кн.: Конференция по археологии Северного Кавказа. XII Крупновские чтения: Тез. докл. М., 1982; *Он же.* Становление производящего хозяйства на Северном Кавказе. (По раскопкам в Чохе).— В кн.: Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: Тез. докл. Ереван, 1982; *Он же.* Начало земледелия в Дагестане.— Природа, 1983, № 2.

⁸ *Котович В. Г.* Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964, с. 168, рис. 36, 12—15; 17—18.

⁹ *Бадер Н. О.* Варианты культуры...

¹⁰ *Котович В. Г.* Каменный век Дагестана..., с. 161.

¹¹ *Амирханов Х. А.* Типологические параллели поздним комплексам Чохской стоянки в мезолите Восточного Прикаспия.— В кн.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977.

¹² *Борисковский П. И.* Палеолитические местонахождения в Туркмении.— КСИИМК, 1947, вып. 18; *Окладников А. П.* Древнейшие археологические памятники Краснодарского полуострова.— ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1951, т. 2; *Он же.* Изучение памятников каменного века в Туркмении.— Изв. АН Туркменской ССР. Ашхабад, 1953;

Он же. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмени.— ГЮТАКЭ. Ашхабад, 1956, т. 7; *Он же.* Древнейшее прошлое Туркменистана.— Тр. Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Ашхабад, 1956; *Марков Г. Е.* Грот Дам-дам-чешме 2 в Восточном Прикаспии.— СА, 1966, № 2.

¹³ *Котозич В. Г.* Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане.— Уч. запiski Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1957, т. 3; *Он же.* Археологические работы в горном Дагестане.— В кн.: Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1961, т. 2; *Он же.* Каменный век Дагестана.

¹⁴ *Борисковский П. И.* Палеолитические местонахождения..., с. 8; *Окладников А. П.* Древнейшие археологические памятники..., с. 104.

¹⁵ *Окладников А. П.* Верхнепалеолитическое и мезолитическое время.— В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966; *Ранов В. А.* Каменный век Таджикистана. Душанбе, 1965.

¹⁶ *Коробкова Г. Ф.* Культуры Средней Азии эпохи мезолита и неолита.— В кн.: Проблемы археологии Средней Азии: Тез. докл. Л., 1968; с. 15—16; *Она же.* Проблема культур и локальных вариантов в мезолите и неолите Средней Азии.— КСИА, 1970, вып. 122, с. 21—24.

¹⁷ *Церетели Л. Д.* Мезолитическая культура Причерноморья Грузии. (На груз. яз.). Тбилиси, 1974.

¹⁸ *Бадер Н. О.* Различия между верхнепалеолитическими культурами Закавказья и Ближнего Востока.— В кн.: Археология Старого и Нового Света. М., 1966, с. 142—143.

¹⁹ *Coon C. S.* Cave explorations in Iran, 1929. Philadelphia, 1951; *Coon C. S.* Excavations in Hotu cave.— PARS 1952, v. 96, N 3.

²⁰ *Ikawa F.* Some aspects of paleolithic cultures in Japan.— In: La préhistoire. Problemes et tendances. Paris, 1968, fig. 2, p. 243.

²¹ *Camps G.* Le Capsien supérieur. Etat de la question.— In: La préhistoire. Problemes et tendances. Paris, 1968, fig. 1, p. 94.

²² Сравнение некоторых трапециевидных форм североиранских и крымских памятников см.: *The Cambridge ancient history. W. 1, part. 1, Prebogeomena and history.* Cambridge, 1970, fig. 15, p. 119.

²³ *Варуцэнко А. Н.* и др. Изменение уровня Каспийского моря в позднем плейстоцене-голоцене.— В кн.: Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980; *Леонтьев О. К., Чекалина Т. И.* Колебания уровня Каспийского моря в голоцене.— Там же.

²⁴ *Минаева Т. М.* Кремневая индустрия Нижнего Поволжья.— Тр. Нижне-Волжского общества краеведения. Саратов, 1929, вып. 36, ч. 1; *Она же.* Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных землях.— КСИИМК, 1955, вып. 59.

²⁵ *Крупнов Е. И.* Археологические работы на Северном Кавказе.— КСИИМК, 1949, вып. 27.

²⁶ *Синицын И. В.* Древние памятники приморских районов Калмыцкой области.— Изв. Нижне-Волжского ин-та краеведения. Саратов, 1933, т. 6.

²⁷ *Минаева Т. М.* Стоянка с микролитическим инвентарем...

²⁸ Там же, с. 52—53.

²⁹ Там же, с. 53.

- ³⁰ *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит..., с. 62—63.
- ³¹ *Синицын И. В.* Археологические памятники Северо-Западного Прикаспия.— Тр. Саратовского музея краеведения. Саратов, 1960, вып. 3; *Грекова Л. В.* Памятники неолита Восточного Предкавказья.— Тр. ГИМ. М., 1960, вып. 37; *Любин В. П.* Неолитическая стоянка на Овечке (Карачаево-Черкессия).— Тр. Карачаево-Черкесского НИИЯЛ. Серия истор. Ставрополь, 1966, вып. 5; *Праслов Н. Д.* Памятники каменного века южных Ергеней.— КСИА, 1971, вып. 126; *Мелентьев А. Н.* Памятники сероглазовской культуры (неолит Северного Прикаспия).— КСИА, 1975, вып. 141; *Он же.* Мезолит Северного Прикаспия (памятники сероглазовской культуры).— КСИА, 1977, вып. 149.
- ³² *Праслов Н. Д.* Памятники каменного века...; *Мелентьев А. Н.* Мезолит Северного Прикаспия...
- ³³ *Neuville R.* Le paleolitique et le mesolitique du Desert de Judée. Archives de l'Institut de paleontologie humaine. Memoir, 24, 1951.
- ³⁴ *Формозов А. А.* Неолит Крыма...; *Он же.* Каменный век и энеолит...; *Он же.* О соотношении неолитических и энеолитических культур Кавказа.— КСИА, 1973; вып. 137; *Любин В. П.* Неолитическая стоянка...; *Небиеридзе Л. Д.* Неолит Западного Закавказья. Тбилиси, 1972.
- ³⁵ *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит...
- ³⁶ *Бердзенишвили Н. З.* Новый памятник каменного века в ущелье Цхалцитела. (На груз. яз.). Тбилиси, 1964, табл. 1, 9.
- ³⁷ Там же. табл. IV, 6.
- ³⁸ *Мелентьев А. Н.* Памятники сероглазовской культуры..., с. 115.
- ³⁹ *Мелентьев А. Н.* Мезолит Северного Прикаспия..., с. 105.
- ⁴⁰ *Бадер Н. О.* Варианты культуры...
- ⁴¹ *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит...; *Бадер Н. О.* Варианты культуры...; *Аутлев П. У., Амирханов Х. А.* Костяной инвентарь стоянки Сатанай (Губского пещера № 7).— В кн.: Сборник трудов по археологии Адыген. Майкоп, 1977.
- ⁴² *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит..., рис. 20, 2.
- ⁴³ *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 71.
- ⁴⁴ *Любин В. П.* Исследования палеолита в горах Западного Кавказа.— АО, 1967 г., М., 1968.
- ⁴⁵ *Небиеридзе Л. Д.* Неолит Западного Закавказья, с. 117.
- ⁴⁶ *Любин В. П.* Неолитическая стоянка...
- ⁴⁷ *Мелентьев А. Н.* Мезолит Северного Прикаспия..., с. 105
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ *Габуния М. К.* Трпалетская мезолитическая культура. (На груз. яз.). Тбилиси, 1975, табл. 7, 8.
- ⁵⁰ *Любин В. П.* Первые сведения о мезолите горного Кавказа (Осетия).— МИА. М., 1966; вып. 131.
- ⁵¹ *Марковин В. И.* Археологические находки с территории Тарнаира.— КСИИМК, 1957, вып. 67; *Марковин В. И. и Мунчаев Р. М.* Неолитическая стоянка близ г. Буйнакса.— КСИИМК, 1957, вып. 67; *Марковин В. И.* Неолитическая стоянка близ Махачкалы.— МАД. Махачкала, 1959, т. 1; *Котович В. Г.* Каменный век...
- ⁵² *Минаева Т. М.* Стоянка с микролитическим инвентарем...
- ⁵³ *Мелентьев А. Н.* Мезолит Северного Прикаспия...
- ⁵⁴ Необходимо упомянуть в этой связи и о стоянке Джангар в Калмыкии. В от-

личие от других, ранее известных местонахождений, археологические остатки залегают здесь в сохранившемся культурном слое на глубине 0,3 м от современной дневной поверхности. Данный памятник позволяет верифицировать оценки неолита прикаспийских степей, датировавшиеся ранее по материалам, полученным с развеянных площадей. Оценки эти с небольшими поправками в целом оправдываются. В инвентаре Джангара широко представлены сегменты и трапеции, обработанные иногда двусторонней краевой ретушью, мелкие треугольники, ногтевидные скребки и другие орудия. Найдено здесь и большое количество фрагментов керамики. Многообещающим является предварительное указание на наличие костей домашних животных в составе остеологической коллекции стоянки. (См.: *Кольцов П. М.* Результаты археологических разведок 1976—1980 гг. на территории Калмыцкой АССР.— В кн.: Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста, 1982, с. 102—105).

К СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ДАГЕСТАНА АЛБАНСКОГО ВРЕМЕНИ

На рубеже и в первых веках н. э. на территории Дагестана появляются захоронения отдельных человеческих черепов. На этот факт указывают многие исследователи могильников Дагестана албано-сарматского времени. Большинство из этих захоронений составляют захоронения, сопровождающие центральные погребения. Именно им и уделяется внимание в настоящей публикации, обобщается накопленный к настоящему времени материал, высказывается наша точка зрения, вскрываются причины и условия возникновения этой неординарной черты погребального обряда.

Два комплекса погребений, в которых захоронения черепов сопровождают центральные погребения, встречены в Карабудахкентском могильнике № 1 (I—II вв. н. э.), исследованном К. Ф. Смирновым. Это довольно богатое грунтовое, с частичной каменной обкладкой, погребение женщины вытянуто на спине (погр. № 45). При женском костяке под ногами находилось погребение ребенка (погр. № 50), а на миске перед лицом женщины лежал человеческий череп (погр. № 46). Еще два человеческих черепа (погр. № 2), а между ними локтевая кость были расположены несколько севернее ног погребенной¹. Эти захоронения выделяются рядом окружающих их крупных камней в отдельную группу (группа IV по К. Ф. Смирнову), что указывает на связь и одновременность захоронений черепов (в особенности погр. № 46) с центральным погребением женщины. Как сопровождающие могут рассматриваться захоронения человеческих черепов (погр. № 27, 28), сосредоточенные у известной коллективной могилы № 38. В первом случае у северо-западной стены склепа (мог. № 38) с ее внешней стороны находилось погребение черепа и нескольких других костей (погр. № 27). Второй человеческий череп (погр. № 28) лежал у внешней стороны северо-восточной стены этого же склепа. Следует также отметить, что помимо человеческих черепов, у оград склепа с внешней стороны находились три полных конских захоронения и шесть отдельных конских черепов². Сосредоточение захоронений целых лошадей, конских и человеческих черепов (даже при некоторой разновременности их погребения, учитывая время функционирования склепа) у стен склепа указы-

вает на связь их с погребениями склепа и позволяет считать их сопровождающими. К. Ф. Смирнов считал погребения человеческих черепов «вариантом вторичных погребений» и предполагал в этом возможность «жертвоприношений черепов врагов или социально зависимых людей»³.

Захоронение человеческого черепа зафиксировано и в Новолакском склепе (I—II вв. н. э.). Здесь череп лежал над склепом у плит перекрытия, в кольце из валунов, прикрытый грудой мелких камней. В склепе были захоронены пять человек⁴. Отрицать принадлежность захоронения черепа к склепу, связь с погребениями склепа оснований нет.

К группе захоронений человеческих черепов, сопровождающих центральные погребения, относятся погребения № 4 и № 59 Шаракунского могильника (VI в. до н. э. — II в. н. э.), датированные М. И. Пикуль соответственно V—IV вв. до н. э. и I—II вв. н. э.⁵ Однако погр. № 4 необходимо датировать рубежом н. э., судя по находкам в нем позолоченных бус, которые распространяются в Дагестане в последних веках до н. э. — первых веках н. э.⁶ Погр. № 4 представляло собой захоронение женщины в грунтовой могиле, в скорченном положении на левом боку, головой на запад, с поднесенными к лицу кистями рук. Помимо погребального инвентаря, включавшего украшения, предметы туалета и керамику, женский скелет сопровождали два массивных мужских черепа, которые находились у пяточных костей женского костяка, рядом с кувшином и миской⁷. В погр. № 59 в грунтовой могиле был захоронен подросток в скорченном положении на правом боку, головой на запад. Вместе с погребальным инвентарем, представленным бусами и двумя кувшинами, стоявшими по обе стороны черепа подростка, в могиле находились три черепа взрослых людей. Один из них лежал вплотную к скелету подростка возле бедренных костей у колен, два других чуть поодалу к югу от первого черепа⁸. Местоположение отдельных черепов относительно центрального погребения и погребального инвентаря, а также нахождение в одной могильной яме (хотя форму могил проследить не удалось) свидетельствуют, что захоронения черепов в обоих случаях сопровождали центральные погребения и производились одновременно с ними.

М. И. Пикуль, исследовавшая Новолакский склеп и Шаракунский могильник, пришла к выводу, что в этих погребениях, как и в описанных выше погребениях Карабудахкентского могильника № 1 есть основания предполагать наличие обычной человеческого жертвоприношения, который «отражает процесс развивающегося патриархального рабства»⁹.

Захоронения человеческих черепов, сопровождающих центральные погребения отмечены и в Буйнакском могильнике (III—V вв.), причем, судя по материалам раскопок, только в каменных гробницах. Среди них выделяется могила 9, в которой погребенный с деформированным черепом лежал вытянуто на спине, головой на восток, со скрещенными в голених ногами, а по обе стороны черепа находились еще два деформированных черепа без каких-либо следов других костей. По всей видимости, вытянутое на спине погребение в сопровождении черепа было и в могиле 1¹⁰. Захоронения отдельных человеческих черепов, сопровож-

дающих центральные погребения, предположительно имелись также в могилах 12, 19. Обращает на себя внимание наличие в частично разрушенной могиле 20, судя по плану А. А. Захарова, глиняной миски, в которой находился человеческий череп¹¹, что имеет параллели в Карабудахкентском могильнике № 1 (погр. № 46).

М. П. Абрамова, исследовавшая материалы Буйнакского могильника, как и К. Ф. Смирнов, обычай погребения человеческих черепов связывает с обрядом вторичных захоронений. На основании того факта, что в Буйнакском могильнике черепа сопровождают обычно бедные погребения, а также свидетельств Ксенофонта и Диона Кассия о существовании соответственно у халибов и парфян обычая отсечения голов убитых врагов, М. П. Абрамова склонна видеть в захоронениях черепов захоронения черепов врагов, а не социально зависимых людей¹².

Наиболее выразительно захоронения человеческих черепов, сопровождающих центральное погребение, представлены в Дербентском могильнике (I—II вв.) в погребениях №№ 9—11, связанных единой могильной ямой и представляющих единое коллективное захоронение. Погр. № 9 представляет собой грунтовую могилу с каменной обкладкой, в которой находился мужской скелет в вытянутом на спине положении, головой на юго-запад, в сопровождении богатого инвентаря и захоронения конского черепа и фрагментов конского скелета, слева рядом. В погребении под костяком мужчины, в ногах, в овальном углублении, лежало пять человеческих черепов и конечностей, многие из которых преднамеренно сломаны (погр. № 11). Рядом лежал череп собаки. Еще один человеческий череп был у изголовья погребенного в специально сделанной нише в стенке каменной оградки. Слева от погребенного мужчины, но на одном уровне с захоронением черепов и конечностей, находилось грунтовое погребение женщины (погр. № 10) в вытянутом положении, на спине, головой на юго-запад. Единственной находкой в погр. № 10 было кольцо с вставкой из голубой пасты, обнаруженное на пальце правой руки¹³. А. А. Кудрявцев полагает, что этот комплекс представляет собой захоронение знатного покойника, которого сопровождали жена или наложница и какие-то зависимые люди — рабы или пленные враги, убитые в день похорон господина¹⁴.

Возможно, захоронения черепов, сопровождающих центральные погребения, имелись в Гапшминском могильнике (III—VI вв.), исследованном В. Г. Котовичем¹⁵.

Наиболее поздними из рассматриваемой группы погребений являются, вероятно, погребения Бежтинского могильника VIII—X вв.¹⁶ (погр. №№ 1, 2, раскопок 1958 г.). Здесь было выявлено богатое грунтовое, с частичной каменной обкладкой погребение мужчины, в вытянутом на спине положении, головой на юго-запад (погр. № 1). Оно сопровождалось безынвентарным захоронением человеческого черепа (погр. № 2), помещенным слева, рядом с погребенным, внутри могильной ямы, у камня оградки¹⁷. По мнению Д. М. Атаева, «череп этот, по всей вероятности, принадлежал насильственно умерщвленному зависимому члену общества (рабы?)»¹⁸. Отметим также, что чуть поодаль от изголовья

погр. № 1, вне могильной ямы, но в одном с ним слое был обнаружен человеческий череп (погр. № 9), лежавший на камне подпрямоугольной формы. На черепе лежал железный нож, а рядом с камнем — красноглиняный кувшин с ленточной ручкой¹⁹.

Какая интерпретация вышеописанных погребений Шаракунского, Карабудахкентского № 1 могильника, О. М. Давудов отмечает, «что как по богатству инвентаря, так и по жертвоприношению зависимых лиц эти погребения мы вправе приписать аристократии»²⁰.

На этом исчерпываются известные к настоящему времени с территории Дагестана материалы, относящиеся к группе погребений, характеризующихся захоронением отдельных черепов (редко с некоторыми другими костями скелета), сопровождающих центральные погребения. Все они относятся к рубежу — первой половине I тыс. н. э. Из этой группы по времени несколько выпадают погребения Бежтинского могильника VIII—X вв. Однако мы позволим себе поставить их в один ряд с другими подобными погребениями, так как причины, вызвавшие появление этой черты — захоронение отдельных черепов, сопровождающих центральные погребения — в погребальном обряде, как и социальная интерпретация их, на наш взгляд, одинаковы.

Обзор захоронений черепов, сопровождающих центральные погребения, указывает, прежде всего, на наличие их в различных погребальных сооружениях. Они присутствуют среди грунтовых погребений со скорченным (Шаракунский могильник) и вытянутым положением (Карабудахкентский № 1, Бежтинский, Дербентский могильники), в каменных склепах (Новолакский, Карабудахкентский № 1 могильники), гробницах (Буйнакский могильник). Это может указывать на общий, универсальный характер такой черты погребального обряда, отразившей, в свою очередь, сходные духовные представления и реальные общественные отношения. Вместе с тем имеются и особенности в захоронении и расположении черепов, объясняемые, возможно, различиями в погребальной обрядности, а также различным социальным статусом центральных погребенных при жизни. Об этом же, по-видимому, свидетельствует и количественная характеристика черепов при центральных погребениях — от одного до шести. Черепа клались над склепом, около стен склепа и поблизости от центрального погребения. В некоторых случаях преднамеренно устраивались каменные ложа, ниши, округлые углубления. Отмечены случаи положения двух черепов по обе стороны черепа центрального погребения (мог. 9 Буйнакского могильника), черепа на миске (погр. 1 Буйнакского могильника), в том числе перед лицом погребенного (погр. № 45, 46, Карабудахкентского № 1 могильника), захоронения черепов у ног (погр. № 2 Карабудахкентского № 1 и погр. № 4 Шаракунского могильников) или под ногами центрального погребения (погр. № 11 Дербентского могильника). Последние находят прямую параллель в срубных погребениях II—III вв. н. э. Мингечаура (Калагета), раскопанных в 1949 г. С. М. Казиевым. Здесь, в одном из двух срубов (погр. № 11), условно названном исследователем «могилой амазонки», был обнаружен женский скелет,

который помимо украшений, железных ножа, кинжала и длинного меча, сопровождали три черепа, лежащих под ногами погребенной! В другом срубе (погр. № 17) был также обнаружен скелет, у ног которого находился другой скелет в сильно скорченном виде и с трещиной в височной части черепа. Эти обстоятельства дали возможность С. М. Казиеву говорить о существовании «погребального обычая умерщвлять другого человека ударом в висок и класть у ног погребенного»²¹. Помещение девяти черепов у ног погребенного зафиксировано Д. Б. Шульцем в раскопанном им в 1884 г. близ Сартачал каменном ящике²². Необычное сходство этих деталей захоронений — в особенности такой, как положение черепов под ноги умершего, зафиксированное в Дербентском (погр. № 9, 11) и Мингечаурском (погр. № 11) могильниках, причем в синхронных погребениях, позволяет сделать предположение об идентичности не только каких-то общих идеологических представлений, но и частных сторон погребального ритуала у различных племен, входивших в Албанскую конфедерацию.

Остановимся вкратце на связи захоронений черепов, сопровождающих центральные погребения, с теми или иными обрядами. Некоторые исследователи считали захоронения черепов «вариантом вторичных захоронений» и в то же время видели в них возможные человеческие жертвоприношения²³. Однако уже эти два предположения исключают друг друга. Уже сам факт наличия в погребениях человеческих черепов указывает на такую деталь обряда как отсечение головы²⁴. Являлась ли эта черта элементом обряда расчленения, сказать определенно трудно, хотя в редких случаях (погр. № 2 Карабудахкентского № 1 и погр. № 11 Дербентского могильников) в захоронениях черепов присутствуют и некоторые конечности. В одном случае при двух черепах лежала локтевая кость, а в другом — конечности носили следы преднамеренной ломки. Последний факт исключает обряд расчленения, предусматривающий сохранность (целостность) частей скелета. Не следует связывать, на наш взгляд, захоронения черепов, сопровождающих центральные погребения, с обрядом вторичных захоронений²⁵, так как последний предполагает, прежде всего перезахоронение костяка. Общий характер и особенности захоронений человеческих черепов, как и прослеживаемая в большинстве случаев единовременность их захоронений и центрального погребения не позволяют говорить о наличии обряда вторичных захоронений²⁶, а свидетельствуют о том, что сопровождающие захоронения черепов являются составной частью самого погребального обряда.

Эти обстоятельства, сами способы погребения центрального и сопровождающих захоронений, а также отмеченная повторяемость этой общей черты погребального обряда, — сопровождающие захоронения черепов при центральном погребении, при различных конструкциях погребального сооружения, позволяют с уверенностью говорить, что это человеческие жертвоприношения. К такому заключению подводит и ряд данных иного порядка. Так, погр. № 9 Бежтинского могильника, в котором человеческий череп был помещен на камне подпрямоуголь-

ной формы, а на черепе лежал железный нож, может интерпретироваться как жертвенный алтарь²⁷. На эту мысль наводит не только характер захоронения, но и его местоположение недалеко от изголовья погребения, где имеется сопровождающее захоронение черепа, а также наличие рядом кувшина. Эти две черты — устройство жертвенника у изголовья погребения и помещение на нем кувшина, как кажется, характерны для позднеалбанского времени.

Наше заключение о наличии обряда человеческих жертвоприношений подчеркивается и усиливается тем фактом, что в том же Бежтинском могильнике помимо захоронения черепа при центральном погребении (погр. № 1, 2), и в противоположность ему, было обнаружено индивидуальное захоронение человеческого черепа в неглубокой овальной грунтовой яме в сопровождении богатого инвентаря, в числе которого имелись железные наконечник копья, нож, длинный меч и другие предметы²⁸. Д. М. Атаев считал это захоронение культовым и связывал с известным сообщением Ибн Русте (X в.) о поклонении жителей Серира «сухой голове»²⁹, в котором нашел отражение культ предков и представление о голове как олицетворении человеческой личности. Вероятно, именно это погребение представляет собой вторичное захоронение.

На наличие человеческих жертвоприношений указывает дифференциация в погребальном инвентаре, отражающая также социальное различие погребенных при жизни. Не может, на наш взгляд, вызывать сомнения, что погребенный при жизни обладал реальной властью над умершвшими. Сопровождающие захоронения черепов безынвентарны, тогда как центральные погребения отмечены наличием оружия, украшений, керамики и т. д. В некоторых случаях создается впечатление, что сопровождающие захоронения черепов являются частью погребального инвентаря. В целом, погребения с сопровождающими захоронениями черепов по представленному в них погребальному инвентарю не имеют ярких отличий от других синхронных им погребений могильника. И главная особенность, которая выделяет их на фоне погребений могильника, заключается не в ассортименте погребального инвентаря, а в наличии человеческих черепов. Исключение составляют погребения Буйнакского могильника, где сопровождающие захоронения черепов характерны, главным образом, для бедных (относительно количества представленного в них погребального инвентаря) погребений. Объяснение этому кроется, возможно, в отмеченном В. М. Массоном факте, что «именно качественные, а не количественные различия в составе погребального инвентаря являются надежным критерием социальной дифференциации, выделения племенной аристократии»³⁰. Представляется вероятным, что в погребениях Буйнакского могильника нашла отражение особенность социальной дифференциации, при которой определенная группа людей подчеркивала свое общественное положение не столько погребальным инвентарем, сколько человеческими жертвоприношениями в погребальном обряде.

О человеческих жертвоприношениях у албанских племен сообщает

Страбон (XI, 4, 7), однако, его известие связано не с погребальным обрядом, а с религиозным ритуалом, посвященным одному из божеств, и с обрядом очищения.

Возникновение того или иного обряда, культа диктуется причинами социально-экономического порядка: изменения в идеологических представлениях, вызванные изменениями в материальном производстве и общественных отношениях, находят отражение в обрядности. Причем каждый обряд имеет определенный социальный смысл, служит обозначением-символом определенного социального отношения, существующего социального порядка. «...Через идеологию происходит формирование традиций погребальных ритуалов, от которых в археологической практике сохраняются такие вещественные явления, как способ погребения, могильное устройство, погребальный инвентарь, а также остатки тризн и жертвоприношений»³¹.

Судя по имеющимся примерам, погребения, характеризующиеся наличием человеческих жертвоприношений, широкого распространения не имели. Эти погребения могли принадлежать лишь людям, занимавшим известное положение в обществе, будь то вожди или просто значительные лица, чьи похороны и погребения сопровождалась человеческими жертвоприношениями³².

На различное общественное положение умершего и умерщвленных указывает и способ их погребения, выступающий своего рода индикатором социальной стратификации общества. В этом аспекте показательны погребения Дербентского могильника, где центральное погребение (погр. № 9) сопровождалось помимо захоронений черепов (погр. № 11) погребением женщины (погр. № 10), представленным целым костяком. Эти факты, несомненно, подчеркивают, с одной стороны, самое низкое социальное положение умерщвленных, которым принадлежат черепа и, с другой, приближенное положение к центральному погребенному умерщвленной женщины. Практика умерщвления (добровольного или насильственного) жены или наложницы при похоронах мужа или господина (как и убийства и захоронения рабов с умершим вождем или представителем знати) была известна многим народам³³ и сохранялась до сравнительно недавнего времени у целого ряда современных отсталых народов³⁴. Порой эти обычаи, различные во времени и в пространстве, находят параллели в отдельных деталях обряда, что может указывать на их самостоятельное возникновение. Так, например, этнографические материалы в ряде случаев прямо указывают, что при погребении вождя женщины (наложницы) клались в могилу рядом, по обеим сторонам покойника, а рабы у него в ногах³⁵, что мы и наблюдали в ряде рассмотренных выше погребений. Помещение умерщвленных (рабов) в ногах погребенного археологически засвидетельствовано у скифов³⁶. В скифских курганах отмечены и сопровождающие погребения женщин (наложниц), причем в нескольких случаях — ниже уровня центрального погребения мужчины³⁷, что находит параллель в Дербентском могильнике.

В погребальном обряде с человеческими жертвоприношениями

«ярко отразилось социальное расслоение общества, с намечающимся противостоянием, входящих в его состав социальных групп»³⁸. Обряд этот имел четкую социальную функцию: он подчеркивал исключительность особы погребенного (вождя, представителя родоплеменной аристократии), утверждал безраздельную собственность погребенного на умерщвленных. Убийства при погребальных обрядах были следствием не столько могущества знатного погребенного, сколько недостаточной прочности его власти, следствием необходимости утверждать новые отношения господства и подчинения с помощью насилия.

Рассматриваемый период времени характеризуется важными изменениями в социально экономической жизни племен, входивших в Албанскую конфедерацию и, в их числе, населявших территорию Дагестана. Археологические материалы указывают на развитие производительных сил и производственных отношений в албанском обществе, свидетельствуют о развитии ремесленного производства, появлении специализированных отраслей ремесла, развитии торговли и городской жизни. Сведения письменных источников позволяют говорить об активном процессе классовообразования, укреплении государственности Кавказской Албании, о возрастании военно-политической роли населения области на международной арене.

Следствием не только социального и экономического развития дагестанского общества, когда местные племена стояли на пороге классового общества, но и значительно участвовавших военных столкновений с соседями, в первую очередь с кочевниками, было появление рабства.

О существовании в Кавказской Албании храмовых рабов (иеродулов) сообщает Страбон (XI, 4, 7). С некоторой долей вероятности, можно говорить также о царском и частном рабовладении, опираясь на сведения Бузанда и принимая во внимание наличие этих форм рабства в Армении. Так, Бузанд сообщает, что албанский царь Урнаир перед Дзиравской битвой (371 г.), в которой приняли участие также дагестанские племена, обращался к своим воинам: «Ныне же я вас предупреждаю, чтобы вы помнили, что когда мы заберем в плен греческие войска, многих из них надо оставить в живых, мы их свяжем и отведем в Албанию и заставим работать как гончаров, каменотесов и кладчиков стен для наших городов, дворцов и других нужд»³⁹. Это сообщение Бузанда позволяет также судить об источниках рабства и о некоторых сферах применения рабского труда.

Не исключено, что именно с существованием и развитием рабства было связано появление человеческих жертвоприношений в погребальном обряде местных племен на рубеже н. э. Из всего сказанного можно предположить, что сопровождающие захоронения человеческих черепов принадлежали рабам, на вероятность чего указывали и многие из исследователей могильников, где представлена эта группа погребений. Центральные же погребения принадлежали представителям знати. Судя по некоторым имеющимся половозрастным данным (в двух случаях захоронения черепов сопровождали женские костяки, в одном — под-

ростка), захоронения рабов сопровождали также и погребения членов семей знати.

К сожалению, мы не имеем таких антропологических характеристик рассмотренных погребений, которые бы позволили судить об антропологическом типе погребенных и умерщвленных и сравнить их, что дало бы весьма ценную соответствующую информацию. Единственное, о чем мы можем говорить, так это о том, что три черепа из мог. 38 Карабудахкентского могильника № 1 являются широколицыми и долихокранными, относятся к европеоидному типу, имеют антропологическую близость с сарматскими сериями с территории Поволжья и, по-видимому, представляют собой привнесенный на территорию Дагестана антропологический тип⁴⁰. Эти данные позволили А. Г. Гаджиеву предположить, что черепа принадлежали сарматам⁴¹. Но, учитывая археологические материалы могильника, фиксирующие значительно больше черт, присущих культуре местных племен, нежели сарматской культуре, принять эту точку зрения полностью нельзя, тем более, что антропологический материал весьма немногочислен.

Черепам из Карабудахкентского могильника № 1 противостоят черепа из Новолакского склепа (один череп) и Шаракунского могильника (два черепа из погр. №№ 43, 44), характеризующиеся узколицестью и долихокранностью и представляющие антропологический тип Дагестана, сходный с типом населения Закавказья⁴². Обратим внимание также, на то, что в мог. 9 Буйнакского могильника череп центрального погребения и сопровождающие черепа были искусственно деформированы. На первый взгляд может показаться (учитывая искусственную деформацию черепа как этносоциальный показатель), что перед нами погребения членов одной общины. Однако искусственная деформация черепа, как и другие черты сармато-аланской культуры, по всей видимости, была воспринята некоторыми представителями местного населения.

На форму обряда человеческих жертвоприношений, выразившуюся в захоронении черепов рабов, а не их целых костяков, возможно, повлиял известный обычай отсечения головы у врагов, распространенный у многих индоариев, в частности у скифов, алан, персов, парфян⁴³. Мы не будем останавливаться на многочисленных примерах, укажем лишь на то, что в рассматриваемое время влияние это могло исходить из парфяно-персидской или же сармато-аланской среды⁴⁴. На современном уровне наших знаний, учитывая ясно археологически прослеживаемое влияние на материальную и духовную культуру местного населения со стороны сармато-алан, было бы предпочтительнее говорить о влиянии последних. Однако у индоариев этот обычай связан не с погребальным обрядом. По всей вероятности, обычай отсечения головы был перенесен местным населением и распространен на погребальный обряд: при похоронах знатного покойника умерщвляли рабов (из числа пленных врагов), погребая их отсеченные головы вместе с умершим господином. Естественно, это лишь наше предположение, но подобное заимствование и трансформация обычая вполне возможна, если прини-

мать во внимание различные уровни социального и культурного развития, духовных представлений и общественных норм местного и пришлого населения.

В связи с этим интересно вспомнить, что у индоариев с обычаем отсечения головы у своих врагов был тесно связан другой «военный обычай» — отсечение правой руки. Так, головы и правые руки отрубали жертвам Ареса — скифского бога войны, почитаемого в образе меча⁴⁵. По «обычаю персов» при Артаксерксе голову и правую руку отрезали мертвому Киру⁴⁶, а парфянин Помаксафр отрубил голову и правую руку Крассу⁴⁷. Амбаракапет Йездигерда II Деншапух отсек правое плечо и руку епископу Сахаку из Рштуника за разрушение атрушана, а его (епископа) приближенным тут же отсекли головы⁴⁸. Аналогично поступают герои нартского эпоса осетин (циклы о Батразе и Сослане) со своими врагами — Батраз с Сайнаг-Алдаром и Тотрадз с Сосланом, — причем отсечение правой руки лишало права на погребение, считалось знаком позорной смерти, вообще позорящим моментом⁴⁹. Толкование смысла, вложенного в этот обычай, определить не трудно: лишение правой руки лишало возможности участия в войне, набегах, грабежах — одним из главных жизненных принципов кочевников, «постоянном промысле», «более легком и даже более почетном, чем созидательный труд»⁵⁰. Отсюда и соответствующее положение в обществе, участие в общественной жизни, о чем красноречиво свидетельствуют Геродот (IV, 66) и нартский осетинский эпос (сказание «Батраз и чаша нартвов Уацамонга») ⁵¹. Напомним также о клятвах правой рукой и головой, которые произносит Сослан (сказание «Сослан и безвестный сын Уархага») ⁵².

Здесь мы позволим себе вновь обратиться к археологическим материалам, в которых, как нам представляется, нашел отражение и этот обычай ариев (обычай отсечения правой руки), трансформированный в местной среде и распространенный на погребальный обряд (как и обычай отсечения головы). Прежде всего укажем, что в рассмотренных выше погребениях Карабудахкентского (погр. № 2) и Дербентского (погр. № 11) могильников встречены захоронения человеческих черепов вместе с костями рук. Интерес вызывают и материалы Хабадинского могильника, а именно комплекс погр. № 5, 6, 7 раскопа 3 (отнесенные М. И. Пикуль к промежуточной группе IV—I вв. до н. э.⁵³). Эти погребения являлись смежными каменными ящиками и представляли в целом одну большую могилу, состоящую из трех отделений. Каждая из мегил сопровождалась жертвенным местом у изголовья, но вне могилы. При погр. № 5, 6 жертвенные места представляли собой выкладки из каменных плит, посыпанных угольками, на которых стояло по кувшину, в одном случае, прикрытом плитками, в другом — дощечкой и с боку — плиткой. У погр. № 7 жертвенное место имело форму узкой выкладки (длиной до 1 м) из каменных плит, на которой лежали в вытянутом положении кости правой (!) руки, а рядом сломанный пополам железный меч (!) и другой мелкий инвентарь⁵⁴. Прежде всего укажем, что погр. № 7 (а также погр. № 5, 6) по находке длинного железного меча

без перекрестия, с плавным переходом от клинка к штырю необходимо датировать первыми веками н. э. в период, когда такие мечи проникают на Кавказ и получают здесь массовое распространение⁵⁵. Этой дате не противоречат и другие находки.

Материалы Хабадинского могильника — и отдельные черты погребального обряда, и многие предметы погребального инвентаря — указывают на влияние сармато-аланской культуры⁵⁶. Об этом же свидетельствует и упомянутый выше обычай отсечения правой руки, нашедший материальное воплощение в погребениях Хабадинского могильника. Это заключение подтверждается не только местом находки костей правой руки — на жертвеннике, но, в особенности, сопутствующим инвентарем, а именно, мечом, с которым связан этот обычай и в сведениях Геродота, и в нартском эпосе осетин (в последнем Батраз предстает эпическим воплощением «бога-меча», соответствующим скифскому Аресу⁵⁷).

Таким образом, факт отражения арийского обычая отсечения правой руки в погребальном обряде местного (неарийского) населения⁵⁸ может служить косвенным подтверждением тому, что на внешнее оформление такой детали погребального обряда знати дагестанских племен, как сопровождающие захоронения черепов рабов, а не их целых костяков, мог повлиять обычай отсечения головы, также распространенный у ариев и связанный с обычаем отсечения правой руки. В заключение укажем, что, возможно, об этом же свидетельствует еще одна этнографическая деталь из осетинского нартского эпоса (сказания «Смерть Арахдзау», «Смерть Бархуна, сына Ноза»), когда голову убитого врага вешают на склеп (а не в склепе), где захоронены погибшие от его руки⁵⁹. Подобным же образом поступали люди, оставившие склепы Карабудахкентского и Новолакского могильников, где отдельные черепа умерщвленных были обнаружены вне склепа, на нем и вплотную у его стен.

Приведенных данных очевидно достаточно для заключения, что захоронения отдельных черепов, сопровождающих центральные погребения, не следует рассматривать как вариант вторичных погребений — они являются составной частью погребального обряда и представляют собой человеческие жертвоприношения. Возникновение такой детали погребального обряда было продиктовано социально-экономическими причинами и отразило уровень развития дагестанских племен. Изучение различных компонентов материальной и духовной культуры населения Дагестана албанского времени позволяет исследователям делать вывод о раннеклассовом характере местного общества. На это указывают прослеживаемый процесс урбанизации, историческая топография городов и поселений, выявленные остатки развитой монументальной оборонительной и дворцово-храмовой архитектуры, появление и развитие товарного производства, имущественная и социальная дифференциация. И в этом плане исследование одной из интересных черт погребального обряда представляет несомненный интерес. Время возникновения и существования этой детали погребального обряда приходится на период

активных и разнообразных связей местного населения с сармато-аланским миром. И вполне реально, что на внешнее оформление ее могли оказать влияние духовные представления и обряды сармато-алан, связанные с военными обычаями, с поклонением богу войны, богу-мечу.

¹ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карбудахкент.— МАД. Махачкала, 1961, т. 2, с. 201, 203.

² Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники..., с. 175, 182, 183, 203.

³ Там же, с. 201, 203.

⁴ Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с. 135.

⁵ Пикуль М. И. Раскопки в Южном Дагестане в 1961 году.— Рукоп. фонд Ин-та ист., яз. и лит-ры Дагфилиала АН СССР (Далее ИИЯЛ), ф. 3, оп. 3, д. 145, с. 143, 164.

⁶ Пикуль М. И. Эпоха раннего железа..., с. 166.

⁷ Пикуль М. И. Раскопки в Южном Дагестане..., с. 67.

⁸ Там же, с. 96, 97.

⁹ Пикуль М. И. Эпоха раннего железа..., с. 155, 171; Она же. Раскопки в Южном Дагестане..., с. 173.

¹⁰ Абрамова М. П. Большой Буйнакский курган.— В кн.: Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977, с. 59.

¹¹ Абрамова М. П. Большой Буйнакский курган, с. 56, табл. 1, 4.

¹² Там же, с. 69—71.

¹³ Кудрявцев А. А. и др. Исследования в Дербенте.— АО—1977 г. М., 1978; с. 125; Он же. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1977 г.— Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 461, с. 57.

¹⁴ Кудрявцев А. А. Древний Дербент. М., 1982, с. 60.

¹⁵ Когович В. Г. Отчет о работе горного отряда ДАЭ в 1955 г.— Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 27, оп. 1, д. 1, с. 29.

¹⁶ Отметим, однако, что в комплексах Бежтинского могильника целый ряд находок может относиться к албано-сарматскому времени. См., напр.: Давудов О. М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974, с. 65—66.

¹⁷ Атаев Д. М., Погребова М. Н. Отчет о работе 2-го горного отряда ДАЭ в 1958 г.— Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 26, оп. 1, д. 79, с. 56—58.

¹⁸ Атаев Д. М., Погребова М. Н. Указ. отчет за 1958 г., с. 85—86; Атаев Д. М. Археологические исследования у Главного Кавказского хребта.— Уч. записки ИИЯЛ. Махачкала, 1959, т. 7, с. 203.

¹⁹ Атаев Д. М., Погребова М. Н. Указ. отчет за 1958 г., с. 67.

²⁰ Давудов О. М. Культуры Дагестана..., с. 124, 125.

²¹ Казиев С. М. Новые археологические находки в Мингечауре в 1949 году.— Изв. АН Аз. ССР, 1949, № 9, с. 96; См. также: Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л., 1959, с. 168—169. Заметим, что это не единственные подобные захоронения рубежа — первых веков н. э. на территории Кавказской Албании. Парные и коллективные захоронения, среди которых выделяются центральные и сопровождающие, встречаются в срубных, кувшинных, катакомбно-срубных и катакомбно-кувшинных погребениях. Причем и среди них наблюдается помещение сопровождающих захоронений у ног центральных. См.: Асланов Г. М. К изучению

раннесредневековых памятников Мингечаура.— КСИИМК, 1955, вып. 60, с. 65—66, 71; *Ионе Г. И.* Мингечаурские кувшинные погребения с оружием.— КСИИМК, 1955, вып. 60, с. 61—62; *Алиев К.* Кавказская Албания. Баку, 1974, с. 169—170, 172, 189, 346.

²² *Шульц Д. Б.* Обзор памятников Закавказья и древние пути передвижения народов.— Изв. Кавказ. отд. МАО, 1907, вып. 2, с. 4.

²³ *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники..., с. 201, 203; *Абрамова М. П.* Большой Буйнакский курган, с. 69—71.

²⁴ К сожалению, ни один из исследователей не отметил ни в отчетах, ни в публикациях наличие некоторого количества шейных позвонков при отдельных черепах, что дало бы точный ответ на поставленный вопрос. Однако, видимо, таковые имелись на том основании, что все исследователи предполагали наличие обряда человеческого жертвоприношения, а также находок шейных позвонков при черепах в погребениях Дербентского могильника. Это и дает нам возможность считать, что захоронения черепов представляют собой захоронения отсеченных голов, а, следовательно, подтверждают факт обряда человеческого жертвоприношения и отрицают возможность интерпретации их как вторичных захоронений.

²⁵ Как и не следует проводить параллель с палеолитическими и энеолитическими захоронениями черепов типа Офнет и других, которые являются остатками вторичных захоронений и в основе которых лежали иные причины и условия возникновения.

²⁶ Само понятие «обряд вторичного захоронения» требует четкого определения.

²⁷ Для параллели отметим, что жертвенник с лежащим на нем человеческим черепом и четырьмя шейными позвонками был устроен в одном из углов помещения жилого комплекса II—III вв. Илурата (См.: *Гайдукевич В. Ф.* Боспорский город Илурат.— СА, 1959, 13, с. 197—200).

²⁸ *Пикуль М. И.* Археологические памятники I тыс. н. э. северо-западной части Нагорного Дагестана (Отчет об археологических разведках 2-го горного отряда экспедиции ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР в 1956 г.), ч. II.— Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 3; оп. 3, д. 169, с. 54—61.

²⁹ *Атаев Д. М.* Археологические исследования в Дидо.— СА, 1961, № 1, с. 288.

³⁰ *Массон В. М.* Древние гробницы вождей на Кавказе. (Некоторые аспекты социологической интерпретации).— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 107.

³¹ *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с. 149.

³² *Итина М. А.* К вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов.— СЭ, 1954, № 3, с. 67.

³³ Достаточно указать на известный обычай сати у индийцев, известия Ибн Фадлана о русах и Геродота (V, 5) о скифах.

³⁴ *Итина М. А.* К вопросу..., с. 66—67.

³⁵ Там же, с. 66—67.

³⁶ *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975, с. 79, 134. Выше мы отметили эту деталь в погребальных обрядах местных (албанских) и смешанных (сармато-алано-албанских) племен и считаем вправе провести параллель с подобным ритуалом из нартского эпоса осетин (сказание «Смерть Сосрыко»), когда умерщвленного Сирдона кладут в могилу в ногах умершего Сосрыко (См.: *Шанаев Д.* Осетин-

ские народные сказания.— ССКГ, вып. 5, разд. II, с. 9—12), и предположить ее скифо-сарматское происхождение.

³⁷ *Хазанов А. М.* Социальная история скифов, с. 78—79.

³⁸ *Массон В. М.* Экономика и социальный строй..., с. 168.

³⁹ *Фавстос Бузанд.* История Армении. /Пер. М. А. Геворгияна. Ереван, 1953, с. 148.

⁴⁰ *Миклашевская Н. Н.* Новые палеоантропологические материалы с территории Дагестана.— МАД. Махачкала, 1959, т. 1, с. 186—187; *Гаджиев А. Г.* Древнее население Дагестана. М., 1975, с. 20, 50—51.

⁴¹ *Гаджиев А. Г.* Древнее население..., с. 50—51.

⁴² Там же, с. 19, 20, 50—51.

⁴³ *Грантовский Э. А.* О некоторых материалах по общественному строю скифов.— В кн.: Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. (История и культура). М., 1981, с. 72—75.

⁴⁴ Не исключена и возможность конвергентного возникновения и существования этого обычая в местной кавказской среде, но доказательств этого мы не имеем, возможно, кроме изображений на поясах из Кобанского и Глийского могильников, а также погребения № 15 кобанского могильника Уллубаганалы (См.: *Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы. Века и народы. М., 1984, с. 48).

⁴⁵ *Геродот.* История, IV, 62.

⁴⁶ *Плутарх.* Артаксеркс, XIII.

⁴⁷ *Дион Кассий.* Римская история, XI, 27.

⁴⁸ *Егшиш.* О Вардане и войне армянской. /Пер. И. А. Орбели. Ереван, 1971, с. 154 (7, 177—178).

⁴⁹ *Абаев В.* Нартовский эпос.— Изв. Северо-Осетинского науч.-иссл. ин-та. Дзауджикау, 1945, т. 10, вып. 1, с. 60, 67; *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М., 1976, с. 44—45; Сказания о нартах. Осетинский эпос. М., 1978, с. 366.

⁵⁰ *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 21, с. 164.

⁵¹ Сказания о нартах, с. 339—341; *Абаев В.* Нартовский эпос, с. 58—59. См. также: *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос..., с. 45—46.

⁵² Сказания о нартах, с. 140, 142.

⁵³ *Пикуль М. И.* Хабадинский могильник.— МАД. Махачкала, 1961, т. 2, с. 154—156; *Она же.* Эпоха раннего железа..., с. 119—123.

⁵⁴ А именно: бронзовая и железная поясные пряжки кольцевидной формы, круглые в сечении, с подвижным язычком, два железных втульчатых наконечника стрел трехлопастной формы, две пастовые, две халцедоновые бусины и бронзовая пуговица.

⁵⁵ *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 17, 21.

⁵⁶ *Пикуль М. И.* Хабадинский могильник, с. 162—166; *Она же.* Эпоха раннего железа..., с. 165. Укажем также, что череп из погр. № 5 имел следы деформации (см.: *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа..., с. 119).

⁵⁷ *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос..., с. 62—64.

⁵⁸ Заметим также, что обычай отсечения правой руки зафиксирован в лезгинском (См.: *Ганиева А.* Народная лирическая поэзия лезгин. Махачкала, 1976, с. 30, 33), лакском (См.: «Галбарц Али»; Лакские эпические песни. Махачкала, 1969, с. 213—216), даргинском (сообщение Б. М. Салихова), пшав-хевсурском фольклоре (См.:

Бардавелидзе Дж. К. О некоторых общих мотивах эпоса кавказских народов.— В кн.: Фольклор и историческая действительность: Всесоюз. научная конференция: Тез. докл. Махачкала, 1976, с. 55), а также в этнографии хевсур и тушин (См.: *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе (1842—1867). Ч. I. 1842—1851. СПб., 1879 с. 214, 255). Но особый интерес вызывает открытие на Уляпской курганный группе (курган № 5) святилища IV в. до н. э., предположительно связываемого с культом бога войны Ареса, где зафиксирован обычай отсечения правой руки (См.: *Лесков А. М.* Трехлетние раскопки Кавказской экспедиции ГМИНВ в Адыгейской автономной области.— XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Майкоп, 1984, с. 12).

⁵⁹ Нарты. Эпос осетинского народа. М., 1957, с. 39—40; Сказания о нартах. Осетинский эпос. /Пер. с осет. Либединского Ю. М., 1978, с. 189. (См.: *Кузнецов В. А.* Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980, с. 46). Для параллели отметим, что в раннесасанидское время головы убитых врагов вывешивались в храме Анахиты в Истахре (Nöldeke Th. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Leiden, 1973, S. 4, Anm. 2; S. 18).

В. М. Котович

КУРГАН ТОРПАХ-КАЛА

Курган Торпах-Кала, один из самых крупных курганов, известных в приморской полосе Дагестана, расположен в долине р. Дарваг-чай, в 3 км к западу от сел. Мамедкала (Дербентский р-н).

100 лет назад, во время подготовки к V археологическому съезду, А. А. Русов обследовал и описал в своем отчете большую группу курганов в долине р. Дарваг-чай, в том числе и курган Торпах-кала. А. А. Русов увидел большой «двухярусный» курган «высотой 3 $\frac{1}{2}$ сажени». «Вокруг нижней подошвы виднеются кое-где большие камни. Канавы, выкопанная впоследствии вокруг верхнего возвышения, имеет вид крепостного шанца, вследствие чего курган, вероятно, и получил название крепости (один из переводов названия «Торпах-кала» — глиняная крепость). Преданий о нем нет никаких; рассказывают только, что лет тридцать назад кто-то копал его с одной стороны, причем были найдены отдельные каменные плиты»¹.

В 1981 г., к моменту раскопок², курган уже не казался «двухярусным», хотя и выглядел монументально. Как рассказали старожилы, в первые послевоенные годы на вершине кургана была сооружена сторожка для охраны колхозных огородов. По-видимому, когда под сторожку выравнивали площадку, то в значительной мере снесли «верхнее возвышение» и засыпали «канаву» вокруг него. И теперь вершина кургана заметно уплощена, но легкую западинку на поверхности — след бывшей здесь когда-то «канавы», местами еще можно различить и ныне. Не сохранилось больших камней, которые А. А. Русов видел кое-где вокруг «нижней подошвы» кургана и только в одном месте, там, где современная проселочная дорога прорезает южную полу кургана, можно различить несколько камней, уходящих под курганную насыпь. Поверхность кургана поросла травой и редкими кустиками держи-дерева; у «подошвы» его с севера разрослось несколько дубков. Большой участок территории первой надпойменной террасы Дарваг-чая, на которой находится курган, к северу, западу и востоку от него, занят пашней, к югу — лесом.

На пашне вокруг кургана встречено много керамики и кремня.

Среди находок кремня преобладают отщепы, обнаружено также несколько ножевидных пластин и шиловидное орудие (рис. 9, 1—7). Фрагменты керамики — преимущественно от лепных толстостенных баночных сосудов красновато-бурого цвета. Орнаментированных фрагментов мало, среди них преобладает лепной валик с нарезкой (рис. 9, 9, 10). Судя по этим материалам, многократной пахотой здесь был потревожен и разрушен культурный слой поселения эпохи бронзы. Встречены здесь и фрагменты средневековых сравнительно тонкостенных сероглиняных сосудов с красноватой обмазкой поверхности, нередко украшенные комбинациями резного «елочного» орнамента, а также лепные круглого сечения ручки сосудов с таким же орнаментом (рис. 9, 15—25).

Параметры кургана (высота 6,22 м, диаметр — 66 м) при элементарном расчете показывали, что для его исследования необходимо раскопать площадь не менее 6 тыс. кв. м. и при этом переместить более 10 тыс. кубометров грунта. Из-за жестко ограниченных сроков работы Новостроечной экспедиции раскопки кургана производились с помощью трактора-бульдозера Т-100. Насыпь кургана была пронивелирована по осевой линии запад-восток, при этом учитывался не только наиболее удобный вариант для работы бульдозера в конкретных условиях, но и возможность сохранить проселочную дорогу на виноградники, проходящую по кромке южной половины кургана и особенно активно эксплуатируемую в период уборки. По этой же линии, к югу от реперной точки, была отложена 1-метровая ширина контрольной бровки, прошедшей, захватывая середину, через всю курганную насыпь. Этой ширины, благодаря значительной плотности курганной насыпи, оказалось вполне достаточно: контрольная бровка хорошо держалась на всем протяжении раскопок и сохранялась до полной расчистки насыпи. Боковые края бровки пробивались по шнуру и прокапывались лопатой на штык. Затем, вдоль каждого края бровки лопатами выравнивалась горизонтальная полоса, равная ширине ножа бульдозера — 3,0 м. По этим горизонтальным полосам, точно вдоль стенки бровки и строго параллельно ей, бульдозер делал первые рабочие заезды. В процессе работы бульдозера обращалось внимание на точность его хода, особенно вдоль контрольной бровки, вертикальная поверхность которой периодически выравнивалась лопатами.

Слоями, глубина которых не превышала 15 см, снималась половина насыпи на все большей площади, равномерно понижающейся и постепенно приближающейся к поверхности основания кургана. Таким образом, снималась насыпь сначала северной, а затем южной половины кургана. Поверхность среза каждого слоя зачищалась и изучалась, причем особенное внимание уделялось выявлению перекопанных пятен, которые могли бы указывать на наличие в насыпи впускных захоронений.

Раскопки начались с северной половины кургана. Толщина гумусного слоя на уплощенной вершине кургана достигала 0,5—0,4 м, постепенно уменьшаясь к его подошве до 0,15—0,1 м. В центре курганной насыпи, ниже гумуса, находился слой довольно плотного темного су-

глинка слоистой структуры. Начиная с глубины 0,25—0,3 м в 1-м восточном квадрате вдоль северной бровки стали замечаться следы нарушения слоя в виде частых пятен желтой глины. На глубине — 3,4 м обнаружен на участке 1 восточного квадрата край контура грабительского лаза, а на участках 1-го и 2-го западных квадратов — перекопы при устройстве впускного катакомбного захоронения. И впускная катакомба и грабительский лаз располагались преимущественно в южной половине кургана и сведения о них будут даны при описании раскопок этой половины. Здесь же отмечаются лишь их следы, пришедшиеся на северную половину кургана.

Открывшийся в процессе раскопок кургана профиль по северному срезу контрольной бровки демонстрирует и конкретные особенности сложения курганной насыпи, и видимые нарушения в ней. Курганная насыпь многослойная. Как уже отмечалось, ниже гумуса в центре кургана находится темный, плотный суглинок слоистой структуры, отличающийся горизонтальным прерывистым чередованием темных и более светлых коротких полосок. Несколько дальше от центра целостность этого слоя в профиле нарушена: на участке 3—4-го восточных квадратов — перекопом в виде линзы серого рыхлого суглинка, а на участке 5—6-го восточных квадратов и 6-го западного квадрата — глубокой линзой, заполненной гумусом, вероятно, следом той самой «канавы», выкопанной впоследствии и имеющей вид шанца, о которой упоминает А. А. Русов³.

Начиная с 6-го квадрата на восточном участке и с 4-го квадрата на западном, далее спускаясь в обе стороны, непосредственно между гумусом и описываемым слоем располагался слой серо-желтого суглинка толщиной от 0,65 до 0,1—0,08 м. Можно полагать, что когда-то слой этот лежал выше слоистого суглинка на всей поверхности кургана, включая его вершину, а с течением времени при «выравнивании» вершины он был разрушен и удален, остатки его сохранились только на указанных участках (рис. 26). Ориентируясь на сохранившуюся толщину этого слоя, можно считать, что первоначальная высота кургана была не ниже 6,8—6,9 м. Помимо отмеченных уже нарушений, внутри напластований слоистого суглинка четко фиксируется прослойка светлого плотного суглинка, который узкой, стрелообразной, направленной к центру и вверх полосой разрезает эти напластования (рис. 26). Прослойка толщиной от 0,4—0,38 м, повторяет очертания курганной насыпи, постепенно сужаясь и обрываясь на одном уровне и на восточном, и западном участках северной стенки контрольной бровки.

Очевидно, эта прослойка документирует последовательные этапы образования насыпи, различные периоды ее подсыпки, а затем, какой-то общий для всей курганной насыпи момент, когда верхняя ее часть была одновременно «срезана» и выровнена, чем и объясняется совпадение уровней разрушения всех описанных слоев. Вероятнее всего, это связано с более поздним сооружением в курганной насыпи впускной катакомбы. И хотя сама катакомба расположена в южной половине кургана, следы работ, связанных с ее сооружением, отмечаются на

участках 1-го, 2-го, 3-го западных квадратов, в профиле северной стенки контрольной бровки в виде комковатого серо-желтого суглинка, прорезавшего на глубине — 3,2—4,6 м напластования серого рыхлого суглинка. Последний — один из наиболее мощных слоев, составляющих курганную насыпь, и лежащий уже непосредственно на «первичной» насыпи из бурого плотного суглинка, воздвигнутой над центральной погребальной камерой кургана (рис. 26). Необходимо отметить также еще значительный по толщине (0,8—0,9 м) слой темного плотного суглинка, который залегает в центре, непосредственно на слое серого рыхлого суглинка, между ним и выше лежащим слоистым суглинком. Описываемый слой четко прослеживается в профиле, нисходя и по западной, и по восточной части к подошве кургана, тогда как в центре он срезан, вероятно, во время выравнивания площадки. В полах кургана этот слой лежит на желто-бурой очень плотной глине, покрывающей погребальную почву — галечник, а на уровне 9—10-го западных квадратов — непосредственно на самом слое погребенной почвы (рис. 26).

В центральной части профиля кургана, на участке квадратов 1-го восточного и 1—2-го западных, хорошо видна невысокая каменная насыпь (на глубине — 5,2—5,5 м) и остатки бревен (на глубине — 5,5—5,65 м) — перекрытие над центральной погребальной камерой. Под каменной насыпью и под бревнами прослеживается очень тонкий (3—5 мм), но четко выраженный слой глиняной обмазки пепельно-бурого цвета, приготовленной, вероятно, с включением ила. Как уже отмечалось, каменная насыпь перекрыта слоем бурого плотного суглинка, т. е. первой земляной насыпью над центральной погребальной камерой; на насыпи и вокруг нее сооружался затем курган.

Судя по материалам раскопок, на месте захоронения предварительно была сооружена ровная погребальная площадка, образованная двумя слоями очень плотно утрамбованной желто-бурой глины (толщина каждого слоя 0,25—0,28 м), разделенными в центре площадки 3—4-сантиметровым слоем растительной прокладки из стеблей камыша и тонких древесных веток, местами переплетенных. А слои этой желто-бурой глины укладывались прямо на дневную поверхность, представлявшую собой здесь отложения галечника, лежащие на материковых глинистых породах первой надпойменной террасы реки Дарваг-чая. Поверхность центрального участка площадки, где между плотными слоями глинобита проложена растительная прокладка, тщательно выровнена и сглажена, вероятно, водой. Диаметр этого участка 21,2 м, тогда как за пределами его, образующая площадку желто-бурая глина, столь же плотная, уложена в один слой, уже без растительной прокладки (рис. 26), и на поверхности площадки не заметно следов столь тщательной сглаженности. Устроенная таким образом погребальная площадка имела внушительные размеры. Она повторяет план кургана при диаметре около 36 м: восточный радиус — 19 м, западный — 16,8 м. В центре этой площадки была устроена прямоугольная погребальная камера — центральное, основное погребальное сооружение кургана Торпах-кала.

Подробные сведения об устройстве этого сооружения будут приведены при описании раскопок южной половины кургана, где и располагалась центральная погребальная камера, и только северный край каменной насыпи над ней оказался в профиле северной стенки контрольной бровки кургана (рис. 2б).

Здесь же, завершая общую характеристику погребальной площадки, отметим, что края ее были обведены кромlexом. Остатки его в виде участков каменной кладки дугообразного плана были встречены преимущественно при раскопках южной половины кургана, где они лучше сохранились, вероятно, потому, что с этой стороны подошва кургана не подвергалась распахке. На северной же половине кургана были встречены остатки только трех участков кромlexа, два из которых неподалеку от восточного края бровки, а один — от западного (рис. 1). Северные участки кромlexа, вероятнее всего, были уничтожены пахотой, ибо их частично перекрывает постоянно распахиваемое здесь поле. Сохранившиеся участки кромlexа представляют собой остатки стены, сложенной из необработанных, грубо расколотых камней и плиток известняка, уложенных без раствора в один, редко два ряда по высоте. Ширина стены выдержана везде более или менее точно в пределах 0,8—1,0 м; она образована двумя рядами довольно плотно подогнанных камней. Надо думать, что кромlex этот сплошным каменным кольцом окружал погребальную площадку.

В пределах этого кольца, на границе сглаженной поверхности площадки, имеющей отметку — 5,67 м в 6-м восточном квадрате, найдены часть черепа и 2 зуба лошади (не местной, степной породы — определение К. Н. Золотова, кафедра нормальной анатомии Дагестанского сельскохозяйственного института), а также несколько расколотых костей мелких жвачных (козы-овцы). Можно думать, что это остатки жертвоприношений или тризны, связанных с погребальным обрядом.

В процессе раскопок южной половины кургана зафиксирована та же стратиграфия слоев курганной насыпи, какая уже была выяснена раскопками северной его половины. Однако при раскопках северной половины кургана основная масса курганной насыпи была найдена в «непотревоженном» состоянии и следы ее нарушения в виде небольшого участка грабительской дудки встречены только у самой контрольной бровки, т. е. в центре курганной насыпи; о существовании в кургане центральной, основной погребальной камеры мы могли судить только по небольшим деталям края ее перекрытия, попавшим в северный профиль контрольной бровки (рис. 2б). О южной половине кургана этого нельзя сказать, ибо основные события «истории» кургана разворачивались именно здесь. Здесь основной своей частью располагалась центральная погребальная камера кургана, здесь находилась катакомба и остатки двух грунтовых погребений у внутренней стороны кромlexа и, наконец, здесь же был зафиксирован большой грабительский лаз, существенно нарушивший стратиграфическую ситуацию на центральном участке курганной насыпи. Не останавливаясь теперь подробно на описании характера стратиграфических слоев, которое уже было сдела-

но выше, в связи с описанием раскопок северной половины кургана, попытаемся основное внимание сосредоточить на устройстве и взаиморасположении погребальных сооружений.

В самом начале расчистки, после снятия гумуса выявился полный контур плана грабительского лаза, четко выделявшегося на окружающем фоне желтой окрашенностью глиняного заполнения. Грабительский лаз — это внушительных размеров продолговатая яма (3,0×7,1 м), вырытая в южной половине кургана в направлении от центра к юго-западу (рис. 1, 2а). Грабители, вероятно, довольно точно представляли себе расположение катакомбы. Ибо лаз, вырытый до глубины — 5,2 м, пробил ее насквозь и даже частично дно, войдя в слой бурого плотного суглинка, перекрывавшего каменную насыпь центральной погребальной камеры, и упершись в растительную прокладку в слое над насыпью (рис. 1).

Прямоугольная в плане камера катакомбы имела закругленные углы и коробовый свод. Размер камеры 4,5×3,4 м, высота в центре 1,4 м, по краям 1,0 м. Длинной осью камера ориентирована на север—юг (рис. 3). Местами на стенах и сохранившейся части свода заметны следы теслообразного орудия, которым производились земляные работы. Судя по следам, орудие имело ширину рабочей части 2,5 см, толщину 0,7 см, длину 11 см. Выравненный и тщательно обмазанный пол катакомбы (глубина — 5,0 м) отделен от входа наклонной «ступенькой» высотой 0,1 м.

Катакомба располагалась перпендикулярно дромосу (рис. 1, 3). Вход в катакомбу из дромоса находился в ее задней стене, занимая южный конец. Дромос представлял собой длинный (5,5 м) узкий коридор, ориентированный на запад—восток с незначительным отклонением к северу. Слегка наклоненные внутрь стенки дромоса переходили в свод потолка (рис. 3). Линзовидное в сечении дно дромоса (на глубине 4,5—4,9 м) понижалось в направлении погребальной камеры и расширялось от 0,3 до 1,0 м в западном конце, у самого входа в катакомбу. Дно дромоса, так же как и сохранившиеся участки дна погребальной камеры, тщательно обмазаны; вероятно, была смочена, а затем тщательно заглажена поверхность темного плотного суглинка, в котором устроено все сооружение.

Вход из дромоса в катакомбу имел трапециевидную форму (рис. 3) и высоту 0,8 м при ширине у основания 1,0 м. Вход в катакомбу не был ничем прикрыт или загорожен. Надо полагать, что закрыт плитой был вход в дромос; вход находился в его потолке, срезанном ножом бульдозера на участке от 0,5 до 2,2 м от западного конца дромоса, ибо в грунте, сдвинутом с этого места бульдозером, найдена плита, размером 0,52×0,43×0,08 м. Внутреннее пространство дромоса было лишь на 0,25—0,3 м от дна заполнено рыхлым грунтом, вероятно, отслоившимся с потолка, и истлевшими волокнистыми растительными остатками. Можно полагать, что после захоронения, произведенного через дромос, его оставили свободным, а вход в него в потолке закрыли плитой и засыпали сверху грунтом. После расчистки дромоса наши попытки

проникнуть из него через вход в катакомбу не увенчались успехом, т. к. все внутреннее пространство ее оказалось заполненным обвалившимся потолком и грунтом грабительского лаза, пробившего камеру катакомбы насквозь.

Камеру катакомбы расчищали сверху, следуя по грабительскому лазу, который, как уже отмечалось выше, был заполнен четко выделяющейся на окружающем фоне желтой мягкой глиной. В заполнении грабительского лаза, на глубине — 3,26 м был обнаружен фрагмент горла со сливным носиком от сравнительно тонкостенного лепного красноглиняного кувшина. Фрагмент украшен двумя наклепными «глазками», располагавшимися по обе стороны сливного носика и невысоким наклепным пояском с врезными косыми насечками, шедшими по шейке горла. Под обоими «глазками» находятся небольшие четырехлепестковые розетки, нанесенные, вероятно, штампом и от них до самого пояска с косой насечкой опускаются по 2 «струи» — скорее всего тоже отпечатки штампа (рис. 4, 1). Помимо этого фрагмента здесь же обнаружены: фрагмент закраины розовоглиняного лепного сосуда (рис. 4, 2) и фрагмент тулова толстостенного красноглиняного лепного сосуда с заметной в изломе примесью шамота и грубо заглаженной поверхностью (рис. 4, 3).

Очень тщательная расчистка заполнения катакомбы никаких дополнительных находок не дала. А на том участке грабительского лаза, который приходился на контрольную бровку к югу от репера, при расчистке ее на глубине — 1,6 м были обнаружены в разрозненном состоянии несколько обломков черепа и длинных костей человека, а также лежащий рядом с ними и сохранивший анатомический порядок скелет небольшой собаки (определение К. Н. Золотова, принадлежность породы уточняется). Часть лобной кости человека с очень развитыми рельефными надбровными дугами позволяет предполагать, что череп, а возможно, и остальные кости принадлежали мужчине. На основании вышесказанного можно предположить, что погребенный через грабительский лаз был вытаскен из катакомбы вместе со всем погребальным инвентарем. В процессе «транспортировки» труп мог распасться и часть его осталась в лазе; здесь же была брошена и погребенная в катакомбе вместе с хозяином собака. Остались в грабительском лазе и фрагменты нескольких поломавшихся в процессе ограбления сосудов, сопровождавших погребение. Несомненно, что конечной целью весьма рискованного предприятия грабителей была катакомба и это дает основание думать, что захоронение было богатым. Однако кроме фрагмента горла красноглиняного кувшина с орнаментом и характера самого погребального сооружения (катакомба), у нас нет материала для суждения о времени сооружения этой катакомбы. Вместе с тем, такого рода красноглиняные кувшины со сливным носиком и похожим орнаментом весьма характерны для раннесредневековых памятников приморского Дагестана, например таких, как Урцекское городище, городище Таргу, расположенных сравнительно недалеко от описанного кургана⁴. В Таргу, кстати,

они встречены и в катакомбном могильнике, где зафиксированы также и захоронения с собаками. Таргунский катакомбный могильник надежно датируется V—VIII вв. и связывается с пришлым населением — гуннами⁵. Не противоречит такому хронологическому и культурно-историческому определению и описанное впускное катакомбное захоронение кургана Торпах-кала. И, наконец, нелишним будет напомнить и стратиграфическое положение катакомбы, дно которой практически лежит на поверхности первой насыпи, перекрывающей центральное погребение кургана. Явно, что от момента сооружения центральной погребальной камеры кургана и до устройства в этом кургане катакомбы прошел столь значительный промежуток времени, что строители катакомбы уже не представляли, что делают свое сооружение над более древним погребением и ориентировались в выборе места для него прежде всего на центр кургана, опустив катакомбу достаточно глубоко (дно ее — 5,0 м) и лишь случайно не достигнув верхних слоев перекрытия центральной погребальной камеры (рис. 3). И только грабители катакомбы пробили своим лазом ее дно и заделали верхние слои перекрытия центральной погребальной камеры.

Итак, грабительский лаз пробил дно катакомбы, вошел в верхние слои перекрывающей центральную камеру насыпи и уперся в слой растительной прокладки внутри этой насыпи. Выше, при описании раскопок в северной половине кургана, уже упоминалось об устройстве погребальной площадки, на которой затем была сооружена центральная погребальная камера. Теперь остановимся подробнее на деталях устройства последней.

Центральная погребальная камера представляла собой прямоугольную в плане яму, вырытую в центре погребальной площадки, ниже ее обманной поверхности, в материковых отложениях. Стены ямы строго вертикальны, углы закруглены. Образованная таким образом камера имеет размеры 4,16×2,6 м при глубине 1,6 м (—7,2 м от репера). Длинной осью она строго ориентирована в направлении запад—восток. По мере расчистки бурого плотного суглинка, образовывавшего первую грунтовую насыпь над центральной погребальной камерой, на глубине —5,2 м. в ней была встречена растительная прокладка толщиной местами до 1,5—2 см (рис. 5), а ниже этого находилась уже каменная насыпь, образованная рваным камнем и булыжником, покрывавшая бревенчатый накат погребальной камеры. Как показала дальнейшая расчистка, погребальную камеру перекрывало 2 ряда бревенчатого наката, между которыми находился слой глиняной обмазки толщиной до 4 см. На всей поверхности этого слоя отмечаются следы огня в виде красноватых пятен, небольших кучек золы и угольков; здесь же встречены и речные мелкие белые ракушки. Бревна, образующие накаты, уложены в направлении север—юг, т. е. поперек короткой оси камеры (рис. 5, 6). Диаметр бревен 0,25—0,15 м. И хотя зафиксированы только остатки бревен длиной от 0,5—до 2,0 м, их расположение показывает, что большинство этих остатков — части единых бревен и первоначальная длина их могла быть не менее 6 м, ибо они не только

перекрывали по короткой оси погребальную камеру, но и выходили далеко за ее пределы к северу (рис. 5), образуя общую единую конструкцию с каменной насыпью. Нужно отметить, что вся эта конструкция, возведенная как первое перекрытие центральной погребальной камеры, значительно превосходит размеры самой камеры, повторяя ее прямоугольный план, только с противоположной ориентацией. Длинная ось конструкции перекрытия (размеры ее 7,0×6,0 м) перпендикулярна длинной оси погребальной камеры и ориентирована строго на север—юг.

В разрезе АБ, проходящем вдоль северной стены погребальной камеры, хорошо видно, как под тяжестью каменной насыпи, а возможно еще и из-за перегрузок, связанных с устройством катакомбы непосредственно над погребальной камерой, прогнулись, а по западному краю и резко сместились вниз, оба слоя бревенчатого наката и лежащий между ними слой глиняной обмазки. В разрезе четко прослеживается расположение слоев, заполнявших погребальную камеру. Как уже отмечалось выше, дно погребальной камеры было расчищено на глубине — 7,2 м от репера или — 1,6 м от уровня поверхности погребальной площадки. Оно представляло собой поверхность, образованную галечником, обильно перемешанным с золой. На дне прослежены остатки бревен, ориентированных по длинной оси камеры — запад—восток, и лежащие на них поперек остатки более коротких бревен. Диаметры бревен в пределах 0,25—0,18 м. Создается впечатление, что эти бревна двумя накатами устлали пол камеры. Среди них и выше находилось много золы, перемешанной с галечником, и именно в этом слое, толщиной 0,5—0,55 м находились погребения. Сделанная после окончания раскопок шурфовка дна погребальной камеры показала, что подстилал его 25—30-сантиметровый слой крупного булыжника, перемешанного с крупнозернистым песком. Еще ниже находился слой крупнозернистого очень светлого песка, толщиной около 1 м, который подстилал плотный суглинок желто-бурого цвета (рис. 5).

Над слоем, в котором находились погребения, очень четко прослеживается тонкая (4—6 см) растительная прокладка из длинных волокнистых стеблей, выше которой лежит слой плотной глины желто-бурого цвета, толщиной 0,60—0,55 м (рис. 7). Этот слой опять-таки перекрыт подобной описанной выше растительной прокладкой, над которой располагается 40-сантиметровый слой чрезвычайно плотной глины желто-охристого цвета. Плотность и ровная консистенция этой глины позволяют предполагать вероятность ее предварительного замеса с водой. Над этим слоем находилась растительная прокладка 4-сантиметровой толщины, а непосредственно над ней лежали уже описанные выше два ряда бревенчатого наката, разделенного слоем плотной глиняной обмазки серо-желтого цвета, прогнувшихся под тяжестью каменной насыпи перекрытия (рис. 5).

Погребения в центральной погребальной камере, как уже отмечалось выше, были совершены в находящемся на дне камеры слое галечника, перемешанного с золой. Здесь, на глубине — 6,7—6,9 м от репера, по всей площади камеры расчищено несколько скоплений человеческих

костей очень плохой сохранности. Только в северо-восточном углу камеры было обнаружено и расчищено скорченное захоронение человека, лежавшего вдоль западной стенки камеры, почти вплотную к ней, на левом боку, головой на юг (рис. 6). Руки человека согнуты в локтях, кисти у подбородка, ноги согнуты и подтянуты к груди так, что колени находятся почти на уровне ключиц. Неплохо сохранившийся череп погребенного с хорошо развитыми надбровными дугами, а также рельефная поверхность длинных костей позволяют предполагать, что это был сравнительно молодой мужчина. Пространство в северо-восточном углу камеры, между ее стенами и скелетом заполнено очень крупной галькой и булыжником так, что образуется как бы свособразная оградка со стороны спины и таза погребенного, а под самым скелетом густо посыпана зола (рис. 6). Никакого инвентаря с этим погребением не найдено. Но несколько выше его, на глубине — 6,28 м, примерно над головой погребенного, обнаружен весьма оригинальный сосуд, напоминающий формой лошадиное копыто (рис. 7). Лепной красноглиняный сосуд по венчику украшен валиком с насечками, вероятно, имитирующим веревку. По остатку характерной выпуклости на месте поломки у венчика можно предположить небольшую ручку. Один бок сосуда черный от долгого пребывания в огне. Сосуд этот расчищен нами стоящим на растительной прокладке, между слоем плотной глины желто-бурого цвета и чрезвычайно плотной глины желто-охристого цвета.

В юго-восточном углу камеры расчищено несколько разрозненных человеческих костей — часть затылочной кости черепа, три неполных ребра и часть локтевой кости (рис. 6). Все это находилось в зольном слое, под и над которым прослеживался древесный тлен, может быть от бревен, подстилавших погребения, неплохо сохранившиеся части их были расчищены к северо-востоку от описываемого скопления костей. Можно полагать, что перед нами остатки погребения, раздавленного массой провалившейся кровли. Вдоль восточной стены камеры в районе этого скопления костей также отмечается «оградка» из крупных булыжников, возможно, обводившая когда-то погребение (рис. 6). Еще два скопления костей расчищены: один — на участке вдоль центра северной стены камеры, другой — на расстоянии 0,7 м к югу от него. В первом было 6 фрагментов ребер, 2 фрагмента бедренных костей и много костного тлена. Здесь также сохранились остатки «оградки» из крупных булыжников на восточном и западном участках (рис. 6). Второе скопление не имело следов оградки, но различалось на общем горизонте значительным зольным пятном с редкими вкраплениями угольков. В этом скоплении встречена часть лобной кости черепа с еле намеченными надбровными дугами, окрашенными ярко-красной краской и со следами комочков этой краски, как бы плотно прилипших к кости. Можно полагать, что этот череп принадлежал женщине и лоб ее был покрыт повязкой, в которой находилась эта краска, вероятнее всего мумия⁶. Здесь же были 2 фрагмента ребер, позвонок, несколько обломков длинных костей и много костного тлена. Часть этих костей была

перекрыта остатками двух бревен, ориентированных диагонально стенам камеры (рис. 6).

И, наконец, большое скопление костей занимало юго-западный участок камеры. Здесь среди рыхлого зольного слоя находилось несколько мелких фрагментов черепных костей, две лопатки, несколько массивных позвонков, крестец, фрагменты 11 ребер, локтевая и часть лучевой кости, несколько обломков бедренных костей и много костного тлена. В северо-западном углу скопления расчищен небольшой красно-глиняный сосудик (рис. 7, 6) с шаровидным туловом, округло-уплощенным донцем и высоким горлом со слегка отогнутым венчиком. У линии соединения горла с туловом находятся две симметрично расположенные ложные ручки со сквозными отверстиями для подвешивания. На этом же участке скопления костей найдено несколько кремневых пластин, среди них — ножевидная, а также скребок (рис. 7, 1—7). Перечисленными выше находками исчерпывается погребальный инвентарь центральной погребальной камеры. Как явствует из описания, стратиграфия отложений внутри камеры не нарушена, подозревать ее ограбление нет никаких оснований и, следовательно, крайнюю бедность погребального инвентаря нужно признать особенностью погребального обряда, которая ярко выделялась на фоне явно очень большого труда, вложенного в строительство погребальной площадки, сооружение погребальной камеры, ее насыпи, каменного кромлеха и грандиозности самой курганной насыпи. Если ориентироваться на описанные выше более или менее обособленные скопления человеческих костей, то с известной долей вероятности мы можем предположить захоронение в центральной погребальной камере пятерых человек. Однако совершенно достоверное скорченное захоронение здесь только одно — в северо-восточном углу камеры; опираясь на находки черепных костей от двух, явно различных, особей, можно уверенно говорить о захоронении еще двух человек.

И все же, как ни мал сохранившийся в камере материал, он позволяет составить представление и о погребальном обряде, и о культурно-исторической принадлежности памятника в целом.

Завершая описание центральной погребальной камеры кургана, необходимо остановиться еще на нескольких очень интересных деталях наружного оформления камеры. Прежде всего, обращает на себя внимание то, что после удаления каменной насыпи над камерой, с трех сторон — севера, востока, юга — она оказалась как бы огороженной каменной выкладкой, тогда как с западной стороны такой «оградки» не было, эта сторона была совершенно свободной; более того, «оградки» с севера и юга образовывали здесь как бы специально оформленный вход в камеру с запада (рис. 5). Однако на расстоянии 2,2 м от западной стенки камеры и параллельно ей на поверхности погребальной площадки были сооружены два параллельных, вплотную примыкающих друг к другу невысоких глиняных вала. В разрезе АБ хорошо видны детали устройства этих валов (рис. 7), которые по сути являются здесь как бы своеобразным всхолмлением поверхности площадки. Выше уже отмечалось, что вся поверхность погребальной площадки покрыта тол-

стым слоем очень плотного глинобита. Однако на участке расположения валов он достигает такого уровня плотности, что при постановке разреза АБ не поддавался даже кирке,— разрез через эти валы буквально прорубался топором. Хорошо сглаженная поверхность валов серо-бурого цвета с красноватым оттенком, причем оттенок этот прослеживается и внутри, почти на всю высоту — до 0,35—0,4 м.

Можно полагать, что этот красноватый оттенок свидетельствует о сильном длительном воздействии огня, способствовавшему еще большому уплотнению и прочности глинобита, образующего валы. В первоначальном целом виде длина валов, вероятно, не намного превосходила ныне существующую, ибо на их южных и северных краях заметны загибы, которые показывают, что края эти были закруглены (рис. 7). Преднамеренность сооружения описанных валов не вызывает сомнений, вероятнее всего они преграждали открытый с запада подход к погребальной камере. Все это, безусловно, отражает систему каких-то идеологических воззрений, в которых важную роль играет представление о сакральном значении западного направления окружающего мира.

Итак, центральная погребальная камера предстала перед нами сложным архитектурным сооружением, в устройстве которого значительную роль играло дерево, галечник, песок, глинобит, длинноволокнистые растения типа камыша, а в обряде скорченных коллективных захоронений с чрезвычайно бедным инвентарем (2 сосуда, несколько ножевидных пластин и скребок) важное место занимал огонь (насыщенность слоя с захоронениями золой, угольки) и красная краска (мумий?).

Особенности зафиксированного здесь погребального сооружения (курган с центральной погребальной камерой и кромлехом) и погребальный обряд — характер скорченности и ориентация погребенных, большое количество золы, сопровождающей погребения, и краски, которой посыпались погребенные, остатки ритуальных жертвоприношений лошади на погребальной площадке, а также сам характер инвентаря и его малочисленность — находят аналогии в кругу памятников степных культур конца III—начала II тысячелетия до н. э.⁷

При описании раскопок северной половины кургана и характера остатков кромлеха, зафиксированных там, уже говорилось о значительно большем количестве таких остатков, обнаруженных при раскопках южной половины кургана. Здесь эти остатки, сохранившиеся в виде участков каменной кладки, своим расположением четко фиксируют линию южной полуокружности кромлеха (рис. 1). Сами эти остатки идентичны встреченным в северной половине кургана; это отрезки дугообразных в плане стен, сложенных из необработанных грубо расколотых камней и плиток известняка, уложенных без раствора в один, редко два ряда по высоте. Ширина стены выдержана на всех участках более или менее точно в пределах 0,8—1,0 м; она образована двумя рядами довольно плотно подогнанных камней.

При расчистке погребальной площадки и кромлеха в юго-восточном секторе кургана, у развала стенки кромлеха, с внутренней стороны,

в пределах погребальной площадки, на глубине 5,65—5,9 м были обнаружены остатки грунтового погребения. Очевидно, погребение это было разрушено проходившей через него позднее проселочной дорогой, в полотно которой обнажились камни этого участка кромлеха. Очень трудно что-либо сказать об этом погребении, т. к. от него фактически остались только следы тлена и 3 сосуда, тесно прижатые один к другому (рис. 8, 2; 4, 5). Возможно, что это было грунтовое захоронение, но не исключен и каменный ящик, т. к. примерно в полуметре от нахождения сосудов встретилось при расчистке два крупных куса каменной известковой плиты. Сосуды очень выразительны, два из них представлены довольно крупными сероглиняными горшками с вздутыми туловами на узком дне, с широкой горловиной и разложистым венчиком. Поверхность тулова сосудов покрыта шероховатой глиняной обмазкой, а по плечикам располагался резной орнамент в виде треугольных заштрихованных фестонов и поясов елочной штриховки (рис. 8, 4, 5). На плечиках одного из этих сосудов есть и лепные украшения в форме букrania (рис. 8, 1). Но особое внимание привлекает небольшой изящно профилированный кубок желто-бурого цвета, вся поверхность которого покрыта сплошной елочной штриховкой, а на небольшом, свободном от штриховки, участке поверхности, у закраины, разместилось опять-таки лепное украшение в форме букrania (рис. 8, 2). Подобные сосуды характерны для дагестанских памятников каякентско-хорочоевского времени, они очень близки сосудам Каякентского могильника, открытого и исследованного В. И. Долбежеевым в 1898 г.⁸ В настоящее время памятники каякентско-хорочоевского этапа в Дагестане датируются третьей четвертью II тысячелетия до н. э.⁹

Вероятно, к тому же времени можно отнести и следы погребения в юго-западном секторе погребальной площадки кургана, обнаруженные на глубине 5,82 м с внутренней стороны развала кромлеха (рис. 1). Следы эти представлены костным тленом и обнаруженным рядом фрагментов толстостенной красноглиняной миски (рис. 8, 3).

Раскопки Торпах-кала — одного из наиболее крупных курганов в Приморском Дагестане показали, что создание этого сложного архитектурного сооружения, вероятнее всего, связано с племенами, носителями степных культур рубежа III—II тысячелетий до н. э. Курган этот можно рассматривать как один из наиболее ранних на территории республики памятников, обнаруживающих признаки несомненного этнокультурного контакта со степным миром, а материалы, полученные при его раскопках, приобретают уровень значимых конкретных фактов при изучении многих проблем древней истории всего кавказского региона и южно-русских степей.

В третьей четверти II тысячелетия до н. э. курган был использован для захоронений представителями дагестанских племен (каякентско-хорочоевский этап), а в начале второй половины I тысячелетия н. э., вероятнее всего, гунны устроили в курганной насыпи катакомбу для захоронения представителя своей знати и это богатое захоронение стало в скором времени добычей грабителей.

В последующие времена курган неоднократно использовался как укрепленный наблюдательный пункт, господствующий над окружающей местностью, и следы такого использования в виде заплывших шанцев и уплощенной вершины сохранялись на нем до начала раскопок.

* * *

¹ Русов А. А. Отчет о летних и осенних работах в Южном Дагестане.— В кн.: Пятый археологический съезд в Тифлисе. 1. Труды предварительных комитетов. М., 1882, с. 567.

² Раскопки производились Новостроечной археологической экспедицией Института ист., яз. и лит.-ры Дагестанского филиала АН СССР в зоне строительства, проходящего через территорию республики газопровода Кази-Магомед-Моздок, в июне-сентябре 1981 г.

³ Русов А. А. Указ. соч., с. 567.

⁴ Котович В. Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 181—231; Котович В. Г. О процессе урбанизации в древнем Дагестане.— В кн.: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980, с. 78—93.

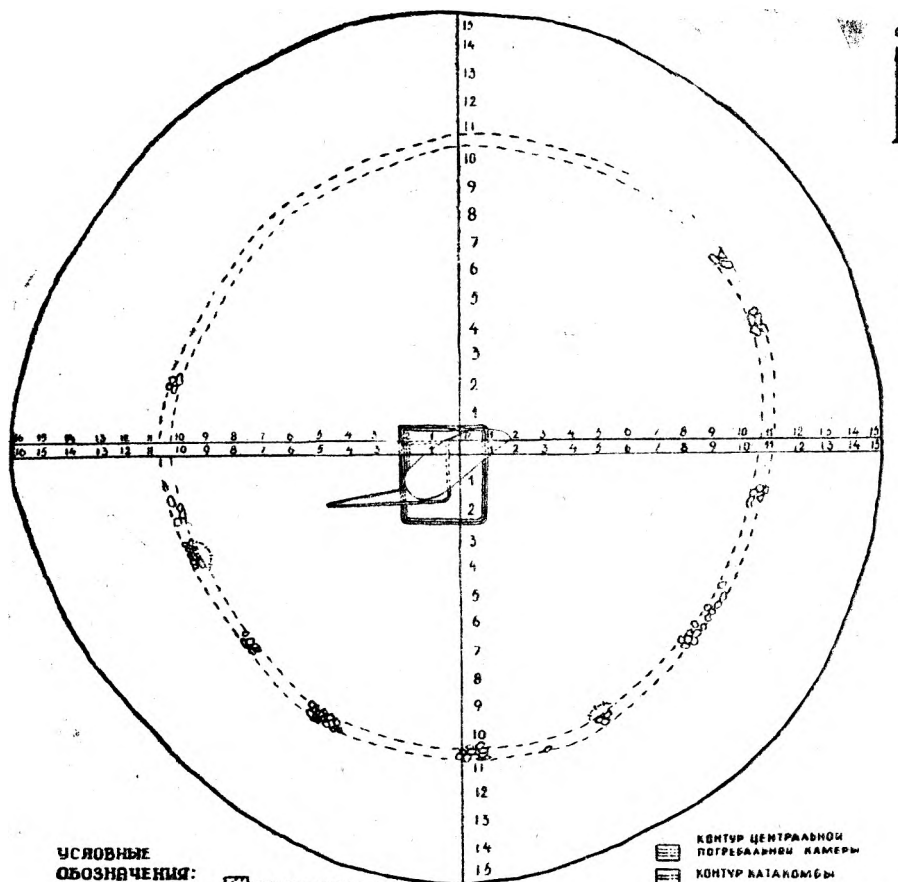
⁵ Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М. Археологические работы на территории средневекового княжества Хамрин.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1971—1972 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1973, с. 3—6; Котович В. Г., Котович В. М. Археологические исследования на городище Таргу.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978—1979 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1980, с. 5—7; Котович В. Г. Об этнической принадлежности раннесредневековых катакомбных захоронений Прикаспийского Дагестана.— В кн.: Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тез. докл. Махачкала, 1975, с. 98.

⁶ Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 59.

⁷ Шилов В. П. Очерки по истории..., с. 59—91; Даниленко В. Н. Энеолит Украины. Киев, 1974, с. 40—61.

⁸ Отчеты археологической комиссии за 1898 г. СПб., 1901, с. 141—156.

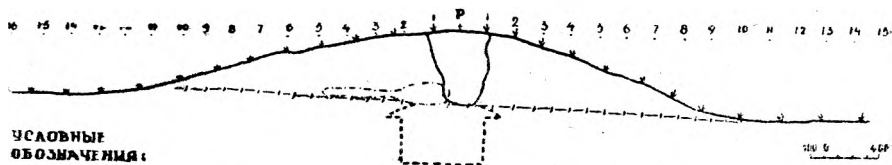
⁹ Котович В. Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982, с. 70.

УСЛОВНЫЕ
ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- КОНТУР КРОМАЕХА
- ОСТАТКИ ПОГРЕБЕНИЯ

- КОНТУР ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ КАМЕРЫ
- КОНТУР КАТАКОМЫ
- КОНТУР ГРАБИТЕЛЬСКОГО ЛАЗА

УСЛОВНЫЕ
ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- ПРОЕКЦИЯ КАТАКОМЫ
- ПРОЕКЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ КАМЕРЫ

- ПРОЕКЦИЯ КРОМАЕХА
- КОНТУР ГРАБИТЕЛЬСКОГО ЛАЗА

Рис. 1. План и разрез кургана Торлах-кала.

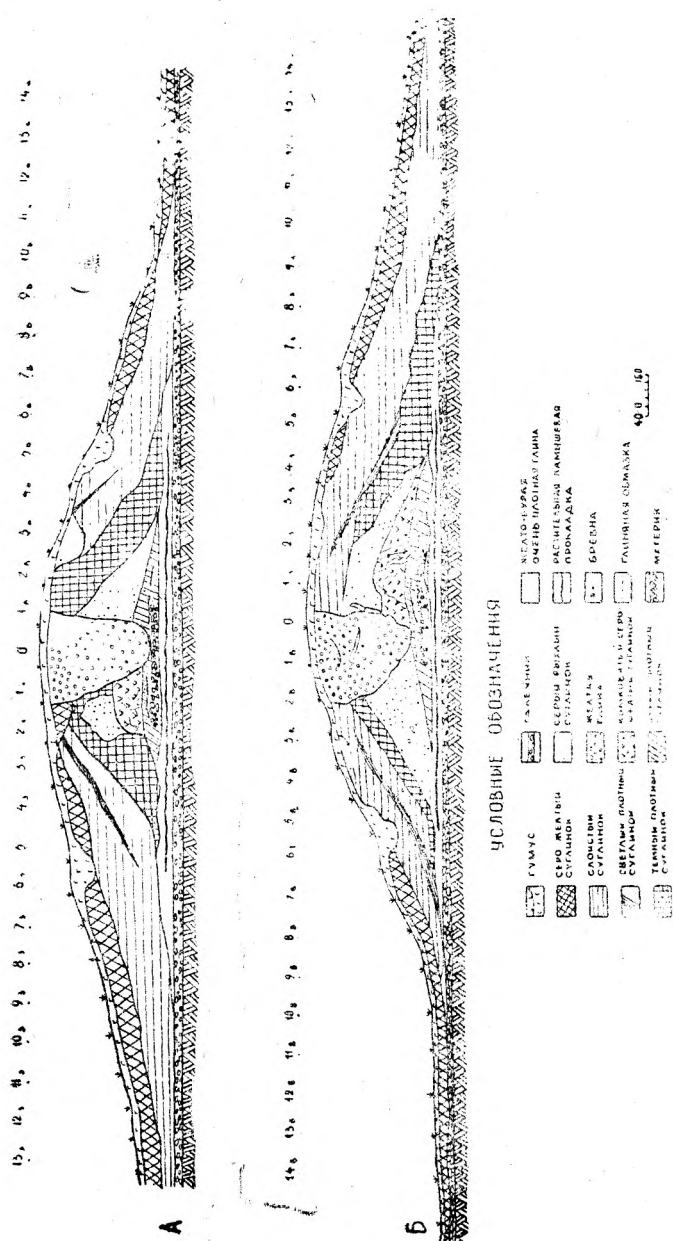

Рис. 2. Профили южной и северной сторон бровки кургана Торлах-кала.
 А — профиль южной стороны, Б — профиль северной стороны.

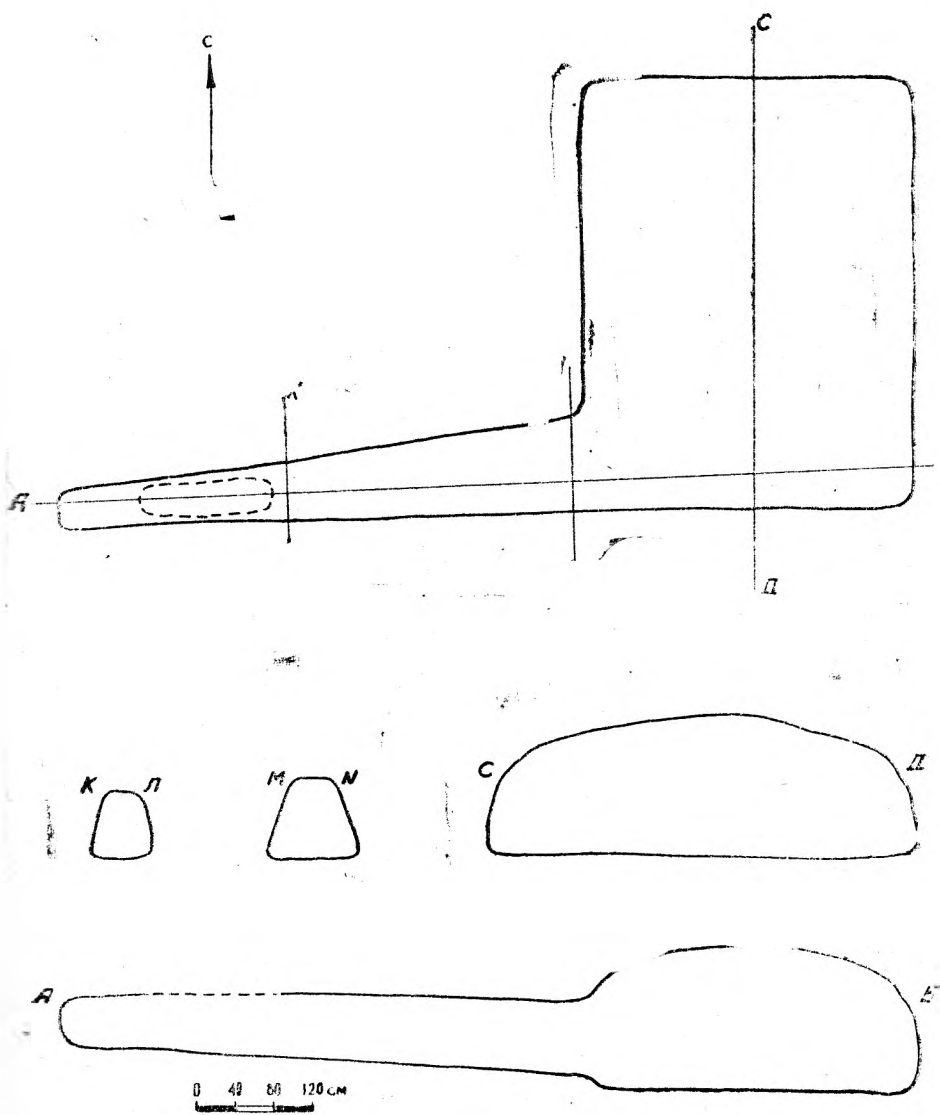

Рис. 3. Разрезы впускной катакомбы в кургане Торпах-кала.

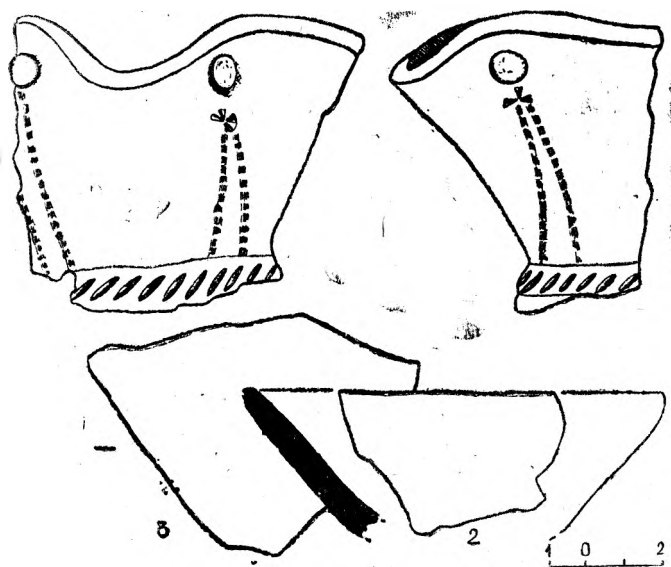

Рис. 4. Фрагменты керамики из впускной катакомбы кургана
Торпах-кала.

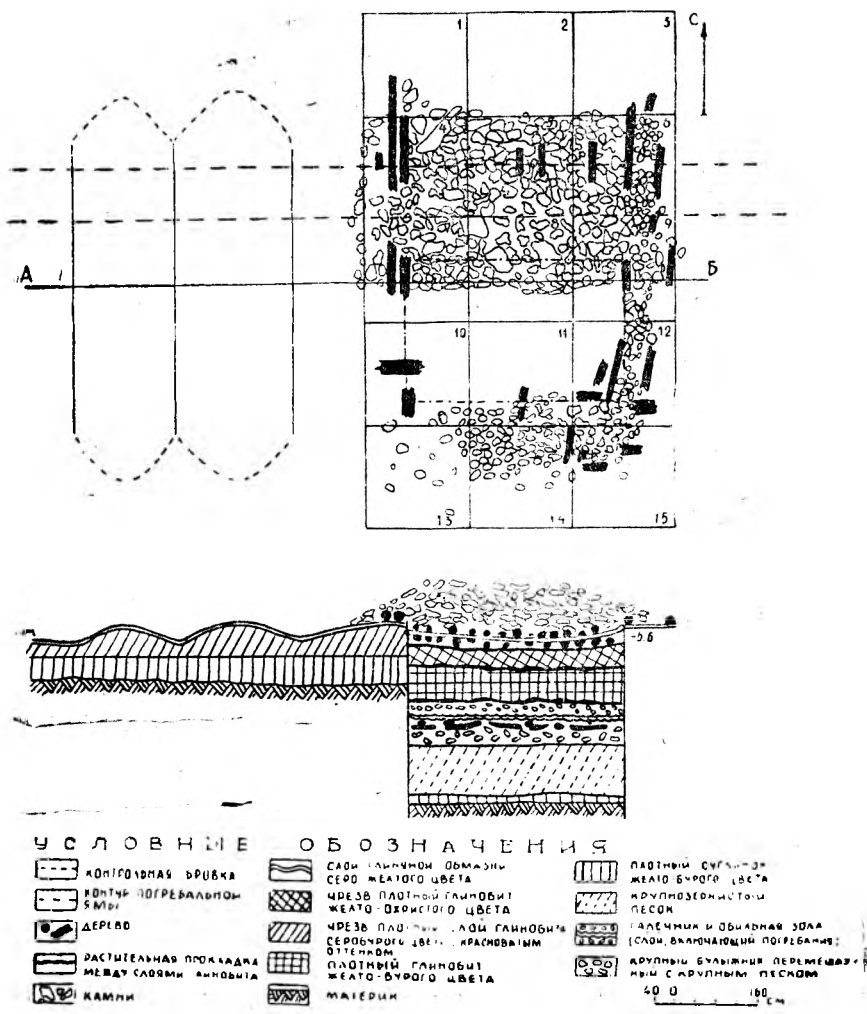
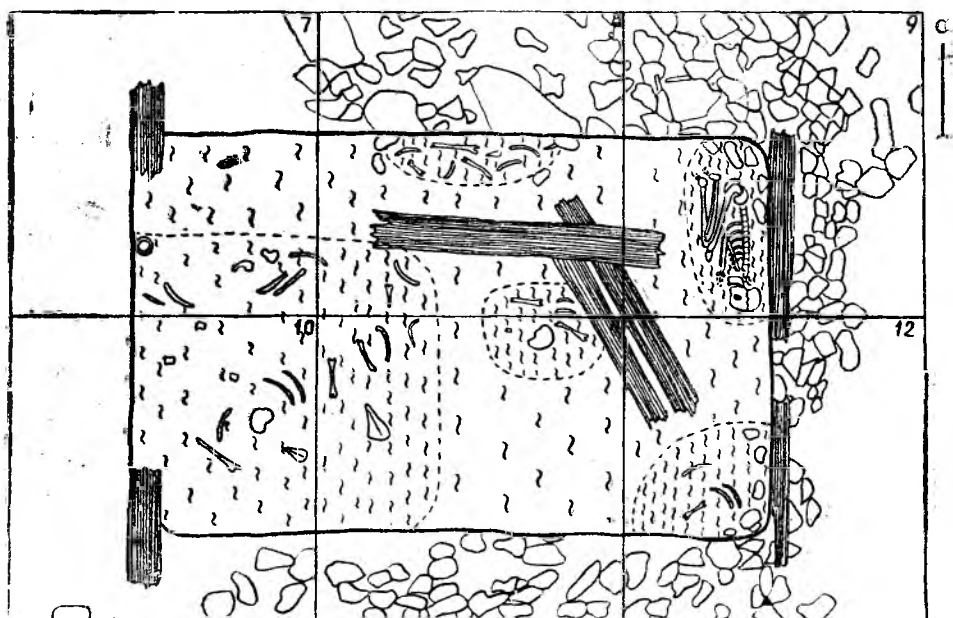

Рис. 5. План и разрез центральной погребальной камеры кургана Ториах-кала.

20 0 80

Условные обозначения

ДЕРЕВО	ГРАНИЦЫ СКОПЛЕНИЙ КОСТЕЙ
ЗОЛА	СОСУДИК

Рис. 6. План расчищенных погребений центральной камеры кургана Торпах-кала.

Рис. 7. Инвентарь погребений центральной камеры кургана Торпах-кала: 1—7 — кремь; 8—9 — керамика.

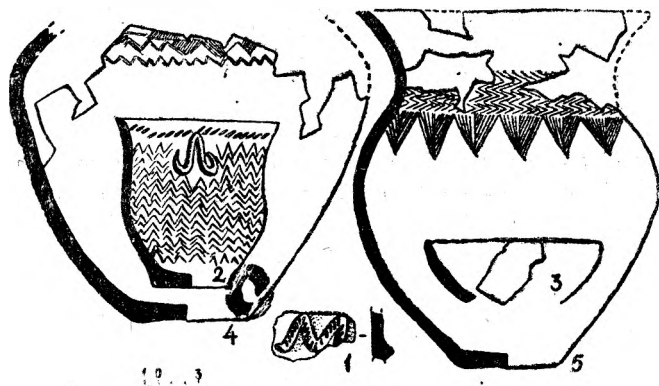

Рис. 8. Фрагменты сосудов из остатков грунтовых погребений у кромлеха кургана Торпах-кала.

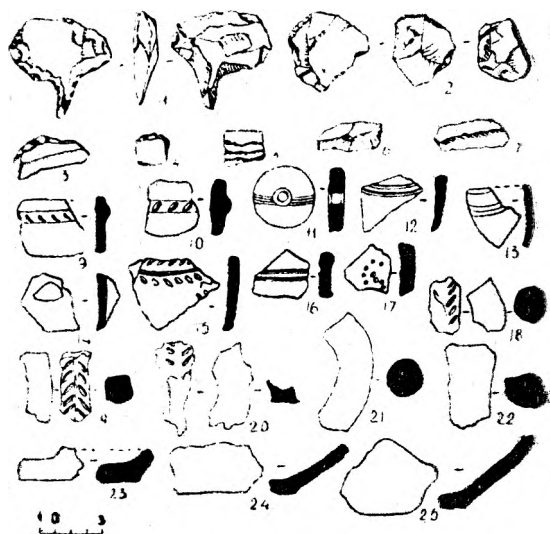

Рис. 9. Подъемный материал, собранный на пашне вокруг кургана Торпах-кала:
 1—7 — кремьнь; 8—25 — фрагменты керамики.

ПАМЯТНИКИ ГИНЧИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ У сел. ГАГАТЛЬ

За более чем 10 лет, прошедших после выделения гинчинской культуры, объединяющей памятники эпохи средней бронзы (I-я пол. II тыс. до н. э.) горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни¹, высказано немало мнений, порою самых противоречивых и спорных, о правомочности существования этой культуры, критериях ее выделения, ее генезисе, хронологии и ареале распространения². Можно сказать, что к настоящему времени вокруг гинчинской культуры сложилась весьма острая проблемная ситуация, выход из которой нам видится, в первую очередь, в дальнейшем упорядочении и накоплении источниковой базы для изучения эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа. В этом отношении большое значение имеет полная публикация материалов старых полевых исследований. Настоящая статья посвящена введению в научный оборот итогов раскопок поселения и могильника, открытых и исследованных в 1968, 1970 гг. 1-м Горным отрядом археологической экспедиции Института истории, языка и литературы Дагфилиала АН СССР в Западном Дагестане около селения Гагатль Ботлихского района³.

Информация предварительного характера об этих памятниках уже была дана в археологической литературе⁴. Материалы с них привлекались неоднократно исследователями при решении различных проблем историко-культурного и хозяйственного развития населения Дагестана и Северо-Восточного Кавказа в целом⁵, выяснении исторических связей кавказского мира с племенами Юго-Восточной Европы⁶ и Карпатского региона⁷ в эпоху бронзы.

Поселение Галгалатли-II⁸ находится на восточном склоне у самого гребня одноименной горы на расстоянии ок. 100 м от известного памятника куро-аракской культуры — поселения Галгалатли-I.

На северной окраине поселения, где в обрыве были видны остатки каменных стен, угольки и кости животных, в 1968 г. был разбит небольшой раскоп (6×4 м). Здесь были оконтурены и расчищены полностью 2 помещения полуземляночного типа (рис. 1^а). Для их сооружения на очень крутом (ок. 40°) склоне горы был вырыт своеобразный котлован, после чего образовалась общая горизонтальная площадка, имеющая с западной стороны стенку в виде вертикального среза склона.

Помещение № 1 было вскрыто в северной половине раскопа. Оно имело подпрямоугольный план, размеры 2×2,60 м. С южной стороны помещение было ограждено каменной стенкой, от которой сохра-

илось лишь основание в виде 5 плоских камней, сложенных в один ряд. В северной части этой же стенки прослежен проем шириной 80 см, служивший, по-видимому, входом в помещение.

Северная стена помещения разрушена смывом обрыва, сохранился лишь ее восточный участок, примыкающий к входному проему. Сложен он из рваных камней, положенных друг на друга плашмя в 4 ряда, сохранившиеся размеры его — высота ок. 1 м, длина — 1,40 м.

Южная стена, являвшаяся смежной и для помещения № 2, в западной части была образована срезом материковой земли, к которому в восточном направлении была пристроена каменная стенка длиной 1,60 м и шириной 0,40—0,50 м. Сохранившаяся высота её — 0,55 м.

В северо-западном углу помещения был зафиксирован круглый очаг открытого типа (диаметр 0,50 м).

Находки из заполнения помещения немногочисленны: единичные обломки грубой толстостенной керамики с обмазанной внешней поверхностью, 3 костяные проколки (рис. 1^б, 7, 8) и обломок зернотерки.

Помещение № 2 располагалось к югу от помещения № 1, оно также имело подпрямоугольную форму (размеры 2,60×2,40 м) и было построено аналогично вышерассмотренному помещению. Западная стена в северной части представляла собою вертикальный срез склона горы, к которому с южной стороны была пристроена каменная стена длиной 1,30 м, шириной 0,30 м и сохранившейся высотой 0,90 м. От восточной и южной стен помещения остались только основания. Дверной проем шириной 0,70 м, так же как и в помещении № 2, был оформлен в северной части восточной стены. В заполнении помещения найдены отдельные фрагменты обмазанной керамики (рис. 1^б, 1—6), терки из речных гальшей, 2 клиновидных каменных топора (рис. 1^б, 9, 10). Оба помещения близки друг к другу по технико-конструктивным особенностям. Они возведены на общей горизонтальной площадке, вырытой на крутом склоне горы и расчлененной каменными стенами. Последние строились из грубого рваного камня без применения скрепляющего раствора. Пол помещений земляной. Бросается в глаза небрежность планировки и сооружения помещений, их полуземляночный характер, отсутствие каких-либо деталей внутреннего интерьера в виде лежанок, сидений, печей и т. п., столь характерных для долговременных оседлых поселений эпохи бронзы.

Для определения времени бытования поселения важное значение имеют те единичные экземпляры обломков керамики, которые были найдены в обоих раскопанных помещениях (рис. 1^б, 1—6). Большая часть их принадлежит крупным сосудам обычно баночного типа с широкой горловиной. Шейки сосудов залощены и, как правило, отделены от грубообмазанных жидкой глиной тулов рельефными валиками, расчлененными насечками различного характера, горизонтальными рядами наклепных шишечек. Поверхность сосудов имеет серый и розоватый цвет, тесто глины — комковатую структуру. Многочисленные аналогии подобным сосудам известны из целого ряда памятников горного Дагестана и юго-восточной Чечни (поселения Верхнегунибское, Ирганайское, мо-

гильники Гинчи, Гатын-кале и др.), относящихся в основном к эпохе средней бронзы (рубеж III—II тыс. до н. э. — сер. II тыс. до н. э.)⁹.

Раскопанные на поселении Галгалатли II помещения резко контрастируют со строительными остатками, выявленными на оседлых земледельческо-скотоводческих поселениях горного Дагестана эпохи средней бронзы (Верхнегунибское, Ирганайское). Последние дают нам образцы фундаментальных каменных жилищ развитой формы с разнообразным внутренним интерьером.

Топография месторасположения памятника, имеющиеся данные о его размерах и планировке, весь облик раскопанных помещений, скудный характер найденной коллекции предметов материальной культуры — все эти факты показывают, что перед нами, по всей видимости, временный сезонный лагерь скотоводов. Такой тип поселения, связанный со спецификой скотоводческого хозяйства в условиях горных районов Северо-Восточного Кавказа, возник еще в энеолите (т. н. Ругуджинские стоянки, поселение Чинна) и получил дальнейшее развитие в эпоху ранней (поселения Чинна, Чирката) и средней бронзы¹⁰.

Могильник Галгалатли был обнаружен в 100 м к югу от вышерассмотренного поселения на том же восточном склоне, у самого гребня горы.

1-м Горным отрядом ДАЭ в 1968 и 1970 гг. на могильнике были исследованы 2 полуразрушенных погребения типа склепа.

Склеп № 1¹¹ представлял собою своеобразное каменное сооружение круглой формы, внутренним диаметром ок. 1,80 м, впущенное в землю (рис. 2). Стена, сохранившаяся в западной части до 0,80 м, была сложена из необработанных, но хорошо подобранных камней, положенных друг на друга в 5—6 рядов без скрепляющего раствора. В северо-восточной половине склепа, у стенки, расчищены 5 тонких каменных плит, которые, видимо, имели отношение к перекрытию склепа. Под этими плитами и вдоль сохранившейся стенки склепа были найдены беспорядочно лежавшие человеческие кости, принадлежавшие, судя по количеству сохранившихся черепов, не менее 9 погребенным. Имея в виду отдельные кости рук и ног скелета, зафиксированные в малопотревоженном состоянии, можно предположить, что покойников хоронили в сильно скорченном положении вдоль стенки склепа.

В склепе вперемешку с костными останками обнаружен многочисленный и разнообразный погребальный инвентарь: 15 глиняных лепных сосудов (рис. 3); большое количество изделий из бронзы — 3 иглы (рис. 4, 68, 70), булавка (рис. 4, 67), 7 браслетов (рис. 4, 65, 66, 71—73), очковидная подвеска (рис. 4, 50), кольцевидная подвеска с вертикальной перекладиной (рис. 4, 49), 3 спаренных подвески-медальона (рис. 4, 46—48), 2 массивные подвески в 1,5 об. (рис. 4, 44, 45), 16 лавролистных височных подвесок (рис. 4, 51—64), 3 ложечковидных подвески (рис. 4, 41—43), подвеска в виде перевитого стержня с утолщением на одном конце (рис. 4, 74), спиральные трубочки и пронизки (рис. 4, 21—37), длинноцилиндрические трубочки с гладкой поверхностью или же с рельефными и гравированными изображениями различного харак-

тера (рис. 4, 10—14, 20), дольчатые бусы-трубочки (рис. 4, 15—19), бусы-пронизки с двумя отверстиями и рельефным изображением в виде «бегущей» двойной спирали (рис. 4, 1—9), короткоцилиндрические и бочковидные бусы; бусы из сердолика, гагата, горного хрусталя, раковин каспийских моллюсков, известняка и кости; костяное пряслице (рис. 4, 40), кремневый наконечник стрелы (рис. 4, 38) и, наконец, 1 альчик мелкого рогатого скота (рис. 4, 39).

Склеп № 2¹² был вскрыт недалеко от склепа № 1. От него сохранилась только западная половина. В плане склеп имел округлую форму (рис. 5, а). Диаметр — в среднем 1,20 м. Технично-конструктивные особенности погребального сооружения аналогичны таковым в склепе № 1. Высота сохранившейся западной части стены доходила до 0,50 м.

Внутри склепа было обнаружено несколько фрагментов беспорядочно лежавших трубчатых костей человека. Кроме них, в погребении найдены: обломки миски с гладкой поверхностью; миниатюрный сосудик типа кружки (рис. 5, г-2); нижняя часть толстостенного сосуда баночной формы (рис. 5, г-1); обломки обмазанного сосуда и 5 круглых бус из раковин каспийских моллюсков (рис. 5, г-3—7). Почти полное отсутствие останков погребенных и очень бедный состав инвентаря объясняются разрушенностью и ограблением склепа.

Итак, мы видим, что характерный для могильника тип погребальной конструкции — это **круглоплановый каменный склеп**, втиснутый в землю. Такие склепы в настоящее время, наряду с прямоугольными, наиболее известны в горном Дагестане для эпохи средней бронзы. Так, например, они найдены на могильниках Гинчи в Советском районе¹³, Чох¹⁴ и Ругуджа¹⁵ в Гунибском районе, по некоторым данным они известны еще у селения Кули Кулинского района¹⁶ и у селения Хаджалмахи Левашинского района¹⁷. За пределами Дагестана в эпоху средней бронзы аналогии круглоплановым склепам Галгалатли пока что отсутствуют. В какой-то мере с ними могут быть сопоставимы могилы-кенотафы № 20—22 с некрополя Гатын-кале (Юго-Восточная Чечня)¹⁸.

Вопрос о том, какие склепы — круглоплановые или четырехугольные — древнее — довольно сложный. Первоначально, после открытия четырехугольных склепов могильника Гоно (Советский район), датированного в пределах 2-й половины III-го тыс. до н. э., древность прямоугольных погребальных конструкций по сравнению с круглоплановыми, особых сомнений не вызывала¹⁹. Позднее, исходя из стратиграфических наблюдений на могильнике Гинчи, появилась возможность говорить о большей архаичности круглоплановых склепов²⁰, хотя известная, устоявшаяся в те годы, картина развития домостроительства в Дагестане²¹ не подкрепляла этот вывод. В настоящее время, на основе исследования большого количества бытовых памятников и нового обобщения всего имеющегося материала, считается установленным, что традиция круглоплановой архитектуры имеет в Дагестане очень глубокие корни, восходящие по крайней мере к эпохе неолита (VI—V тыс. до н. э.)²². А так как нам известно, что «погребальные сооружения отражают форму и планировку реально существовавших жилищ»²³, можно

говорить также о более раннем возникновении круглоплановых склепов, чем прямоугольных. Подтверждением последнему является открытие круглопланового склепа на могильнике куро-аракской культуры Шебоха²⁴.

Таким образом, сейчас можно считать установленным, что обычай строительства круглоплановых склепов имеет глубокие исторические корни, а процесс смены погребальной традиции (замена погребальных сооружений круглого плана четырехугольными) в горном Дагестане завершается в эпоху средней бронзы.

Характерной особенностью погребального обряда, зафиксированной в галгалатлинских склепах, является **коллективность захоронений**. Она — результат не одновременного акта, а отражает использование данных склепов в течение длительного времени в качестве родосемейных усыпальниц. Аналогичное явление свойственно и для большинства бескурганых могильников равнинного, предгорного и горного Дагестана в эпоху ранней и особенно средней бронзы²⁵. Обряд коллективных захоронений бытовал и в Юго-Восточной Чечне, о чем свидетельствуют могильники эпохи средней бронзы (Гатын-кале, Эгикал, Бельты и др.)²⁶. К концу этой эпохи традиция коллективных усыпальниц повсеместно на Северо-Восточном Кавказе заменяется обрядом индивидуальных захоронений в каменных ящиках.

Как видим, по особенностям погребальной конструкции и обряда захоронений склеповый могильник Галгалатли наиболее близок к памятникам эпохи средней бронзы горного Дагестана (Гинчи, Чох, Ругуджа и др.). Но окончательно выяснить его историческое место в древностях эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа можно лишь на основе всестороннего анализа его довольно богатого и своеобразного **инвентаря**.

Анализ инвентаря начнем с **керамики**. По способу обработки внешней поверхности сосуды делятся на три группы: 1) лощеные, 2) заглаженные и 3) обмазанные жидкой глиной. Традиция обработки поверхности сосудов путем лощения имеет на Северо-Восточном Кавказе глубокие корни. Широко пользовались здесь этим приемом еще в эпоху энеолита и ранней бронзы²⁷.

Обмазанной посуды в склепах Галгалатли совсем немного, и притом, обмазке подвергнута не вся внешняя поверхность сосуда, а только часть тулова (закраина и придонная часть тулова залощены). Прием обмазки сосуда жидкой глиной очень специфичен для Северо-Восточного Кавказа, возникает он на втором этапе ранней бронзы (с сер. III тыс. до н. э.)²⁸, широко бытует в эпоху средней бронзы и получает особенно большое распространение в период существования каякентско-хорочоевской культуры.

По форме керамику можно распределить в основном на следующие типы: I тип — миски, напоминающие перевернутый усеченный конус (рис. 3, 1—4). Все они имеют по одной ленточной ручке, прикрепленной к краине сосуда, и лощеную поверхность. Большая часть мисок лишена орнамента. У одной миски (рис. 3, 4) на верхней площадке

ручки имеется круглое вдавление, а у другой — край венчика в трех местах украшен невысокими выступами (рис. 3, 2).

Различного характера миски встречаются в Дагестане на памятниках энеолита, а в эпоху ранней и средней бронзы они являются характерной формой посуды для всего Северо-Восточного Кавказа. Миски из Галгалатли имеют наиболее близкие и полные аналогии среди керамического материала памятников средней бронзы горного Дагестана (Верхнегунбское поселение, могильник Гинчи и др.)²⁹ и Юго-Восточной Чечни (могильник Гатын-кале³⁰ и др.).

К II типу отнесены три сосуда небольших размеров с одной ручкой у закраины (рис. 3, 5, 6; 4, г-2), которые можно назвать условно «кружками». Один из них (рис. 3, 5) имеет на тулове, напротив ручки, украшение в виде рельефного налепного кольца, у другого (рис. 3, 6) обмазанная средняя часть тулова отделена от лощеной закраины нарезными штрихами, прерываемыми в трех местах сосцевидными налепами. Довольно близкие аналогии последнему мы находим в склепе № 1 могильника Гинчи³¹ и в погребении № 7 могильника Гатын-кале³². Надо сказать, что сосуды типа рассматриваемых кружек имеют чрезвычайно широкое распространение в эпоху ранней и средней бронзы, как на Северо-Восточном Кавказе, так и на Кавказе в целом.

III тип представлен сосудами баночной формы, среди которых, впрочем, также можно выделить несколько вариантов или подтипов. Сосуд, изображенный на рис. 3, 8, характеризуется туловом, равномерно сужающимся книзу и обмазанным в центральной части жидкой глиной. По низу залощенной закраины сосуд опоясан рельефным валиком, расчлененным округлыми вдавлениями. Еще от одного подобного сосуда, но более крупных размеров, сохранилось несколько обломков. Близкие этим сосудам формы известны из поселений Галгалатли II, Верхнегунбское³³, Ирганайское³⁴, могильников Гинчи³⁵, Гатын-кале³⁶ и др. Другую разновидность этого типа составляет сосуд, представленный на рис. 3, 7. На его выпуклых боках имеются две ручки, а на уровне последних — налепные рельефные кольца. Подобные сосуды, правда не орнаментированные, встречены в погребениях № 8, 9, 31 могильника Гатын-кале³⁷.

IV тип. Крупные сосуды с яйцевидным туловом и узковытянутой, немного расширяющейся горловиной. На выпуклых боках сосудов располагается по 2 ручки. Сосуды различаются между собой пропорциями. Два сосуда неорнаментированные (рис. 3, 10, 12), а у третьего по низу шейки идет рельефный валик, от которого отходят вниз дуговидные отростки (рис. 3, 13). К этому же типу можно отнести еще один сосуд, не имеющий ручек (рис. 3, 11).

Керамика IV типа имела большое распространение на Кавказе в эпоху ранней и средней бронзы, но наиболее близкие параллели галгалатлинским образцам мы находим преимущественно на памятниках эпохи средней бронзы в бассейне среднего Сулака и Юго-Восточной Чечни. Так, почти тождественные нашему сосуду, изображенному на рис. 3, 12, аналогии известны из Миатлинского и Чиркейского кур-

ганных могильников³⁸. Сосудов рассматриваемого типа, но несколько других пропорций, по сравнению с галгалатлинскими образцами, на последних памятниках найдено большое количество³⁹. Из могильника Гатын-кале также происходит большая серия сосудов аналогичной формы⁴⁰.

Очень интересен сосуд (рис. 3, 13), опоясанный по основанию шейки рельефным валиком со свисающими дуговидными отростками. Близкие по форме и орнаментации сосуды обнаружены в погр. 1 кургана 1 Миатлинской курганной группы III⁴¹ и в каменном ящике № 2 кургана 1-а группы Чиркейского курганного могильника 1⁴².

Довольно условно к IV типу нами отнесен сосуд (рис. 3, 9) с яйцевидным туловом и с двумя ручками (одна не сохранилась) у закраины. Аналогичные сосуды были найдены в погр. 36 могильника Гатын-кале⁴³, во впускном погр. 3 кургана 3 Манасского могильника⁴⁴, в катакомбе № 8 Великентского могильника⁴⁵. Близкие по форме сосуды известны из целого ряда памятников средней бронзы на Северном Кавказе (могильник Дзуарикау — Сев. Осетия, могильник Чегем II — Кабардино-Балкария и др.)⁴⁶.

Касаясь вопроса орнаментации галгалатлинской посуды, заметим, что подавляющее большинство орнаментальных мотивов представляет собою различного рода рельефные налеты (кольца, шишечки, валики, дуги и т. д.), широко употреблявшиеся при украшении керамики Северо-Восточного Кавказа в эпоху средней бронзы⁴⁷.

В целом, анализ керамики могильника показывает ее наибольшее сходство с керамикой горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни I-й половины II тыс. до н. э. Определенные параллели имеются и в керамическом материале памятников этого времени Прикаспийского Дагестана и бассейна среднего Сулака. Этому выводу не противоречит и остальная вещественный инвентарь из склепов.

Большой интерес вызывают металлические изделия, относящиеся, в основном, к предметам украшения.

Целая серия бронзовых двуволютных булавок, наиболее схожих по форме с галгалатлинским образцом, происходит из могильника Гатын-кале (5 экз.) и Харсеной (1 экз.)⁴⁸. Все они примечательны тем, что их спирально закрученные «рога» отходят от широкой расплющенной лопасти круглого стержня булавки, имеющей подтреугольную форму (рис. 4, 67). Этот признак позволяет выделить их в особый тип среди большой группы биспиральных булавок бронзового века, происходящих из Европы, Ближнего Востока, Передней Азии, Кавказа и других регионов. Происхождение булавок данного типа некоторые исследователи рассматривали на общем фоне генезиса биспиральных булавок, не выделяя их особо⁴⁹. Между тем, на наш взгляд, линия их развития несколько другая, нежели рогатых булавок, навершие которых отходит прямо от конца круглого стержня. Последние имели чрезвычайно большое территориальное распространение и бытовали, в основном, в эпоху ранней бронзы⁵⁰, но встречаются спорадически и на памятниках средней бронзы⁵¹. Что касается двуволютных булавок из Гатын-кале и Гал-

галатли, то имеющиеся материалы позволяют выводить их от известных булавок с полукруглым навершием, оканчивающимся двумя волютами, распространенных в Закавказье в III тыс. до н. э.⁵² В дальнейшем они проникают на Северный Кавказ (находки в могильнике Гатын-кале, на территории Тарнаир ок. г. Махачкалы и т. д.)⁵³. Форма булавок претерпевает изменения: полукруглый верх навершия приобретает вырез треугольной формы, в силу чего волюты напоминают закрученные «бараньи рога». Это хорошо видно, например, на булавках из могильников Кабардинский парк (г. Нальчик), Гатын-кале (погр. 27)⁵⁴. Окончательное развитие булавки данного типа получают уже вне пределов Северо-Восточного Кавказа — на центральном Кавказе, где они в эпоху поздней бронзы становятся очень массивными, на рогах и щитке навершия появляется пунсонный орнамент⁵⁵.

Впрочем, возможен и другой путь происхождения булавок анализируемого типа. Из Алишар-Хуюка (Анатолия) и Луристана (Иранское нагорье) происходит несколько булавок более раннего времени, удивительно напоминающих наши образцы⁵⁶. Может быть, они и были прототипами северокавказских булавок, но вопрос этот остается открытым до дальнейшего накопления фактов.

Спиральные браслеты, найденные в довольно большом количестве в склепе № 1 могильника Галгалатли (рис. 4, 65, 71—73), являются характерным типом украшения преимущественно для Северо-Восточного Кавказа. Они найдены в могильниках эпохи средней бронзы Гинчи, Чох, Гатын-кале, Эгикал и др.⁵⁷ В эту эпоху они эпизодически встречаются и на различных памятниках Центрального Кавказа⁵⁸, а в предшествующее время известны в Закавказье из памятников куро-аракской культуры⁵⁹.

Оригинальными украшениями, известными на Кавказе, в основном на территории Дагестана, являются очковидные подвески, одна из которых найдена в склепе № 1 нашего могильника (рис. 4, 50). Аналогичные подвески происходят из различных погребений Манасского могильника эпохи средней бронзы⁶⁰. Украшения подобного рода бытовали в Дагестане и в эпоху ранней бронзы, свидетельством чего являются их находки в одном из древнейших горизонтов Каякентского поселения Геме-Тюбе II, на Чиркейском поселении, в Карабудахкентском 2-м могильнике⁶¹. Из горного Дагестана происходит еще одна случайная находка неопределенного времени⁶². За пределами Кавказа очковидные подвески найдены в Польше (лендельская культура, 3500—2500 гг. до н. э.)⁶³, на различных памятниках почапского типа в верховьях Западного Буга⁶⁴, среднеднепровской⁶⁵, фатьяновской⁶⁶ и абашевской⁶⁷ культур. Вопрос о соотношении дагестанских и европейских очковидных подвесок остается пока открытым, но, примечательно, что некоторые исследователи считают прототипами подобных украшений именно дагестанские образцы⁶⁸.

Височные подвески со щитком в виде спирально завернутых в 1,5 оборота лавровых листьев, найденные в большом количестве в склепе № 1 (рис. 4, 51—62, 64), являются довольно редкой формой бронзовых

украшений. В настоящее время наибольшее их количество найдено на Северо-Восточном Кавказе. Помимо Галгалатли они известны еще из Сержень-юрта⁶⁹ и могильника Гинчи⁷⁰. Несколько таких подвесок происходят из катакомб (№ 2, 8) Великентского могильника, датированного в пределах второй половины III тыс. до н. э. — первых веков II тыс. до н. э.⁷¹ Похожие подвески известны и в Закавказье. Например, несколько подвесок найдено на могильнике эпохи средней бронзы у сел. Цагвли Хашурского района Грузинской ССР⁷². От гагатлинских подвесок они отличаются тем, что пластинчатый конец украшен рельефным пунктиром, а проволоочный — продет в конец щитка. Серебряные подвески из триалетского кургана XXII (вт. пол. III тыс. до н. э.) носят более архаичный облик⁷³. Подвески со щитком наиболее характерны для целого ряда археологических культур эпохи средней бронзы Центральной (нитранская группа в Словакии)⁷⁴, Юго-Восточной (культура Монтеору в Румынии)⁷⁵ и Восточной Европы (унетицкая культура и культура шнуровой керамики в Польше⁷⁶, памятники почапского типа в верховьях Западного Буга⁷⁷, фатьяновская культура и др.)⁷⁸. Хотя, как правило, височные подвески из упомянутых только что культур и имеют орнамент в виде продольных реберчатых граней, желобков, бороздок и т. д., среди них часто попадаются и чрезвычайно близкие галгалатлинским образцам. В настоящее время трудно сказать, какое значение имели европейские подвески со щитком в происхождении таковых из Дагестана. Вполне возможно, что прототипами кавказских украшений подобного рода послужили близкие по форме подвески из слоев II и III Трои, датированных Шеффером 2400—2100 гг. до н. э.⁷⁹

Такие бронзовые украшения из склепа № 1 могильника Галгалатли, как кольцевидные подвески с вертикальной перекладиной, переходящей в ушко (рис. 4, 47—49), подвески-медальоны в виде двух припаянных дисков (рис. 4, 46), ложечковидные подвески (рис. 4, 41—43), подвеска в виде перевитого стержня с утолщением на одном конце и ушком на другом (рис. 4, 74) — наиболее характерны для второго этапа развития (1700—1500 гг. до н. э.) северокавказской культурно-исторической области⁸⁰ (далее к. и. о.). В результате тесных культурных связей населения Северо-Восточного Кавказа с племенами северокавказской к. и. о. подобные украшения распространялись и в Дагестане, и в Юго-Восточной Чечне, о чем свидетельствуют, например, находки кольцевидных подвесок с вертикальной перекладиной, помимо Галгалатли, и в могильниках Гинчи и Гатын-кале⁸¹; на последнем найдены и ложечковидные подвески⁸², они известны также из некоторых катакомб Великентского могильника; несколько подвесок в виде перевитого жгутика с утолщением на конце происходят из могильника Гинчи⁸³.

Длинноцилиндрические бронзовые трубочки-пронизки из Галгалатли (рис. 4, 10—14) представляют собой довольно распространенный тип украшений на Кавказе, особенно на Северном, в эпоху средней бронзы⁸⁴. В Дагестане они найдены в огромном количестве в Великентском катакомбном могильнике, три подобных пронизки из серебра известны из Утамышского кургана I⁸⁵, есть они и в Гатын-кале⁸⁶.

Среди украшений из бронзы отметим спиральные пронизки разной длины (рис. 4, 21—37), которые также были широко распространены на Кавказе во все периоды бронзового века⁸⁷. Что касается галгалатлинских бус-пронизок с двумя параллельными отверстиями и с рельефными изображениями в виде двойной спирали с круглыми выпуклинами в центре (рис. 4, 1—9), то они довольно оригинальны, хотя близкие по форме украшения известны из Дагестана (могильник Миатлы)⁸⁸, Юго-Восточной Чечни (могильники Гатын-кале и Дай)⁸⁹, Прикубанья (Усть-Джегутинский и Суворовский могильники)⁹⁰ и других районов Северного Кавказа.

В обоих склепах могильника Галгалатли найден довольно стандартный набор бус и подвесок из бронзы, известняка, раковин, кости, сердолика, горного хрусталя, гагата, характерный для многих погребальных памятников Северного и в особенности Северо-Восточного Кавказа⁹¹.

К орудиям труда можно отнести 3 бронзовые иглы с раскованными ушками (рис. 4, 68—70) и костяное пряслице (рис. 4, 40). Аналогичные галгалатлинским бронзовые иглы, наряду с костяными, известны на памятниках всего бронзового века Дагестана. Обычны они и для древностей эпохи бронзы сопредельных областей. Костяные пряслица также имели широкое во времени и пространстве распространение.

Единственный предмет **вооружения**, найденный на могильнике, — кремневый наконечник стрелы треугольной формы с глубокой выемкой в основании (рис. 4, 38). Поверхность обработана тонкой ретушью. Как известно, наконечники стрел подобного типа получают наибольшее распространение на Кавказе, в том числе в Дагестане, в эпоху средней бронзы⁹².

Итак, проведенный анализ характера погребальной конструкции и обряда, всего вещественного инвентаря показывает, что могильник Галгалатли более всего тяготеет к памятникам гинчинской культуры эпохи средней бронзы горного Дагестана (поселения Верхнегунибское, Ирганайское, могильники Гинчи, Ирганай, Чох, Ругуджа) и Юго-восточной Чечни (могильники Гатын-кале, Эгикал, Дай). При этом, если технико-конструктивные особенности погребальных сооружений могильника Галгалатли соответствуют круглоплановым склепам горных районов Дагестана (Гинчи, Чох, Ругуджа и др.), то его погребальный инвентарь обнаруживает почти полные параллели с материалом известного могильника Юго-Восточной Чечни—Гатын-кале.

Расположенный в Андийской котловине, пограничной зоне между горной частью Дагестана и Юго-Восточной Чечни, могильник Галгалатли отражает синкретический характер культурных особенностей, т. е. занимает как бы промежуточное положение между двумя локальными вариантами гинчинской культуры эпохи средней бронзы. Надо сказать, что различия между памятниками Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни в настоящее время обозначаются еще не очень четко, что является, может быть, результатом слабого археологического изучения этих двух регионов.

Вместе с тем, могильник Галгалатли имеет много общих черт, в особенности в погребальном инвентаре, с памятниками Прикаспийского Дагестана (Манасский могильник и др.) и бассейна Среднего Сулака (Чиркейский и Миатлинский курганные могильники). Такие особенности и предметы инвентаря, как обмазка жидкой глиной поверхности сосудов, некоторые формы выделенных типов посуды, бронзовые многовитковые браслеты, очковидные подвески, подвески со щитком в виде лавровых листьев, свернутые в 1,5 оборота, различные бусы и подвески из гагата и раковин, являются специфичными, или же наиболее характерными для всего Северо-Восточного Кавказа.

Наряду с бронзовыми височными подвесками в 1,5 оборота, спиральными пронизками, бусами и подвесками из различного материала, костяным пряслицем и кремневым наконечником стрелы с выемкой у основания, распространенными в бронзовом веке повсеместно на Кавказе, в инвентаре могильника Галгалатли присутствует ряд предметов, характерных для племен северокавказской к. и. о., что свидетельствует об устойчивых культурных контактах между населением гор и степей Северного Кавказа в эпоху средней бронзы.

Довольно непросто вопрос о датировке могильника Галгалатли. В литературе уже были даны хронологические рамки его функционирования в пределах эпохи средней бронзы, т. е. примерно I-ой половины II тыс. до н. э.⁹³ Возможна ли узкая датировка для могильника Галгалатли? С этой точки зрения привлекает внимание тот факт, что подавляющая часть приведенных нами аналогий галгалатлинским вещам из могильника Гатын-кале, одного из наиболее изученных памятников средней бронзы Юго-Восточной Чечни, происходит из погребений № 1, 5, 8, 9, 14, 18, 24, 25, 27, 29, 31, 35, 36, укладывающихся согласно схеме хронологического членения могил Гатын-кале, данной В. И. Марковым, примерно в 1700—1500 гг. до н. э.⁹⁴, т. е. в рамки 2-го этапа развития северокавказской к. и. о. Именно на этом этапе, как уже вышесказано, на памятниках Северного Кавказа получают широкое распространение аналогичные галгалатлинским образцам подвески: кольцевидные, с вертикальной перекладиной, подвески-медальоны в виде спаренных двух дисков, ложечковидные, в виде перевитого жгутика с утолщением на одном конце и ушком на другом и некоторые другие металлические украшения. Очень близкую дату (1700—1450 гг. до н. э.) галгалатлинским височным подвескам с одним щитком дают и аналогии из унетичской культуры и культуры шнуровой керамики Польши⁹⁵.

Из сказанного следует, что вроде бы есть возможность датировать инвентарь склепов могильника Галгалатли 2-ой четвертью II тыс. до н. э. Заметим, что примерно так датировал материалы могильника Галгалатли в своей последней монографии и В. Г. Котович, отнеся их к т. н. гинчинско-гатынкалинскому этапу эпохи средней бронзы (XVII—XVI вв. до н. э.) в предлагаемой схеме периодизации и хронологии памятников медно-бронзового и железного века Дагестана⁹⁶. Однако В. Г. Котович не привел никаких обоснований и аргументов в пользу предложенной им датировки Галгалатли. Верхняя граница такой узкой

датировки могильника выглядит в настоящее время бесспорной, а что касается нижнего предела, то надо иметь в виду архаизм самой погребальной конструкции Галгалатли, широкий диапазон хронологических рамок некоторой части инвентаря склепов (все типы сосудов; бронзовые: булавка, браслеты, очковидная подвеска, височные подвески в 1,5 оборота; различные бусы и т. д.). Исходя из этого, мы склонны датировать могильник Галгалатли в пределах I-й половины II тыс. до н. э.

* * *

¹ Гаджиев М. Г. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 13—18.

² Марковин В. И., Мужухов М. Б. Некоторые итоги изучения древностей Чечено-Ингушетии.— В кн.: Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979, с. 9—11; Марковин В. И. О некоторых вопросах интерпретации дольменных и других археологических памятников Кавказа.— КСИА. М.: Наука, 1980, вып. 161, с. 44; Виноградов В. Б. Дискуссионные вопросы хронологии и этнокультурной атрибуции позднебронзовых памятников бассейна Сунжи.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы Юго-Восточной Европы: Тез. докл. конференции. Донецк, 1979, с. 94, 95; Он же. Новое в изучении этнокультурного процесса в Восточной Чечне (эпоха бронзы).— В кн.: Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: Тез. докл. Всесоюзного симпозиума. Ереван, 1982, с. 30, 31; Ошаев М. Х. Могильник эпохи бронзы у селения Дай.— В кн.: Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1982, с. 40, 41; История Чечено-Ингушской АССР. Проспект I-го тома. Грозный, 1983, с. 7, 8.

³ Гаджиев М. Г. Отчет о работе I Горного отряда ДАЭ в 1968 г. Махачкала, 1970.— Рукоп. фонд Ин-та ист., яз. и лит-ры Дагфилнала АН СССР (Далее ИИЯЛ), ф. 3, д. 287, л. 26—36; Гаджиев М. Г., Абакаров А. И. Отчет о работе I-го Горного отряда ДАЭ в 1970 г. Махачкала, 1971.— Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 3, д. 575, л. 24—25.

⁴ Гаджиев М. Г. Раскопки памятников бронзового века в горном Дагестане.— В кн.: АО—1968 г. М.: Наука, 1969, с. 103; Он же. Могильник Галгалатли — памятник гинчинской культуры Северо-Восточного Кавказа.— В кн.: VI Крупновские чтения в Краснодаре: Тез. докл. М., 1976, с. 13, 14.

⁵ Гаджиев М. Г. Дагестан и Юго-Восточная Чечня..., с. 13, 14, 18 и др. (Сосуды, ошибочно указанные на рис. 3 как гатынкалинские, на самом деле происходят из могильника Галгалатли); Он же. Древнее земледелие и скотоводство в горном Дагестане.— В кн.: Северный Кавказ в древности и средние века. М.: Наука, 1980, с. 13; Котович В. Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.: Наука, 1982, с. 117, 155.

⁶ Магомедов С. М. К вопросу о культурных связях племен Дагестана с племенами Северного Кавказа и степей Юго-Восточной Европы в эпоху средней бронзы.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 74, 77, рис. 20, 36, 70.

⁷ J. Machnik. Ze Studiów nad związkami Kaukazu z obszarami Karpackimi w Początkach epoki brązu.— Archeologia Polski, т. XVIII, 1973, з. 1, s. 151, tabl. X, 16, 20, 25, 29—32; Он же. Umagi o związkach obszarow Karpackich z alpejskimi u Schylku eneolitu i w początkach epoki brązu.— Acta archaeologica Carpathnica, t. XIII, 1972—1973. Rys. 2, 11, 14, 16—18.

⁸ Гаджиев М. Г. Раскопки памятников бронзового века..., с. 103; Он же. Отчет о работе I Горного отряда ДАЭ в 1968 г., л. 26—29.

⁹ *Котович В. М.* Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965, с. 156, рис. 55, 1, 4, 5, 7, 11; с. 177, 178, рис. 59, 5, 7; 62, 8, 26; *Атаев Д. М., Погребова М. Н.* Поселение эпохи бронзы у сел. Ирганай Унцукульского района (Предварительное сообщение).—В кн.: Материалы археологии Дагестана (Далее — МАД). Махачкала, 1973, с. 32, рис. 7, 1—4; *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. (Могильник Гинчи). Махачкала, 1969, с. 125, рис. 4, 1—4, 6; *Марковин В. И.* Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне (могильник у сел. Гатынкале).—В кн.: Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, с. 111, 112, рис. 14, 1; рис. 33.

¹⁰ *Гаджиев М. Г.* Древнее земледелие и скотоводство..., с. 12, 13; *Он же.* Древнейшие поселения горного Дагестана.—В кн.: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980, с. 18—23, 26; *Он же.* Поселения горного Дагестана..., с. 38, 40.

¹¹ *Гаджиев М. Г.* Раскопки памятников бронзового века..., с. 103; *Он же.* Могильник Галгалатли..., с. 13, 14; *Он же.* Отчет о работе I Горного отряда ДАЭ в 1968 г., л. 30—36.

¹² *Гаджиев М. Г.* Могильник Галгалатли..., с. 13, 14; *Гаджиев М. Г., Абакаров А. И.* Отчет о работе I Горного отряда ДАЭ в 1970 г., с. 24, 25.

¹³ *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры..., с. 103, рис. 2.

¹⁴ *Мунчаев Р. М.* Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г.—КСИИМК. М., 1958, вып. 71, с. 44.

¹⁵ *Котович В. Г.* Археологические работы в горном Дагестане.—В кн.: МАД. Махачкала, 1961, т. 2, с. 36.

¹⁶ Там же, с. 37.

¹⁷ *Котович В. Г.* Отчет о работе 2-го Чиркейского (I-го Горного) отряда ДАЭ. Махачкала, 1960.—Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. № 41, л. 39, 40.

¹⁸ *Марковин В. И.* Новый памятник эпохи бронзы..., с. 80, 81, рис. 3.

¹⁹ *Котович В. М.* Верхнегунибское поселение..., с. 97.

²⁰ *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры..., с. 105.

²¹ *Котович В. М.* Верхнегунибское поселение..., с. 92—99; *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры..., с. 107, 108.

²² *Гаджиев М. Г.* К истории зодчества в Дагестане.—В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований ИИЯЛ в 1980—1981 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1982, с. 3.

²³ *Котович В. М.* Верхнегунибское поселение..., с. 97.

²⁴ *Гаджиев М. Г.* Раскопки памятников..., с. 102; *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975, с. 190, 191, рис. 29, 10—13.

²⁵ *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры..., с. 109.

²⁶ *Марковин В. И.* К вопросу о происхождении склепов и распространение составных дольменов на Северном Кавказе.—КСИА. М.: Наука, 1982, вып. 169, с. 28; *Виноградов В. Б.* Новое в изучении этнокультурного процесса в Восточной Чечне (эпоха бронзы).—В кн.: Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: Тез. докл. Всесоюзного симпозиума. Ереван, 1982, с. 29; *Он же.* Работы в ущелье р. Гумс.—В кн.: АО—1981 г. М.: Наука, 1983, с. 110.

²⁷ *Гаджиев М. Г.* Керамика горного Дагестана эпохи раннего металла.—В кн.: Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981, с. 11, 13, 16, 21

и далее; Археология СССР. Энеолит СССР. М.: Наука, 1982, с. 125.

²⁸ Гаджиев М. Г. Поселения горного Дагестана..., с. 41.

²⁹ Котович В. М. Верхнегунибское поселение..., с. 152, рис. 53, 11, 13, 15; Гаджиев М. Г. Из истории культуры..., с. 121, рис. 5, 4—6; 6, 9, 11; 10, 12; 13, 5; 27, 20, 22; 33, 4; 38, 19, 21, 22; 40, 14, 19.

³⁰ Марковин В. И. Новый памятник..., с. 116, рис. 2, 2; 10, 9; 33.

³¹ Гаджиев М. Г. Из истории культуры..., рис. 4, 3.

³² Марковин В. И. Новый памятник..., рис. 5, 5.

³³ Котович В. М. Верхнегунибское поселение..., с. 155, рис. 55, 1, 4, 5, 7, 11; с. 177, 178, рис. 59, 5, 7; 62, 8, 26.

³⁴ Атаев Д. М., Погребова М. Н. Поселение эпохи бронзы..., с. 32, рис. 7, 1—4.

³⁵ Гаджиев М. Г. Из истории культуры..., с. 125, рис. 4, 1—4, 6.

³⁶ Марковин В. И. Новый памятник..., с. 111, 112, рис. 14, 1; 33.

³⁷ Там же, рис. 13, 1, 3; 23, 1; 33.

³⁸ Костюченко И. П. Раскопки Миатлинского курганного поля в 1955 г.— В кн.: МАД, 1959, т. I, с. 90, табл. 1, 11; Гаджиев М. Г. и др. Альбом к отчету об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1965 г.— Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 3, д. № 227а, рис. 38, 2, 4.

³⁹ Костюченко И. П. Раскопки Миатлинского..., рис. 19, 1, 2; Гаджиев М. Г. и др. Альбом к отчету..., рис. 30, 3, 4; 37, 5; 75, 7 и др.

⁴⁰ Марковин В. И. Новый памятник..., с. 112, 113, рис. 7, 3; 16, 2; 19, 4; 24, 4; 27, 17, 21; 32, 3; 33.

⁴¹ Костюченко И. П. Раскопки Миатлинского..., рис. 11, 2.

⁴² Гаджиев М. Г. и др. Альбом к отчету..., рис. 75.

⁴³ Марковин В. И. Новый памятник..., рис. 32, 2, 5; 33.

⁴⁴ Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане (курганная группа у станции Манас).— СА. М., 1956, вып. 26, рис. 10, 6.

⁴⁵ Материалы раскопок 1983 г.

⁴⁶ Николаева Н. А., Сафронов В. А. Курганный могильник у с. Дзуарикау.— В кн.: Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980, рис. 7, 6, 8; Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х. Основные итоги раскопок курганов эпохи бронзы у селений Чегем I и Чегем II в 1973 г.— В кн.: Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1980, вып. I, с. 17, рис. 5, 2.

⁴⁷ Марковин В. И. Новый памятник..., с. 119—121; Котович В. М. Верхнегунибское поселение..., с. 203—207; Гаджиев М. Г. Из истории культуры..., с. 132, 133.

⁴⁸ Марковин В. И. Новый памятник..., с. 124, рис. 1, 1; 15, 5; 17, 2; 21, 2; 23, 6; Марковин В. И., Мужухоев М. Б. Некоторые итоги изучения..., рис. 1, 2.

⁴⁹ Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.).— МИА, 1960, № 93, с. 95, 96; Техов В. Б. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М.: Наука, 1977, с. 36, 37.

⁵⁰ Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа (V—III тыс. до н. э.). Л.: Наука, 1970, с. 127, 128; Гаджиев М. Г. Из истории культуры..., с. 138.

⁵¹ Деген Б. Е. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика.— МИА, 1941, № 3, с. 249, рис. 34, 5; Гаджиев М. Г. Из истории культуры..., с. 137, рис. 27, 8; Ошаев М. Х. Могильник эпохи бронзы у селения Дай.— В кн.: Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1982, рис. 1, 11.

- ⁵² Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры..., с. 127, рис. 43, 2, 4, 11.
- ⁵³ Марковин В. И. Культуры племен..., рис. 27, 3; *Он же*. Новый памятник..., с. 124; *Он же*. Археологические находки с территории Тарнаир (Дагестан).— КСИИМК, 1957, вып. 67, с. 122, 123, рис. 51, 3.
- ⁵⁴ Деген Б. Е. Курганы в Кабардинском парке..., с. 249, табл. X, 2; *Марковин В. И.* Новый памятник..., рис. 21, 2.
- ⁵⁵ Крупнов Е. И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода.— МИА, 1951, № 23, с. 56—59; *Техов Б. В.* Центральный Кавказ..., с. 35—37.
- ⁵⁶ Claude F. A. Schaeffer. Stratigraphie Comparée et chronologie de L'Asie Occidentale (III-e et II-e mil.). L., 1948, p. 324, fig. 195, 22, 28; p. 486, 488, fig. 267, a.
- ⁵⁷ Гаджиев М. Г. Из истории культуры..., с. 142, рис. 20, 11, 12; 22, 39; *Мунчаев Р. М.* Археологические исследования..., с. 81, рис. 11, 8; *Марковин В. И.* Новый памятник..., с. 125, рис. 1, 9; 5, 9; 23, 2, 3; *Он же*. Склепы эпохи бронзы у селения Эгикал в Чечено-Ингушетии.— СА, 1970, № 4, рис. 1, 10.
- ⁵⁸ Деген Б. Е. Курганы в Кабардинском парке..., с. 263; рис. 35, 3; *Николаева Н. А.*, *Сафронов В. А.* Курганный могильник..., рис. 7, 2, 3; 10, 13 и др.; *Бетров Р. Ж.*, *Нагоев А. Х.* Основные итоги раскопок..., рис. 7, 14.
- ⁵⁹ Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры..., с. 127, рис. 43, 23, 24.
- ⁶⁰ Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане (курганная группа у ст. Манас).— СА, 1956, вып. 26, с. 200, рис. 3а, 15; 15, 16, 20; *Федоров Г. С.* Еще одна манасская катакомба.— В кн.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977, с. 23, табл. 1, 8.
- ⁶¹ Гаджиев М. Г., Маммаев М. М. Исследования Прикаспийской экспедиции.— В кн.: АО—1977 г. М.: Наука, 1978, с. 113; *Гаджиев М. Г.* Поселения горного Дагестана..., с. 20; рис. 9, 11; *Мунчаев Р. М.*, *Смирнов К. Ф.* Археологические памятники близ села Карабудахкент.— МИА, 1958, № 68, с. 151, рис. 7, 4.
- ⁶² Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, с. 68, табл. 3, 3.
- ⁶³ Кухаренко Ю. В. Археология Польши. М.: Наука, 1969, табл. VIII, 11, табл. XVIII, 10.
- ⁶⁴ Свешников И. К. Памятники почапского типа в верховьях Западного Буга.— В кн.: Slovenska arheologia, 1973, XXI—I, с. 20, рис. 4, 6.
- ⁶⁵ Артеменко И. И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967, с. 35, рис. 22, 1, 2.
- ⁶⁶ Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972, с. 162, 163; рис. 53, 12, 13.
- ⁶⁷ Бадер О. Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970, рис. 14, 2.
- ⁶⁸ Артеменко И. И. Племена Верхнего..., с. 35.
- ⁶⁹ Мунчаев Р. М. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии.— СА, 1962, № 3, с. 186, рис. 2, 4.
- ⁷⁰ Гаджиев М. Г. Из истории культуры..., с. 144, 145, рис. 10, 4; 22, 37, 38; 27, 5.
- ⁷¹ Гаджиев М. Г., Магомедов Р. Г. Новые материалы по погребальному обряду эпохи бронзы Дагестана.— В кн.: Тез. докл. научной сессии, посвященной итогам экспед. исследований ИИЯЛ в 1982—1983 гг. Махачкала, 1984, с. 3.

72 *Рашишвили А.* Археологические раскопки в с. Цагвли (предварительный отчет).— В кн.: Полевые археологические исследования в 1977 г.: (краткие сообщения). Тбилиси: Мецниереба, 1980, с. 66, табл. **XL**, 5.

73 *Жоржикашвили Л., Гогодзе Э.* Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы: Каталог триалетских материалов. II, Тбилиси: Мецниереба, 1974, с. 12, 56, табл. **45**, 329.

74 *Tocik A.* Die Nitra-Gruppe.— *Archeologické rozhledy*, Praha: Academia, 15, 1963, рис. **241**, 4; **242—245**.

75 *Gimbutas M.* Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. P.; L., 1965.

76 *Кухаренко А. В.* Археология Польши, табл. **XVI**, 5; **XVII**, 3.

77 *Свешников И. К.* Памятники почапского типа..., с. 21, рис. **4**, 17.

78 *Гадзяцкая О. С.* Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-горьковская группа.— САИ. М.: Наука, 1976, В1—21, с. 68—70, табл. **XXXII**, 5.

79 *Claude F. A. Schaeffer.* Stratigraphie Comparée..., p. 224, fig. 165, 3; tabl. VI.

80 *Марковин В. И.* Культура племен..., с. 13, рис. **9**, 11; с. 44, 45, табл. **13**, 53, 58; с. 97; *Бетровов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек (1-я и 3-я группы).— В кн.: Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. Нальчик: Эльбрус, 1984, т. I, с. 76, 77.

81 *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры..., с. 146, рис. **22**, 31; *Марковин В. И.* Новый памятник..., с. 126, рис. **1**, 2—5 и др.

82 *Марковин В. И.* Новый памятник..., с. 126, рис. **20**, 4; **30**, 3.

83 *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры..., с. 146, рис. **18**, 15, 22, 27.

84 *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, табл. **XCVI**; *Джанаридзе О. М.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1969, с. 262, табл. **XIX**; *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978, с. 131, рис. **44**, 66—69.

85 *Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М.* Утамышские курганы, с. 48, рис. **5**, 9, 13.

86 *Марковин В. И.* Новый памятник..., с. 126, рис. **27**, 12.

87 *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры..., с. 146.

88 *Костюченко И. П.* Раскопки Миатлинского..., табл. **I**, 10; **II**, 16, 17; рис. **9**, **1**, 2.

89 *Марковин В. И.* Новый памятник..., рис. **30**, 22; *Ошаев М. Х.* Могильник эпохи бронзы..., рис. **1**, 13.

90 *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье..., рис. **26**, 13; *Они же.* Суворовский курганный могильник. Киев: Наукова думка, 1979, рис. **6**, 13.

91 *Марковин В. И.* Новый памятник..., с. 129, 130; *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры..., с. 146—149.

92 *Пиотровский Б. Б.* Кармир-блур, Ереван, 1960, т. I, с. 20; *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа..., с. 99; *Котович В. М.* Верхнегунисское поселение..., с. 128, 129; *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры..., с. 136.

93 *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры..., с. 18, 28; *Он же.* Могильник Галгалатли..., с. 14.

94 *Марковин В. И.* Новый памятник..., с. 133.

95 *Кухаренко А. В.* Археология Польши, с. 63, табл. **3**; **XVI**, 5; **XVII**, 3.

96 *Котович В. Г.* Проблемы культурно-исторического..., с. 117.

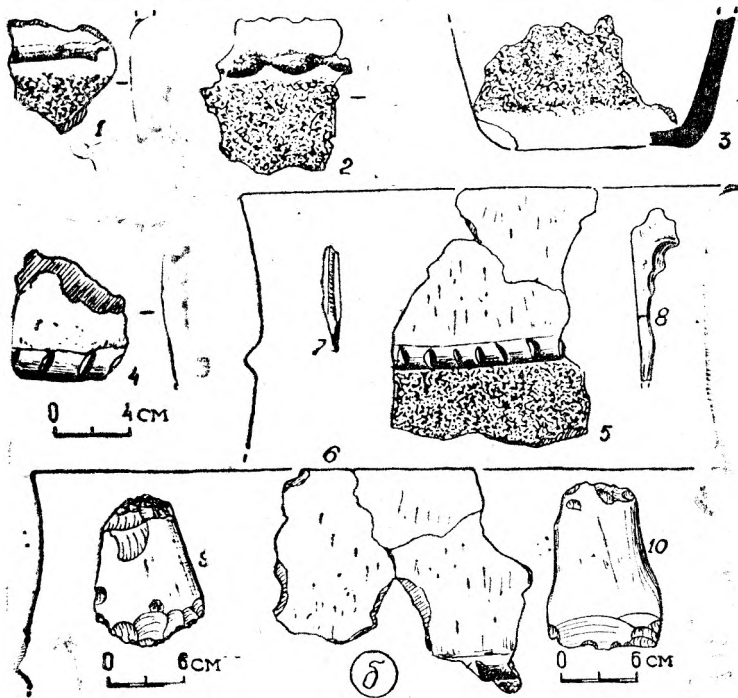
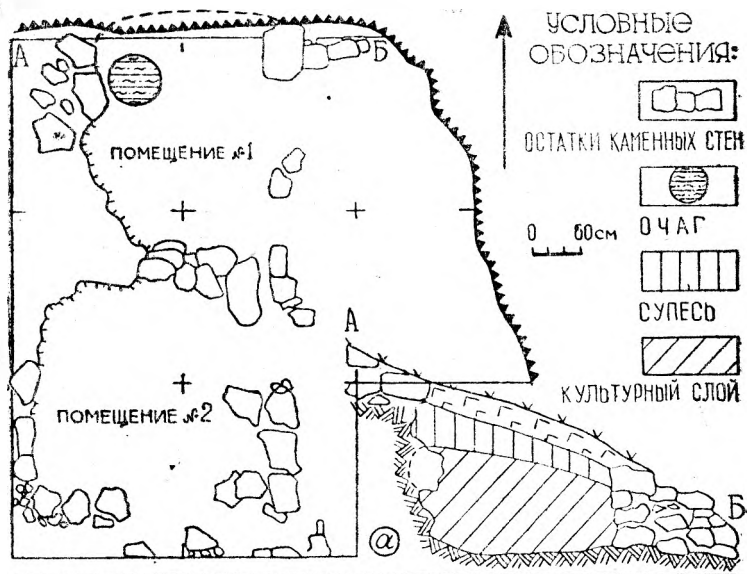

Рис. 1. Поселение Галгалатли II. а) План раскопа и профиль северной стены помещения № 1; б) 1—6 — керамика, 7—8 — кость, 9—10 — камень.

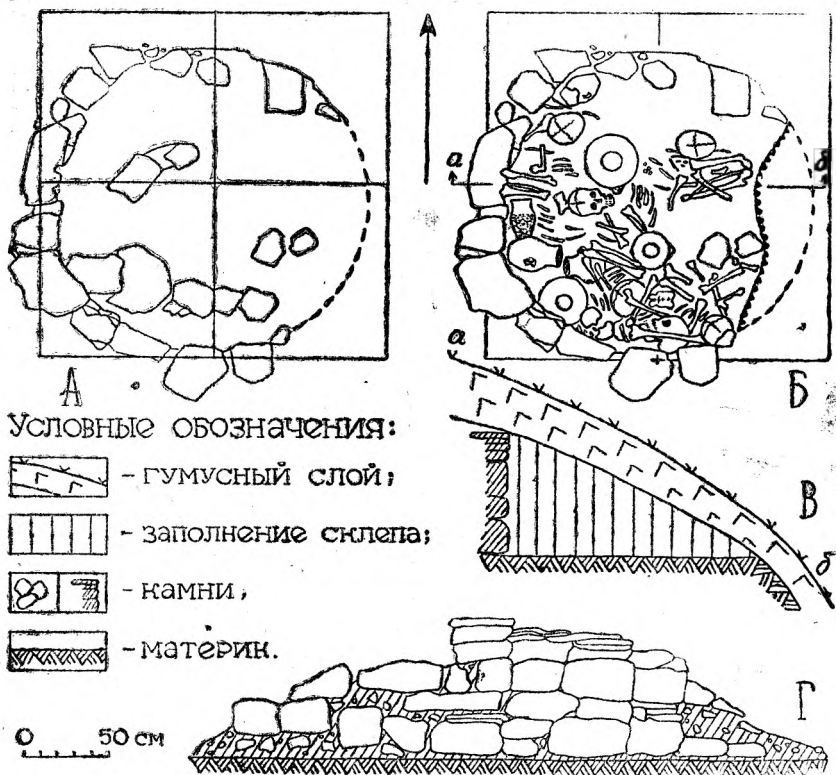

Рис. 2. Могильник Галгалатли. Склеп № 1. А, Б — планы склепа, В — профиль разреза склепа, Г — развертка стены склепа.

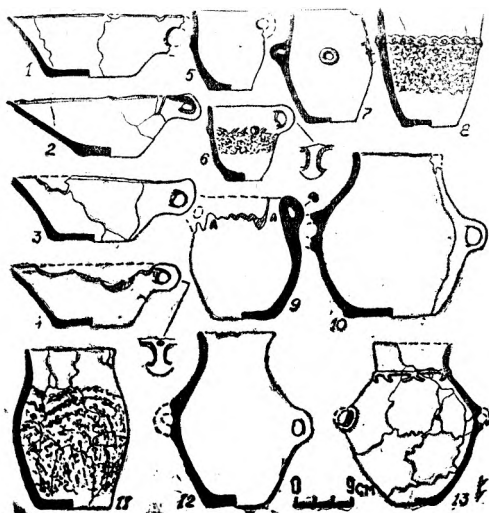

Рис. 3. Могильник Галгалатли. Склеп № 1. Керамика.

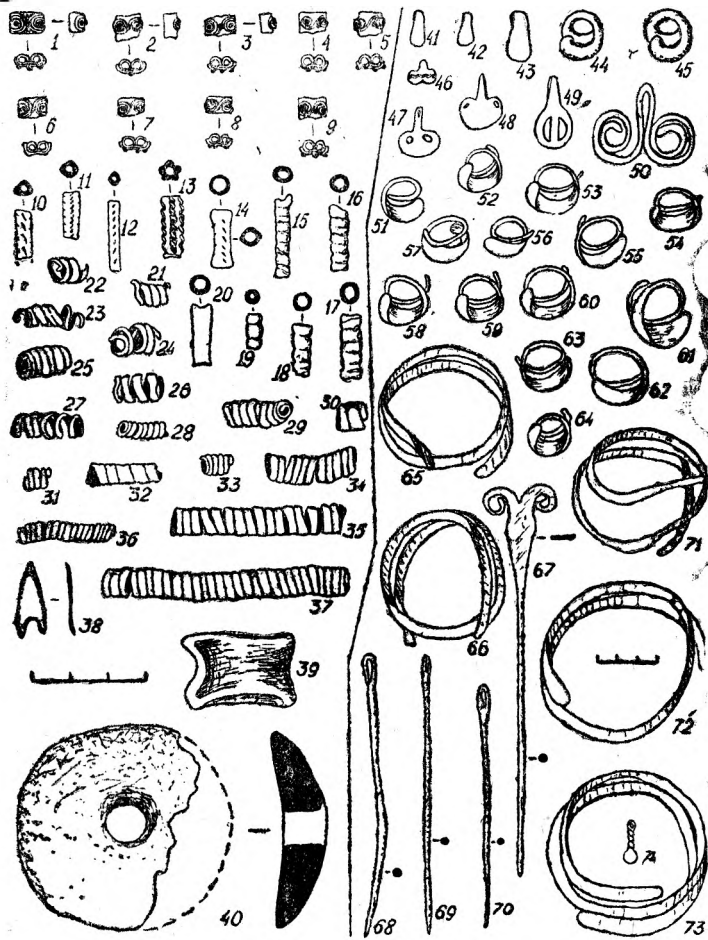

Рис. 4. Могильник Галгалатли. Склеп № 1. 1—37, 41—74 — бронза, 38 — кремьень, 39, 40 — кость.

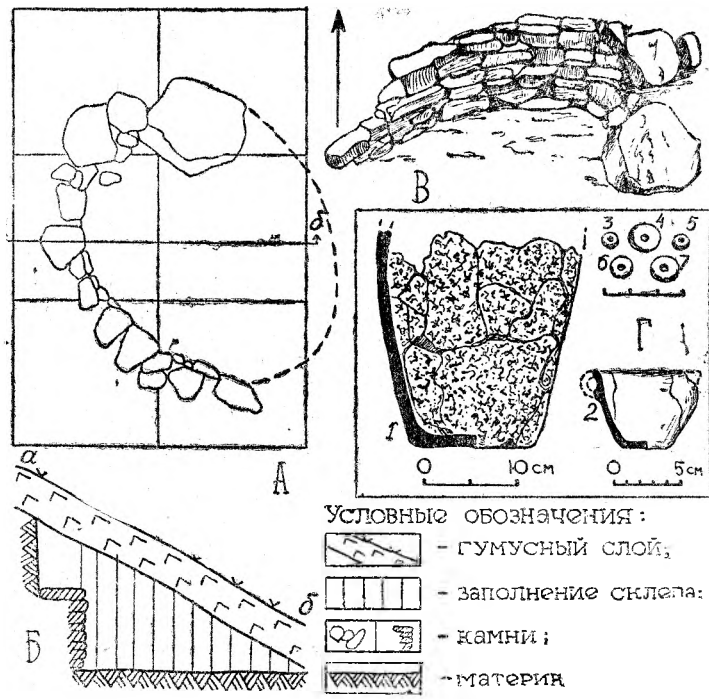

Рис. 5. Могильник Галгалатли. Склеп № 2.
 А — план склепа; Б — профиль разреза склепа; В — вид стены склепа; Г — 1,2 — керамика, 3—7 — раковины моллюсков.

ПОСЕЛЕНИЕ АЧИСУ

В приморской части Дагестана, на одном из многочисленных останцев морской террасы, перерезанной руслами маловодной речушки Ачинки и ее сухих рукавов, в 2 км к югу от рабочего поселка Ачису и в 700 м к юго-востоку от скотоводческой фермы, при проведении линии газопровода было найдено древнее поселение. В его окрестностях расположены просторные пастбища, а вблизи — передовые складчатые хребты, покрытые дубовыми и буковыми лесами. Этот хребет, как и морская терраса, разорван руслом речушки Ачинки. В древности речка, видимо, была более полноводной, а леса располагались ближе к морю, кромка воды которого в настоящее время расположена в 7 км к востоку. Останцы, сосредоточенные вдоль левого берега речки, образованы в результате активной деятельности водной системы. Почти на всех этих останцах встречены остатки материальной культуры от эпохи ранней бронзы до раннего средневековья. Наш останец ограничен со всех сторон крутыми и довольно высокими склонами, вытянут с севера на юг. Общая площадь поселения около (210×160) 33 600 кв. м. Каких-либо следов искусственного укрепления здесь не встречено.

Раскопки этого поселения произведены в 1981 году усилиями третьего отряда Новостроечной археологической экспедиции Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР¹. Начало этих раскопок было обусловлено строительством магистрального газопровода Казимагомед-Моздок. Еще задолго до начала наших работ строители провели по долине поселения траншею для труб газопровода, уничтожив при этом культурный слой на площади 400 кв. м (2×200). Нам необходимо было изучить узкую полосу охраняемой зоны, примыкающую к траншее. Соответственно первый раскоп был растянут вдоль траншеи на 36 м, второй — на 10 м.

На первом раскопе (6—8×36 м) на площади 236 кв. м (рис. 1) выявлены разнообразные строительные остатки и многочисленные ямы (от подпорных столбов и мусорные). Толщина культурного слоя местами доходила до 2,7 м.

В северо-восточной части раскопа (рис. 1; кв. Б-1) с самой древней дневной поверхности до глубины 0,74 м от 0 найден завал камней и лишь после его разбора встречен небольшой отрезок кладки из камней, уложенных в два яруса, в один ряд без связывающего раствора. Этот завал и отрезок стены представляют собой остатки какого-то сооружения, уничтоженного при более поздней деятельности человека. Здесь были найдены миниатюрная «рубленая» сердоликовая бусина боченковидной формы (высота — 2,5 мм, диаметр изделия — 4,5 мм, отверстия — 1 мм — рис. 5, 8), костяная проколка (длина — 69 мм —

рис. 8, 15), три костяные короткоцилиндрические трубочки (длина одной — 20 мм, диаметр — 43 мм, отверстия — 28—30 мм, длина второй — 65 мм, диаметр — 38—45 мм, отверстия — 36—40 мм, третьей — 70 мм — рис. 5, 20), обломок бронзовой поделки, небольшой черешковый костяной наконечник стрелы типа «плошник», заготовка такого же наконечника стрелы из рога оленя (длиной 70 мм — рис. 8, 14), обломок костяного наконечника копья с ромбовидным в сечении пером (№ 224).

Выявленная здесь керамика представлена обмазанными, заглаженными и серыми лощеными образцами. Среди 57 обломков обмазанной керамики наиболее выразительными были верхние части баночных сосудов с загнутыми внутрь венчиками (рис. 6, 5, 18) и таких же баночных сосудов с отогнутым венчиком. Из 25 обломков заглаженной керамики определению формы поддаются обломки вытянутого горшка с округлым туловом, короткой шейкой и отогнутым венчиком (рис. 7, 3); корчаговидного сосуда с заштрихованной наружной поверхностью; горшка со вздутым туловом, короткой шейкой и отогнутым венчиком (рис. 6, 1). Из 69 обломков серой лощеной тонкостенной керамики выразительны обломки венчика сосуда с отверстием в основании шейки, небольшого баночного сосуда, дна и придонного тулова сосуда, вылепленного на быстровращающемся круге (рис. 6, 18, 7, 3).

При последующем углублении в северной части раскопа выявлены остатки жилых сооружений (рис. 1). Для их возведения использованы своеобразные строительные приемы. Так, для жилища № 1, например, в материковом грунте выкопан четырехугольный в плане котлован с несколько скошенными стенками, облицованными кладкой камней в один ряд, уложенных на основание из плоских крупных, установленных на бока камней. Такая облицовка сохранилась лучше у западной стенки и хуже — у северной и южной. В восточной части жилища стенки целиком уничтожены более поздними строениями. По центру длинной стороны помещения выявлен ряд из 7 ямок подпорных столбов. От западной стенки до этой колоннады 3—3,25 м. Следовательно, ширина помещения была 6—7 м, длина — 9,4 м. Следы лаза в помещение не выявлены. Пол (гл. — 2,71 м от 0) глинобитный.

У западной стенки этого помещения выявлены остатки неоднократно отремонтированного очага (кв. 0—II). Остатки двух других простых открытых очагов найдены в северной половине помещения (кв. Т-Н-II). Здесь же — небольшое глинобитное сооружение, напоминающее корыто (кв. А, 0—II) и около него — зернотерки. Видимо, оно предназначено для накопления и сбора протертого зерна. Вдоль западной облицованной стенки жилища имеются ямки от подпорных столбов. Порою они перекрывают друг друга. В южной части этого помещения (кв. Б-III-IV) выявлены отрезки стен, относящихся к различным этапам строительной деятельности в пределах этого помещения. В этой же южной части жилища (кв. А-0-III-IV) обнаружены следы жилища, от стен которых сохранилось основание угловой части (рис. 1). В восточной части жилища (кв. Н-IV) найдены стены еще одного помеще-

ния (№ 3) с глинобитным полом, уходящим под восточную стенку раскопа. Это помещение перерезает пол вышеописанного помещения № 1. Чуть южнее (кв. А-IV) найдены остатки еще одного жилища (№ 4), небольшой угол которого попал в пределы нашего раскопа. Котлован этого жилища был выкопан в заполнении основного жилища (№ 1). Стенки котлована также были облицованы каменной кладкой, сохранившейся в высоту до 70 см. Глинобитный пол к этой облицовке примыкал с южной стороны. На полу сохранилась зола и красноватая прокалина от огня очага, расположенного к востоку, под стенкой раскопа.

В заполнении основного помещения и помещений № 2—4 найдены два астрагала с отверстиями, заготовка пряслица из эпифиза берцовой кости животного (рис. 4, 22), проколки, костяной наконечник стрелы типа «площика» (рис. 5, 12), каменные ядра, кремневые вкладыши серпов, точильные бруски (рис. 4, 16), бронзовая заготовка иглы, обломки обмазанных, заглаженных и тонкостенных лощеных серых сосудов. Из 115 обломков обмазанной керамики выразительны обломки баночных сосудов с прямым, загнутым внутрь (рис. 7, 8) и отклоненным наружу венчиком (рис. 7, 16; 7, 22); из 4 обломков заглаженной керамики — обломки сосуда с грушевидным туловом, короткой шейкой и отогнутым венчиком, украшенного по наружной поверхности резным геометрическим орнаментом; тонкостенного горшка; баночного сосуда с прямым венчиком (рис. 6, 14); горшка со вздутым туловом, короткой шейкой и отогнутым венчиком, украшенным по основанию шейки резным волнистым орнаментом (рис. 6, 6); из 9 обломков серой лощеной керамики — обломки горшка, сосудов с геометрическим орнаментом на наружной поверхности; сосуда, вылепленного на быстровращающемся круге. У очага, примыкавшего к западной стенке жилища № 1, найдены обломки обмазанных и несколько обломков коричневатых заглаженных сосудов. Из ямок для подпорных столбов происходят: костяная проколка (рис. 8, 11), костяной черешковый наконечник стрелы типа «площик» (рис. 5, 2). Кроме того, из помещения № 4 происходят обломки лепной, обмазанной, заглаженной и серой лощеной керамики, а также кости животных.

Раскопки к югу от вышеописанных жилых комплексов на площади 22 кв. м выявили целую серию мусорных ям, начинающихся с глубины —1,33—1,96 м от 0. Эта поверхность достаточно хорошо утрамбована и, видимо, служила для хозяйственных целей. Как правило, эти ямы имели колоколовидные формы, но разные размеры. Так, яма 1 имела диаметр отверстия 1,6—1,7 м и глубину 0,9—1,11 м (дно ямы обмазано и одна из стенок обложена кладкой из камней); яма 3 — диаметр отверстия 1,08 (1,12) м при глубине 1,71 м; яма 4 — диаметр отверстия 0,84—0,88 (1,04) м при глубине 1,73 м; яма 5 — диаметр отверстия 1,5—1,82 м и глубину 1,47 м. Выявлены здесь и три ямы, перекрывающие друг друга. Все они заполнены золой и золистой землей. В них встречены обломки керамики, куски печной обмазки, кости животных и другие бытовые отходы.

В слое толщиной 0,88—1,3 м, перекрывавшем мусорные ямы, найдены два костяных черешковых наконечника стрелы типа «плошников» (рис. 5, 3, 4), астрагалы, кремневые вкладыши серпов, ядра, обломки обмазанных, заглаженных и серых лощеных сосудов. Из 200 обломков обмазанной керамики выразительны обломки горшка со вздутым туловом и отогнутым венчиком, горшка со вздутым туловом и прямым венчиком (рис. 7, 1, 13), баночных сосудов с прямым венчиком (рис. 6, 8); из 26 обломков заглаженной керамики несколько экземпляров имели заштрихованную наружную поверхность; из 55 обломков серой лощеной керамики с тонкими стенками выразительны обломки сосуда с цилиндрической шейкой и округлым туловом; кувшина, украшенного резными горизонтальными поясками; горшка с отогнутым венчиком и резным волнистым узором в основании венчика.

Из мусорной ямы 1 происходят амулет в виде просверленной трубчатой кости рыси (рис. 8, 1), ядра и песты из камня, обломки керамики. Из обмазанной керамики значительная доля принадлежала баночным сосудам; из 8 обломков заглаженной керамики наиболее выразительны обломки баночных сосудов с наклоненным внутрь венчиком (рис. 6, 17). Из 7 обломков лощеной керамики некоторые имели красноватый оттенок, возможно, из-за вторичного накаливания. В яме 2 и 2а найдены лишь обломки керамики. Из 16 обломков обмазанной керамики выразительны обломки горшка со вздутым туловом и прямым венчиком (рис. 7, 6, 11), обломок баночного сосуда с прямым венчиком и выступающими боками (рис. 7, 25); из 6 обломков заглаженной керамики — придонные части сосудов. Обломки серой лощеной тонкостенной керамики маловыразительны. В яме 3 найдены: обломок бронзовой поделки, обломки моделей колес и кузова повозок (рис. 7, 27, 29; 8, 12; 16, 8), обломок ступы и обломки керамики. Из 30 обломков обмазанной керамики выразительны обломки баночных сосудов с прямым венчиком, из заглаженной — обломок миниатюрного баночного сосуда с загнутым внутрь венчиком и слегка выступающими боками и обломки со штрихами на наружной поверхности.

Другие бытовые сооружения выявлены южнее территории, занятой мусорными ямами. Для возведения жилища (№ 5) здесь в материковом грунте выкопан четырехугольный в плане котлован, ориентированный сторонами по странам света (размером 12×(?); с западной стороны помещение снесено и сохранилась часть в 2,55—2,75 м (рис. 2). Стенки этого котлована, сделанные с откосом, также были облицованы каменной кладкой из установленных на бока, плоских в основании блоков и сложенных на них в один ряд камней. Местами облицовка сохранилась до 0,7—0,75 см и кладка в 6—7 ярусов. В северо-восточном углу помещения сохранились ямы от подпорных столбов. Пол глинобитный. На каменной облицовке стен жилища сохранились следы огня и дыма. В помещении найден и очаг, конструкцию которого нам так и не удалось установить. Около очага обнаружен скелет мелкого рогатого животного с обгорелыми костями. Видимо, помещение погибло от пожара. В слое, перекрывающем завал помещения 5, и воздвигнутого на его

развалинах хозяйственного сооружения найдены обломок кремневого вкладыша серпа и обломки керамики с обмазанной (154 экз.), заглаженной (10 экз.) и серой лощеной (10 экз.) поверхностью. Наиболее выразительными оказались обломки баночных сосудов с прямыми венчиками (рис. 6, 23; 7, 10). Кроме того, внутри помещения № 5 и в его заполнении найдены проколки из костей лошади и волка (рис. 8, 13), бронзовая поделка, бронзовый плоский топор (рис. 5, 1), обломки обмазанной, заглаженной и тонкостенной серой лощеной керамики, кости животных и куски печной обмазки.

В культурном слое, образованном развалинами этого жилища, позже был выкопан четырехугольный в плане котлован для хозяйственного сооружения. Вдоль стены котлована были установлены опорные столбы, и пространство между ними облицовано каменной кладкой, сохранившейся местами до 95 см, в 6—7 ярусов. С севера на юг стена тянется на 5,83 м, с запада часть ее снесена, и о размерах жилища судить трудно, но сохранилась кладка от облицовки стены на 2,9 м (рис. 2).

К восточной стенке помещения, изнутри, пристроено небольшое возвышение (высота 0,2 м, ширина 0,8—1,0 м, длина 3,62 м) из камней и глины. Сверху оно выложено 8-ю поперечно установленными зернотерками с терочниками на некоторых из них. Между восточной стенкой и возвышением с зернотерками оставлено узкое пространство (0,4—0,63 м), предназначенное для размещения сосудов с молотым зерном. Здесь найдены обломок одного большого баночного сосуда с обмазанной наружной поверхностью (рис. 6, 28). С запада к возвышению примыкали корытообразные углубления, предназначенные для сбора протертого зерна. Помещение специально предназначено для протирания зерна усилиями целого коллектива. В его заполнении найдены: обломок тонкой бронзовой пластинки (рис. 5, 14), сердоликовая «рубленая» бузина (рис. 5, 8), костяной черешковый наконечник стрелы типа «плосчик», обломок роговидной мотыги (рис. 5, 24), обломок пластинчатой кости оленя, астрагалы диких баранов и коз (рис. 8, 7, 4), обломки обмазанной, заглаженной и лощеной тонкостенной керамики, а также костей животных.

Этим и завершаются остатки строений, выявленных на первом раскопе. На втором раскопе (рис. 3), заложенном на северной окраине поселения и примыкающем к траншее газопровода с западной стороны на глубине 0,78—0,99 м, выявлены остатки каменной облицовки стен жилища и около них — узкая полоса глинобитного пола, а также остатки примыкающей к стене двухкамерной печи. Обе камеры располагались в одной плоскости. Одна из них, обжигательная, представляла собой обмазанную поверх гравийной подсыпки глиной жаровню типа сковороды, диаметром 50—60 см, другая — была заполнена золой. Видимо, обе камеры были соединены между собой жаропроводящим проемом.

Из этого помещения происходят обломки керамики и костей животных, кремневые вкладыши серпов, куски печной обмазки, разнооб-

разные костяные поделки (проколка — рис. 5, 19, обломок изделия — рис. 5, 21), астрагалы, обломки бронзовой иглы (рис. 5, 6).

В северной части раскопа на глубине — 1,4—1,65 м от 0 встречен отрезок однорядной кладки от облицовки стенок котлована, выкопанного в культурном слое, образованном развалинами более ранних сооружений. Эта кладка сохранилась в высоту до 1,32 м. К ней с юга примыкает глинобитный пол. Внутри помещения встречены три очага, один — около мусорной ямы (рис. 3).

В заполнении этого помещения найдены обломок кремневого ретушера (рис. 4, 12), кремневое ядро, кремневый вкладыш составного серпа, точильный брусок, обломок остова рога, трубчатая кость с поперечной насечкой (рис. 5, 17), костяная заготовка пряслица (рис. 4, 22), обломок цилиндрического глиняного стержня, обломки обмазанной (рис. 7, 22, 23; 6, 20; 7, 6; 6, 5), заглаженной (рис. 6, 13) и серой лощеной тонкостенной (11 экз.) керамики, в том числе обломок витой ручки.

На полу этого помещения выявлены 8 колоколовидных мусорных ям (диаметр отверстия ямы 1—1,5 м, дна — 1,6 м при глубине 1,04 м; диаметр отверстия ямы 2—1,6 м и дна — 1,75 м при глубине 1,6 м). В ямах имеется золистое заполнение с костями животных и обломками керамики. Кроме того, в яме 1 встречены поделки из трубчатой кости животного, обломки обмазанных и серых лощеных тонкостенных сосудов, во второй яме — два костяных черешковых наконечника стрел типа «площики» (рис. 5, 5, 10), обломки разнообразных баночных сосудов с обмазанной поверхностью (41 экз.), лощеных тонкостенных сосудов (40 экз.) и один миниатюрный баночный сосуд (рис. 7, 12), и в третьей — обломки обмазанной, заглаженной и лощеной керамики, в пятой — отполированная трубчатая кость (рис. 5, 25), заготовка какой-то поделки из рога оленя (рис. 5, 22), обломки обмазанной и заглаженной керамики, в восьмой — костяной черешковый, с двумя шипами, наконечник стрелы типа «площик» (рис. 5, 13), такой же наконечник с отломанным черешком (рис. 5, 11) и два мергелевых песта с плечиками (рис. 7, 30, 8, 10).

В слое, перекрывавшем эти оба помещения (выше уровня 0,33—0,65 м от 0), найдены несколько кремневых вкладышей составных серпов (рис. 4, 12), два кремневых ядра, костяной роговидный псалий с тремя отверстиями в одной плоскости (двумя мелкими круглыми по краям и одним овальным в середине — рис. 5, 13), обломки обмазанной (255 экз. — рис. 6, 12; 7, 7; 6, 21, 13, 22; 7, 19, 3), заглаженной и серой лощеной тонкостенной (30 экз.) керамики (7 экз. — рис. 6, 1, 2), в том числе обломок венчика кувшина с ручкой, соединяющей венчик с туловом (№ 179). Каких-либо резких отличий в культурном облике напластований нет. Очевидно, нет и существенных хронологических различий.

Все находки из культурных слоев первого раскопа близки к находкам из культурных слоев второго. То же самое следует сказать и о самих помещениях. Так, жилище № 1 первого раскопа, как уже говорилось, возведено в специально выкопанном для этого материковом грунте

кстлована, размером $9,4 \times 6 - 7$ м, его стенки, оформленные с наклоном, облицованы каменной кладкой, сложенной насуху в один ряд, с крупными камнями в основании. Жилища № 2—4 возведены в котловане, выкопанном в культурном слое, образованном от завала жилища № 1. Жилище № 5, как и жилище № 1, возведено в материковом котловане, а хозяйственное сооружение с зернотерками — в котловане, выкопанном в культурном слое, оставшемся от разрушения жилища № 5. Аналогичные жилые сооружения встречены в Дагестане и на более ранних памятниках. Так, на Джемикентском поселении III тысячелетия до н. э. выявлены жилые сооружения в виде двух соединенных между собой четырехугольных камер с облицованными каменной кладкой стенами². Грунтовые стены облицованы: у круглоплановых жилищ поселения III тысячелетия до н. э. Галгалатли I и четырехугольных, с округлыми углами, жилищ поселения II тысячелетия до н. э. Галгалатли II³. На памятниках Дагестана второй половины II—начала I тысячелетия до н. э. жилые сооружения, аналогичные ачисуйским, пока не выявлены. Более того, интерьер ранних жилищ иной, чем на поселении Ачису. За пределами Дагестана они встречены в Азербайджане (поселения: Ханларское II, Мингечаурское, Уч-тепе)⁴ на памятниках средней и поздней бронзы, а также на кобяковских поселениях X—начала VIII вв. до н. э. Подонья. Причем, эти кобяковские жилища, как и на поселении Ачису, возведены в специально выкопанных в материке или в культурном слое поселений, котлованах: их площадь колеблется от 50 до 100 кв. м, наклонно сделанные грунтовые стены облицованы каменной кладкой, сложенной насуху, в один ряд с более крупными камнями, вертикально установленными в основании. По центру помещения, вдоль длинной стороны, имеются отверстия от столбов деревянной колоннады⁵. Как видно эти жилища до деталей сходятся с жилищами из Ачису. В 1981 г. одно жилище ачисуйского типа выявлено М. П. Абрамовой в Кабардино-Балкарии, под слоем могильника Чми. Стены этого жилища и его интерьер аналогичны вышеописанным сооружениям Дагестана, Азербайджана и Подонья конца II—начала I тысячелетия до н. э. Обломок грубой лепной керамики, найденный на Чмийском поселении, видимо, также относится к концу II—началу I тысячелетия до н. э.⁶ Отдельные конструктивные элементы жилых сооружений ачисуйского типа встречаются и на памятниках Чечено-Ингушетии (Сержень-Юрт, Алхаста и др.)⁷. При картографировании памятников с подобными жилищами на территории Восточного Кавказа получается линия, связывающая территорию Азербайджана и Дагестана с Подоньем. Причем наиболее ранние памятники располагаются на юге, поздние на севере.

На этих и сопредельных памятниках встречаются предметы материальной культуры аналогичные тем, что найдены на поселении Ачису. В этом отношении интересны из орудий труда песты с плечиками из речных гольшей. На поселении Ачису их найдено два. Оба они имеют округлые заостренные рабочие концы и подчетыреугольные (с плечиками) утяжеленные рукоятки (размеры первого $21 \times 9,8 - 8,2$ см, при высоте плечиков $8,3 - 9,3$ см и диаметре нижней округлой части 5 см;

второго — $19,0 \times 6,2 - 7,4$ см, при диаметре нижней части $3,4 - 5$ см, рис. 7, 30; 8, 10). Аналогичные песты-курранты найдены на Серженьюртовском поселении (12 экз.) и могильнике (1 экз.), на Алхастинском (1 экз.), Бамутском (1 экз.) поселениях, на могильнике Курчалой и в окрестностях сел. Галиат Северного Кавказа⁸, на кобяковских памятниках Подонья (6 экз.)⁹, а также на памятниках Мингечаура Азербайджана¹⁰. Такие же песты встречены на памятниках Украины и на металлургических центрах Казахстана эпохи бронзы (Джезказган)¹¹.

Костяные кирки, кольца, проколки и другие изделия, встреченные на поселении Ачису, характерны для многих культур эпохи поздней бронзы, особенно культур Юго-Восточной Европы¹². Их много и на более ранних памятниках¹³. Значительно интереснее для освещения направления контактов кавказских земледельцев со степными племенами длинночерешковые костяные наконечники стрел с опущенными жалами, с подтреугольными вытянуто-ромбовидными в сечении, типа «площиков», перьями. Они на поселении Ачису представлены разнообразными, в том числе с одним или двумя шипами или вовсе без них (рис. 5, 2—5, 10—13). Наибольшее количество их встречается на территории Северо-Восточного Кавказа конца II—начала I тысячелетия до н. э. Так, в Чечено-Ингушетии на Серженьюртовском поселении их найдено 14 экз., на Зандакском могильнике — около 6, на Алеройском — 4, на Змейском поселении Северной Осетии, на могильнике Биахни-куп. у сел. Чми (Кабардино-Балкария) — по 1 экз.¹⁴, а на кобяковских поселениях Подонья — 2 экз.¹⁵ Количество их на памятниках тем меньше, чем севернее они расположены. Очевидно, очаг их производства был расположен на Северо-Восточном Кавказе. Датируются они концом II тысячелетия—VIII—VII вв. до н. э.¹⁶

Роговидный псалий с тремя отверстиями на одной плоскости (одним овальным в центре и двумя мелкими по краям — длина псалия — 138 мм, диаметр крайних отверстий — 6 мм, размер центрального отверстия — 7×14 мм, диаметр толстого конца — 24 мм) был по наружной поверхности украшен геометрическим орнаментом (рис. 5, 23). Аналогичные псалии происходят из Шахсенгерского могильника и Хосрехского святилища Дагестана¹⁷ и Зандакского могильника Чечни¹⁸. Они распространены на обширной территории Евразии (тип 5 по К. Ф. Смирнову)¹⁹. Особенно близки наши псалии к известным восточноевропейским псалиям XI—IX вв. до н. э.²⁰ Мы и раньше высказывали мысль о степном происхождении этих дагестанских псалий²¹.

Значительный интерес представляет бронзовый плоский топор (рис. 5, 1) с боковыми выступами на обушной части (высота — 15 см, ширина лезвия — 6,8 см, ширина обуха — 2,4 см, размах выступов — 6 см). Аналогичные топоры встречаются на обширной территории Евразии от Италии до Восточного Ирана и даже в Индии. Найдены они и на памятниках гальштатской культуры и даже в Англии²². Много их в Закавказье²³. На Северном Кавказе к настоящему времени их накопилось около двух десятков²⁴. В Дагестане это первая находка. Р. Гейне-Гельдер считал, что эти топоры впервые появились в Сирии

и оттуда проникли в Европу, Малую Азию и Грузию. Б. А. Куфтин считал их прародиной Северную и Центральную Анатолию. Б. В. Техов придерживается этой же точки зрения²⁵. По Е. И. Крупнову, плоские топоры с боковыми ушками появились на Древнем Востоке, оттуда они проникли в Восточную Европу через Кавказ, на юг Европы — через Средиземное море, в Приаралье — через Среднюю Азию. Они датируются XII—VII вв. до н. э., однако наибольшее распространение получают во времена киммерийского продвижения²⁶.

Керамика поселения Ачису представлена обмазанными, заглаженными лепными и серыми тонкостенными лошеными изделиями.

Как правило, в глину толстостенных обмазанных сосудов добавлен кварцевый песок грубого помола. Черепок в изломе рыхлый, рассчитанный на резкие температурные колебания. Эта керамика представлена следующими типами:

1. Горшками с отогнутым венчиком и выступающими боками (рис. 6, 4, 24; 7, 3), соответствующими сосудам второго типа по классификации В. И. Марковина²⁷. Один такой сосуд (рис. 6, 4) имел обмазанную косыми мазками поверхность (диаметр венчика — 27,5 см, шейки — 25,2 см, тулова — около 33,4 см); у другого (рис. 6, 24) — основание венчика украшено налепным валиком с пальцевыми защипами, ниже валика идет обмазка поверхности (диаметр венчика — 29 см); третий сосуд (рис. 7, 3) имел, как и первый, обмазанную наружную поверхность (диаметр венчика — 20 см, шейки — 18,4 см, тулова — 24,5 см).

2. Баночными сосудами с выступающими боками, прямым, отогнутым или загнутым внутрь венчиком (рис. 6, 5, 12, 12а, 14—20, 22, 23, 25; 7, 2, 6—8, 10—13, 19, 21—23, 25, 26), соответствующими сосудам третьего, пятого и шестого типов по классификации В. И. Марковина²⁸.

Заглаженные изделия вылеплены из глины с примесью кварцевого песка более тонкого помола, чем сосуды с обмазанной поверхностью. Черепок у этих сосудов плотнее, обжиг равномерный. Очевидно, это объясняется назначением сосудов. Эти изделия представлены в основном сосудами с грушевидным туловом, короткой шейкой и отогнутым венчиком, соответствующими первому типу по классификации В. И. Марковина²⁹. На обломках этих сосудов имеется резной геометрический орнамент, напоминающий орнамент каякентских сосудов.

Можно сказать, что на поселении Ачису представлена вся керамика, характерная для памятников каякентско-хорочоевской культуры. В то же время среди обмазанной керамики выделяется сосуд с покатыми плечиками и отогнутым венчиком (рис. 7, 9), аналогичный сосудам из Сержень-юртовского могильника и поселения³⁰, а также из Зандакского могильника³¹. Эти сосуды не характерны для памятников каякентско-хорочоевской культуры и появляются на Северо-Восточном Кавказе в X—VIII вв. до н. э. В. И. Козенкова сближает их с сосудами фрако-иллирийского мира Средней и Юго-Восточной Европы³². Не характерны для каякентско-хорочоевской культуры и заглаженные сосуды с шаровидными туловами и пухлыми венчиками, украшенные по плечикам налепным валиком с косыми насечками (рис. 6, 2). Их на по-

селении Ачису несколько, и они явно импортированы из мугерганского очага производства³³. Несколько особняком стоят два заглаженных горшка со вздутыми туловами, короткой шейкой и отогнутым венчиком (рис. 6, 1, 6). В основании венчика одного из них волнистая линия. Эти сосуды характерны для кобьяковских памятников Подонья³⁴.

Все изделия тонкостенной керамики вылеплены из глины с примесью тонкомолотого кварцевого песка. В основном вся эта керамика серая. Но иногда попадаются обломки с красноватым оттенком. Скорее всего это результат вторичного воздействия огня. Поверхность вылощена. Вся эта керамика фрагментирована и невыразительна. Лишь один обломок кувшина с ручкой, соединяющей тулово с венчиком, может быть восстановлен и сопоставлен с кувшином, выявленным в погребении середины VII в. до н. э. Мугерганского могильника³⁵.

Все эти материалы поселения Ачису, как видно из сравнительного анализа, помещаются в хронологические рамки конца II тысячелетия—VIII в. до н. э. Это и определяет дату поселения. Однако, судя по обломкам серых лощеных кувшинов с ручкой, соединяющей венчик цилиндрической горловины с грушевидным туловом, появившихся не раньше раннескифского времени, верхняя дата может быть доведена до середины VII в. до н. э.

Доминирующими для поселения Ачису являются традиционные местные признаки, генетически связанные с более ранними памятниками Дагестана, но здесь встречаются и признаки привнесенной извне культуры. Так, основные формы лепной толстостенной керамики, каменных орудий (зернотерки, вкладыши составных серпов, костяные проколки и т. д.) типичны для памятников более ранней каякентско-хороцоевской культуры. Жилища, возведенные в специально выкопанных, в материке или в культурном слое ранее разрушенных сооружений, котлованах с облицованными каменной кладкой стенами, характерны для памятников Дагестана и Азербайджана еще с куро-аракского времени. Возможно, они генетически связаны с сооружениями поселения Ачису. Тем более, что они здесь встречаются в эпоху средней бронзы. Это указывает на местный облик поселения Ачису. В конце эпохи бронзы и начале раннего железа они встречаются на территории Северного Кавказа и Подонья, куда они проникли, очевидно, из южных районов. Это предположение подтверждают костяные длинночерешковые наконечники стрел типа «площиков». Очаг их производства располагался, видимо, на Северо-Восточном Кавказе, где встречены их металлические прототипы и литейные формы для их отливки³⁶. Количество костяных «площиков» на памятниках конца II—начала I тысячелетия до н. э. уменьшается по мере продвижения с территории Дагестана на север. За этими явлениями мы вправе усмотреть какие-то сложные исторические и этно-культурные явления, направленные с юга на север. Появление здесь роговидных псалиев степного происхождения, отдельных форм керамических сосудов, большого количества костяных изделий (кольца, проколки и т. д.) свидетельствует об историко-культурных процессах, направленных с севера на юг.

Наиболее интересны материалы поселения Ачису, характеризующие занятие населения. Здесь встречено большое количество кремневых вкладышей составных серпов. Их рабочая часть ретуширована, обратная подправлена. Среди них встречаются вытянуто-подтреугольные концевые. Один такой целый составной серп с кремневыми вкладышами был нами обнаружен на Берикейском могильнике. У этого серпа к пазу деревянной основы с помощью битума были прикреплены кремневые вкладыши³⁷. Полный состав вкладышей такого серпа был выявлен В. И. Марковиным в погребении 23 Зандакского могильника³⁸. Аналогичные вкладыши серпов встречены и на других памятниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II—первой половины I тысячелетия до н. э. (Новолакское, Нижнесигитминское городище, Курчалоевский зольник, Кичи-Гамринский, Берикейский, Шахсенгерский, Ак-ярский могильники)³⁹. Такие же жатвенные орудия выявлены А. М. Лесковым на Кировском поселении и отнесены им к позднеархаичному времени⁴⁰. Один вкладыш с этого поселения имел острые зазубрины на лезвии и, видимо, был предназначен для составной пилы.

Некоторые наши вкладыши также имели зазубрины (рис. 4, 7, 8), способные служить в качестве вкладыша для составных пил. Основная же часть наших вкладышей употреблялась в качестве жатвенных орудий. Широкое употребление бронзы не смогло вытеснить из употребления этих серпов. Видимо, их производительность была достаточно высокой для сбора урожая с террасированных посевных площадей. При этом они свидетельствуют и о достаточно высокой роли земледелия в экономике населения древнего Ачису. Об этом же свидетельствуют выявленные здесь многочисленные зернотерки, особое место их в интерьере жилищ, специальное помещение с выкладкой из зернотерок (рис. 2), предназначенных для протирания зерна усилиями целого коллектива, костяные мотыги (рис. 5, 24), многочисленные тарные сосуды и т. д. Земледелие здесь, как и на остальной территории Дагестана было, видимо, пашенным⁴¹.

Развитие эффективного земледелия в условиях достаточно жаркого климата Приморского Дагестана возможно при орошении. В окрестностях поселения было, по-видимому, достаточно много воды, о чем говорят находки костей водоплавающих птиц. С земледельческим хозяйством было связано и скотоводство, доля крупного рогатого скота которого значительно превалировала над долей мелкого. Из 4287 костей домашних животных крупному скоту принадлежит 53,09%, мелкому — 28,22%. Причем, доля рабочего скота, необходимого для земледелия, также высокая.

Соотношение крупного и мелкого рогатого скота явно указывает на стабильное оседлое хозяйство. Очевидно, с таким хозяйством связана и форма скотоводства. Более того, доля свиноводства — отрасли, тесно связанной с оседлым бытом, — в хозяйстве также была значительной: кости свиней среди костей домашних животных составляют 10,31%. Кроме костей быков, коров, буйволов, овец, коз и свиней, среди костей домашних животных встречены и кости лошадей, ослов собак и кошек.

Находки костей собаки (0,1%) следует воспринимать как свидетельство существования достаточно крупных стад, нуждавшихся в охране и обширных пастбищах. В окрестностях поселения Ачису на сравнительно узкой приморской полосе существуют пастбища, способные обеспечить кормами довольно большое количество скота. Вблизи поселения находятся склоны лесистых гор, используемых и в настоящее время в качестве летних пастбищ. Эти географические условия способны обеспечить оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство, тип которого в этом районе выделил М.-З. О. Османов⁴².

Для районов Закавказья и отчасти Дагестана Ю. И. Мкртумян выделил четыре формы скотоводства. По ним наши материалы и условия соответствуют так называемой отгонной форме (по другой терминологии альпийской), с содержанием скота в селении или поблизости от него в весенне-зимне-осенние периоды и отгоном (за исключением рабочего скота на горные пастбища) за 10—12 км от села, с переселением части населения (преимущественно пастухов, женщин и детей) для содержания скота и ведения молочного хозяйства на летовке. Для этой формы характерна большая доля крупного скота при незначительном количестве мелкого⁴³, что соответствует пропорциям скота в хозяйстве населения Ачису. На поселении не выявлены следы содержания скота рядом с жилищем людей. При такой системе, особенно при летовке, когда необходимо было вести молочное хозяйство усилиями семьи, понятна роль повозок-кибиток, модели которых найдены на поселении Ачису (рис. 7, 27, 28, 29; 8, 8, 12, 16) и реконструированы нами по аналогиям с моделями повозок из Мингечаурского могильника. Об обслуживании хозяйства, содержащего значительные стада, перегоняемые на сезонные пастбища, хотя и расположенные в пределах 10—12 км, свидетельствуют кости транспортных животных — лошадей (7,46%) и ослов (0,72%).

Т а б л и ц а

**Видовое определение остеологического материала поселения Ачису
(определение костей К. Н. Золотовым)**

I. Кости домашних животных

Крупного рогатого скота	— 2276,	Свиней	— 442
в т. ч. буйволов	— 23	Лошадей	— 320
Мелкого рогатого скота	— 1210,	Ослов	— 31
и в т. ч. овец	— 757, коз — 235,	Собак	— 6
	овец-коз — 218	Кошек	— 2

Всего костей домашних животных — 4287

II. Кости диких животных

Муфлона	— 3	Серны	— 66	Рыси	— 2
Дикого барана	— 8	Зубра	— 141	Тура степного	— 5
Олена	— 1240	Шакала	— 1	Куницы	— 1

Дикой козы	— 174	Зайца	— 6	Хорька	— 2
Джейрана	— 38	Лани	— 10	Корсака	— 3
Дикой свиньи	— 21	Мелких жвачных	— 17	Барсука	— 1
Тура	— 192	Крупных жвачных	— 14	Медведя	— 1
Сайгака	— 4	Безоарового козла	— 11	Лисицы	— 1
Косули	— 52	Барса	— 3	Мелк. хищников	— 3

Всего костей диких животных — 2019

Большим подспорьем в обеспечении населения мясными продуктами была охота на оленей, диких коз, туров, зубров, серн, джейранов, косуль, сайгаков и др. Так, из 6349 выразительных, поддающихся определению костей животных 31,8% принадлежит диким животным и 0,68% — птицам, в том числе водоплавающим, и рыбам. Иными словами, на охотничьи промыслы приходится 32,48% всей мясной продукции населения.

Со скотоводством, охотой и земледелием связаны обработка кости и кожи, о которых красноречиво говорят многочисленные проколки, кочедыги, специальные орудия для обработки и обезжиривания кожи, пряслица и их заготовки, псалии и их заготовки и пр. О металлургии свидетельствуют найденные на втором раскопе Ачису песты-куранты, предназначенные для дробления руды, куски железной руды, в том числе со следами огня, оставшимися, видимо, от процесса ее обогащения.

По всей видимости, в процессе обмена попала на поселение Ачису продукция керамических центров мугерганского типа, а также характерные кобяковские горшки Подонья и привнесенный издалека плоский топор с боковыми выступами.

Итак, можно сказать, что население древнего Ачису имело довольно передовое для своего времени хозяйство, основанное на земледелии и скотоводстве, занималось охотой, обработкой кожи и кости, производством тканей, обработкой руды и т. д. Для всех этих занятий, особенно для поднятия при пахоте известной своей тяжестью земли плоскостного Дагестана, а также для ведения довольно трудоемкого альпийского скотоводства требовались усилия более или менее значительного коллектива. Очевидно, таким коллективом была большая патриархальная семья. Именно на такие семьи были рассчитаны однокамерные помещения, размером 65—70 кв. м. Такие большие семьи могли входить в состав патронимии, родов и т. д. По-видимому, у этих семей и производство, и потребление было общим.

* * *

¹ Отряд работал в составе: М. Г. Гаджиев (зав. сектором археологии Института ИЯЛ), Давудов О. М. (начальник экспедиции), А. И. Абакаров (м. н. с. Института ИЯЛ), Г. С. Федоров (доцент ДГУ), Дж. Магомедов (сотр. ДРКМ), студенты ДГУ и ДГПИ. Материалы см.: Давудов О. М. Раскопки поселения Ачису.— АО—1981 г. М., 1982, с. 114; *Он же*. Историко-культурная характеристика поселения Ачису.— В кн.:

Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1980—1981 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1982, с. 4—5.

² *Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э.— МИА, 1957, № 68, с. 30—32.

³ *Гаджиев М. Г.* Раскопки памятников бронзового века в горном Дагестане.— АО—1968 г. М., 1969, с. 102—103; *Он же.* Раскопки поселения раннебронзовой эпохи в горном Дагестане.— АО—1979 г. М., 1971, с. 104—105.

⁴ *Гуммель Я. И.* Археологические очерки. Баку: Изд. Азербайджанского филиала АН СССР, 1940, с. 8; 120, 121; фиг. 49 (сооружения 60—63); *Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И.* Древний Мингечаур. Баку, 1959, с. 40—47.

⁵ *Шарафутдинова Э. С.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобьяковская культура).— САИ, Л., 1980, вып. В I—II, с. 41.

⁶ Выражаю М. П. Абрамовой благодарность за предоставленную мне возможность пользоваться материалами ее раскопок.

⁷ *Козенкова В. И.* Кобанская культура. Восточный вариант.— САИ, М.: Наука, 1977, вып. В2—5, с. 12, 13.

⁸ *Крупнов Е. И.* Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи.— Тр. ГИМ, АС, М.: Изд. ГИМ, 1948, вып. 17, с. 21, рис. 16; *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.: Наука, 1982, вып. В2—5, с. 9, табл. VII, 4—7.

⁹ *Шарафутдинова Э. С.* Указ. соч., с. 56, табл. XXX, 7.

¹⁰ *Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И.* Указ. соч., табл. VIII, 4, 5.

¹¹ *Марчулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1979, с. 245—246; рис. 179, 1—5; 181, 1, 2; *Он же.* Джекказган — древний металлургический центр (городище Милыкудук).— В кн.: Археологические исследования Казахстана. Алма-Ата; Наука Каз. ССР, 1973, с. 26, рис. 9, 1.

¹² *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация..., с. 8.

¹³ *Котович В. М.* Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. К истории дагестанских племен в конце III—II тысячелетий до н. э. Махачкала: Изд. Дагфилнала АН СССР, 1965, с. 113—122.

¹⁴ *Деоник Д. В., Крупнов Е. И.* Змейское поселение кобанской культуры.— В кн.: Археологические раскопки в районе Змейской, Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961, с. 28—30; рис. 9, 5; *Мерперт Н. Я.* Раскопки Сержень-юртовского поселения в 1960 г.— КСИА, 1962, вып. 88, с. 42; рис. 5, 2; *Мунчаев Р. М.* Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии.— СА, 1962, № 3, с. 186, рис. 2, 2; *Иерусалимская А. А., Козенкова В. И., Крупнов Е. И.* Древние поселения у с. Сержень-юрт.— КСИА, 1963, вып. 94, рис. 13, 7; *Козенкова В. И., Крупнов Е. И.* Исследование Сержень-юртовского поселения в 1962 г.— КСИА, 1964, вып. 98, с. 72, рис. 24, 2, 3; *Они же.* Древний Сержень-юртовский поселок в ЧИАССР (по раскопкам 1984 г.)— КСИА, 1966, вып. 106, с. 86, рис. 28, 1; *Марковин В. И.* Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни.— КСИА, 1964, вып. 98, с. 84, 86, 87, рис. 24, 14—16; *Крупнов Е. И.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода.— МИА, 1951, № 23, с. 62, рис. 21, 1; *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация..., с. 14, табл. X, 16—29.

¹⁵ *Шарафутдинова Э. С.* Указ. соч., с. 35, табл. XXXIII, 1, 2.

¹⁶ *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация..., с. 14.

¹⁷ *Давудов О. М.* Хосрехское святилище (Дагестанская АССР).— В кн.: Скифо-

сибирское культурно-историческое единство. Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 1980, с. 280; *Он же*. Святилище у высокогорного селения Хосрех.— В кн.: Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала: Изд. Дагфиллиала АН СССР, 1983, с. 50.

¹⁸ *Пиккуль М. И.* Дагбашский могильник.— Уч. зап. Ин-та ист., яз. и лит-ры Дагфиллиала АН СССР (далее — НИЯЛ). Махачкала, 1961, т. 9, с. 304, табл. IV, 2; *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня в древности. Каякентско-хороочевская культура. М.: Наука, 1969, с. 93, рис. 38, 4; *Он же*. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни.— КСИА, 1964, вып. 98, с. 87, рис. 24, 6.

¹⁹ *Смирнов К. Ф.* Археологические данные о древних всадниках Поволжско-уральских степей.— СА, 1961, № 1, с. 65—68, рис. 12; *Спришевский В. И.* Чустское поселение эпохи бронзы.— КСИИМК, 1958, № 71, с. 92, рис. 27, 3; *Тереножкин А. И.* Дата мингечаурских удил.— СА, 1971, № 4, с. 77—78, рис. 4, 2—5.

²⁰ *Тереножкин А. И.* Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев: Изд-во АН Укр. ССР, 1961, с. 90, рис. 62, 1; *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья.— МИА, 1971, № 177, с. 83—86, рис. 4.

²¹ *Котович В. Г., Давудов О. М.* О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы — раннего железа на Северо-Восточном Кавказе.— СА, 1980, № 4, с. 43, 44, 50, 51, рис. 1, 76, 78; 2, 38.

²² *Деоник Д. В., Мерперт Н. Я.* К вопросу о конце цивилизации Харатты.— СА, 1957, № 4, с. 200 и сл., рис. 1, 2; *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 197.

²³ *Джапаридзе О. М.* Бронзовые топоры Западной Грузии (К вопросу о ведущих типах орудий позднебронзовой культуры).— СА, 1953, XVIII, с. 291 и сл.; *Аслашв Г. М., Вищов Р. М., Ионе Г. И.* Указ. соч., с. 74—76, рис. 62; *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М.: Наука, 1977, с. 115—117.

²⁴ *Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе.— Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л., 1935, вып. 120, с. 130; *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 197; *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация..., с. 7.

²⁵ *Техов Б. В.* Указ. соч., с. 117.

²⁶ *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 197.

²⁷ *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня..., с. 54, рис. 23, 1, 2.

²⁸ Там же, с. 54—58, рис. 23, 4—10; 24, 5—12; 25, 1—7.

²⁹ Там же, с. 42—54, рис. 18; 17; 19; 20.

³⁰ *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация..., с. 74, табл. X, VIII, 2—4.

³¹ *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня..., с. 52, рис. 22, 1, 2, 4.

³² *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация..., с. 74.

³³ *Давудов О. М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала: Изд. Дагфиллиала АН СССР, 1974, с. 60, табл. X, 16; XIX, 128.

³⁴ *Шарафутдинова Э. С.* Указ. соч., с. 48, табл. XXII, 5.

³⁵ *Давудов О. М.* О генезисе некоторых форм мечей и кинжалов на Кавказе.— В кн.: Древние и средневековые археологические Памятники Дагестана. Махачкала: Изд. Дагфиллиала АН СССР, 1980, с. 65, рис. 1, 29, 33.

³⁶ *Давудов О. М.* К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана (X—IV вв. до н. э.). Махачкала: Изд. Дагфиллиала АН СССР, 1968, с. 18,

рис. 3, 7—11; *Котович В. Г., Давудов О. М.* Указ. соч., с. 44, рис. 1, 36; *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация..., с. 10, табл. IX, 17, 19.

³⁷ *Давудов О. М.* Берикейский могильник скифского времени.— В кн.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978, с. 131, рис. 3, 22.

³⁸ *Марковин В. И.* Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни.— КСИА, 1964, вып. 98, с. 85, 87, рис. 24, 7.

³⁹ *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня..., с. 72, рис. 30, 12, 13; *Котович В. М.* Верхнегуньбское поселение..., с. 109—111, рис. 43; *Давудов О. М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа, с. 113, табл. XIX, 25.

⁴⁰ *Лесков А. М.* Кировское поселение.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Научная думка, 1970, с. 33, 34, рис. 27, 1—5; 28.

⁴¹ *Котович В. Г.* К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане.— Уч. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1961, т. 9, с. 279—290; *Он же.* О хозяйстве населения горного Дагестана в древности.— СА, 1965, № 3, с. 6—11.

⁴² *Османов М.-З. О.* Формы скотоводства даргинцев во второй половине XIX—начале XX вв. (в связи с хозяйственно-культурным типом).— В кн.: Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX—XX вв. Махачкала, 1977, с. 24.

⁴³ *Мкртумян Ю. И.* К изучению форм скотоводства у народов Закавказья.— В кн.: Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1971, с. 116—133.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

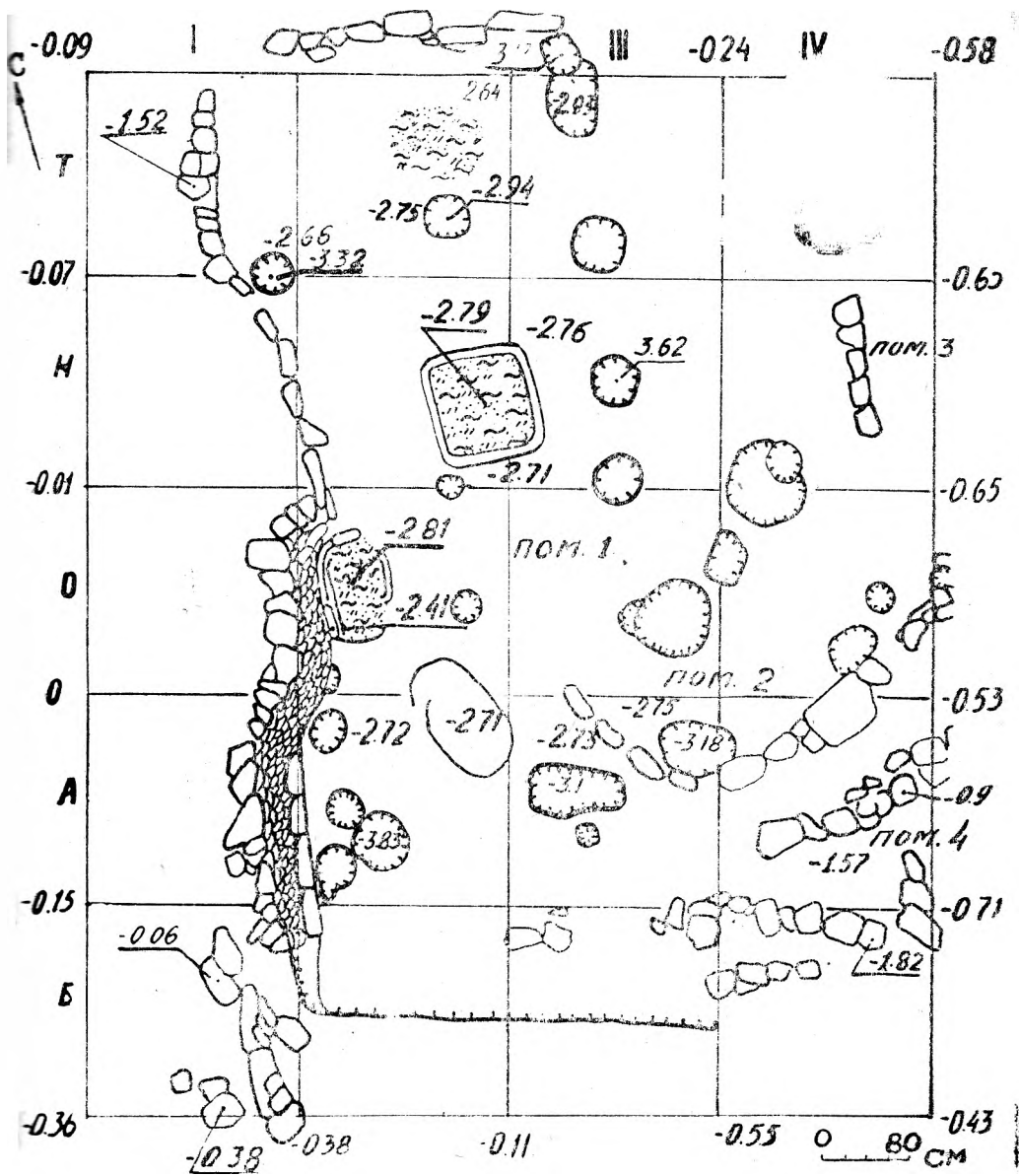

Рис. 1. План раскопа I с остатками жилищ № 1-4.

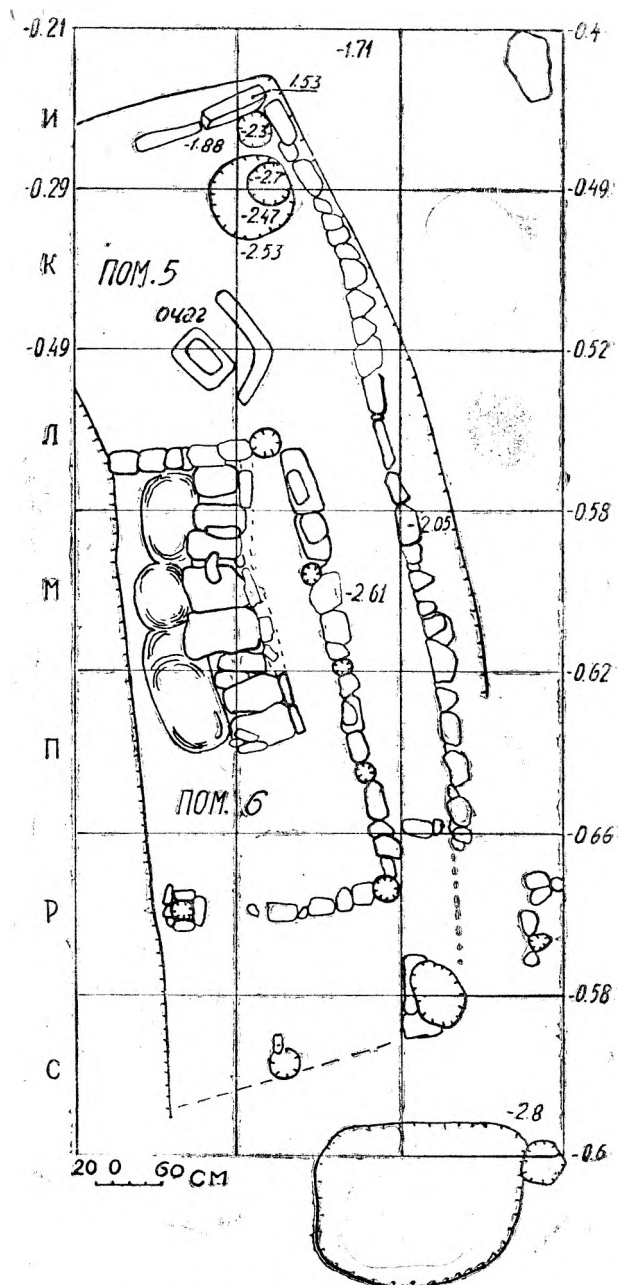

Рис. 2. План раскопа I с остатками жилищ № 5—6.

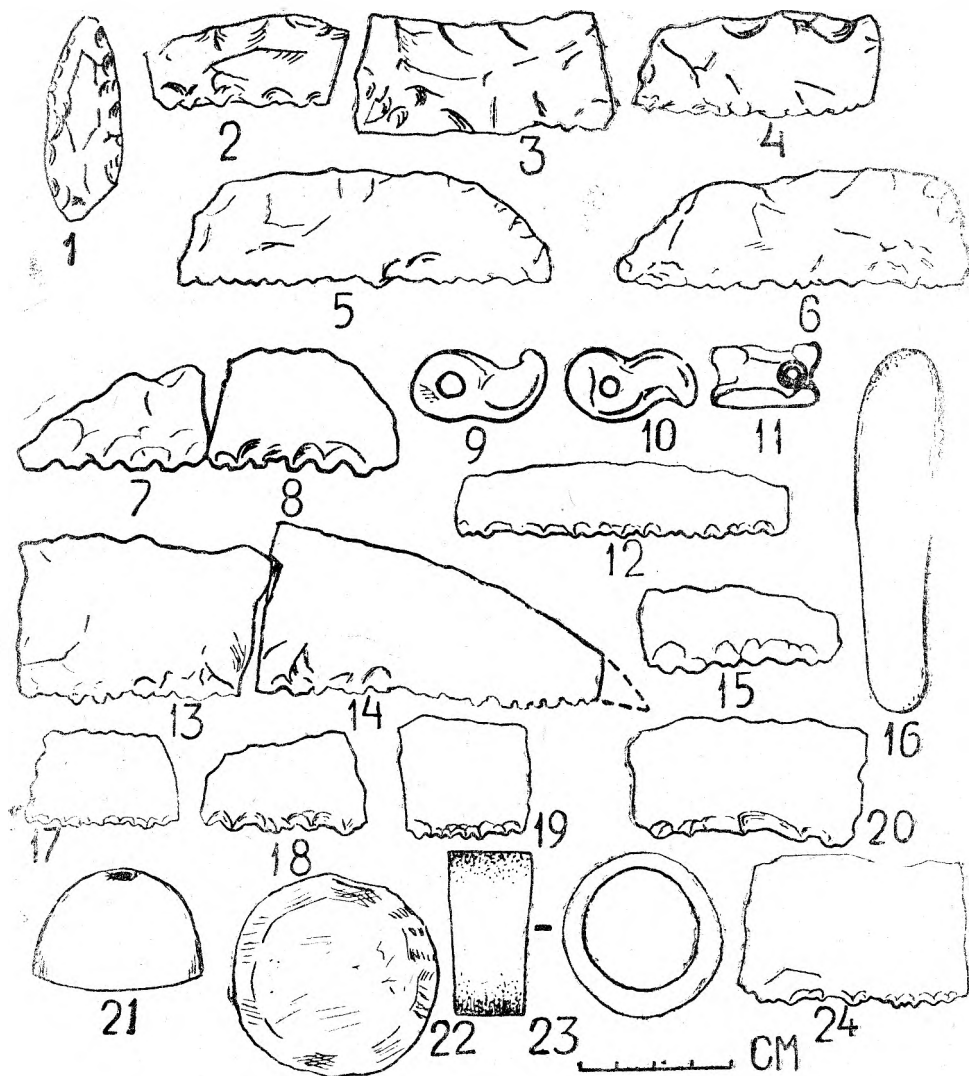

Рис. 4. Инвентарь с поселения. 1—8, 12—15, 17—20, 24 — кремний; 9—11, 21—23 — кость, 16 — мергель.

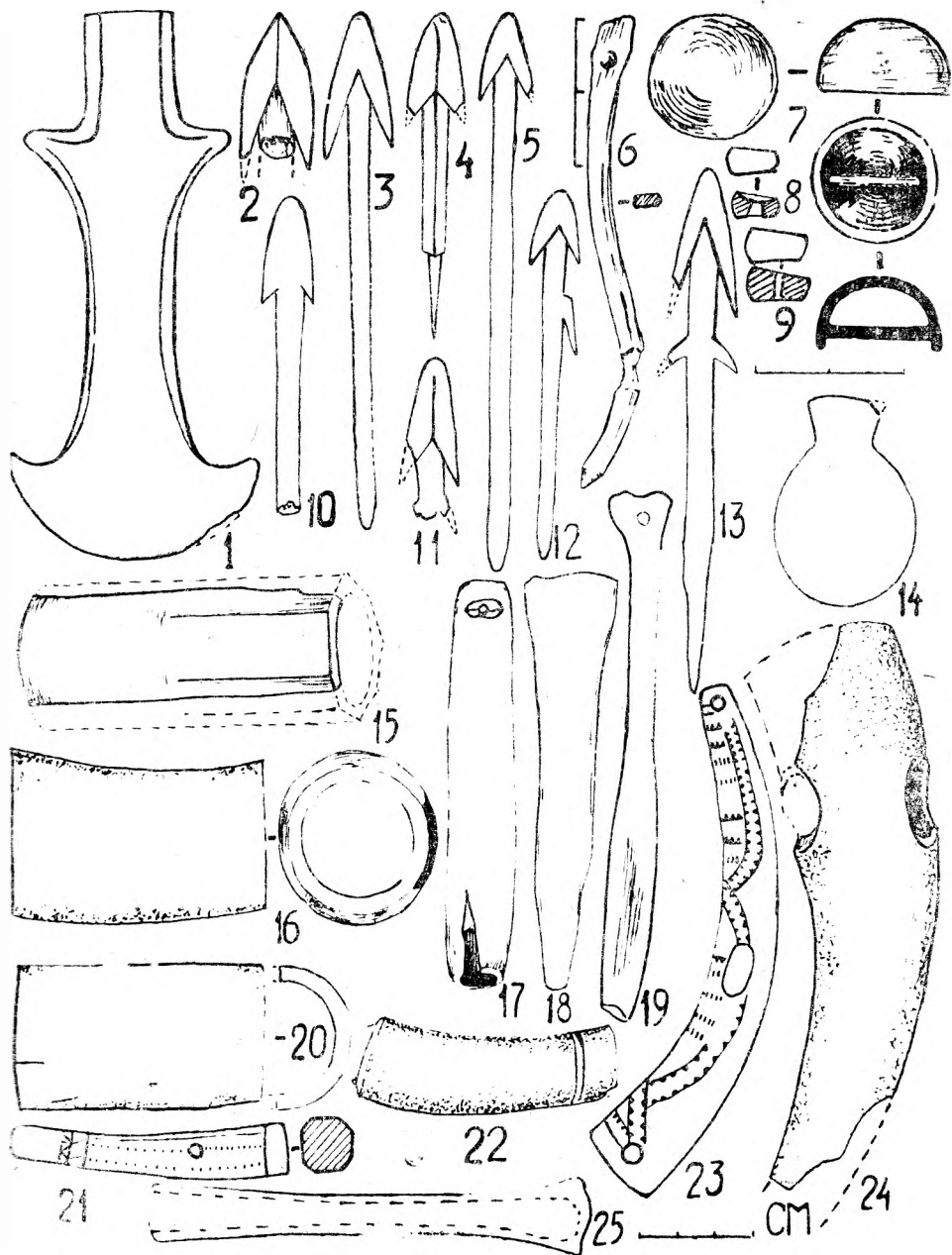

Рис. 5. Инвентарь поселения Ачису: 1, 6, 7, 14 — бронза; 2—5, 10—13, 15—25 — кость; 8, 9 — сердолик.

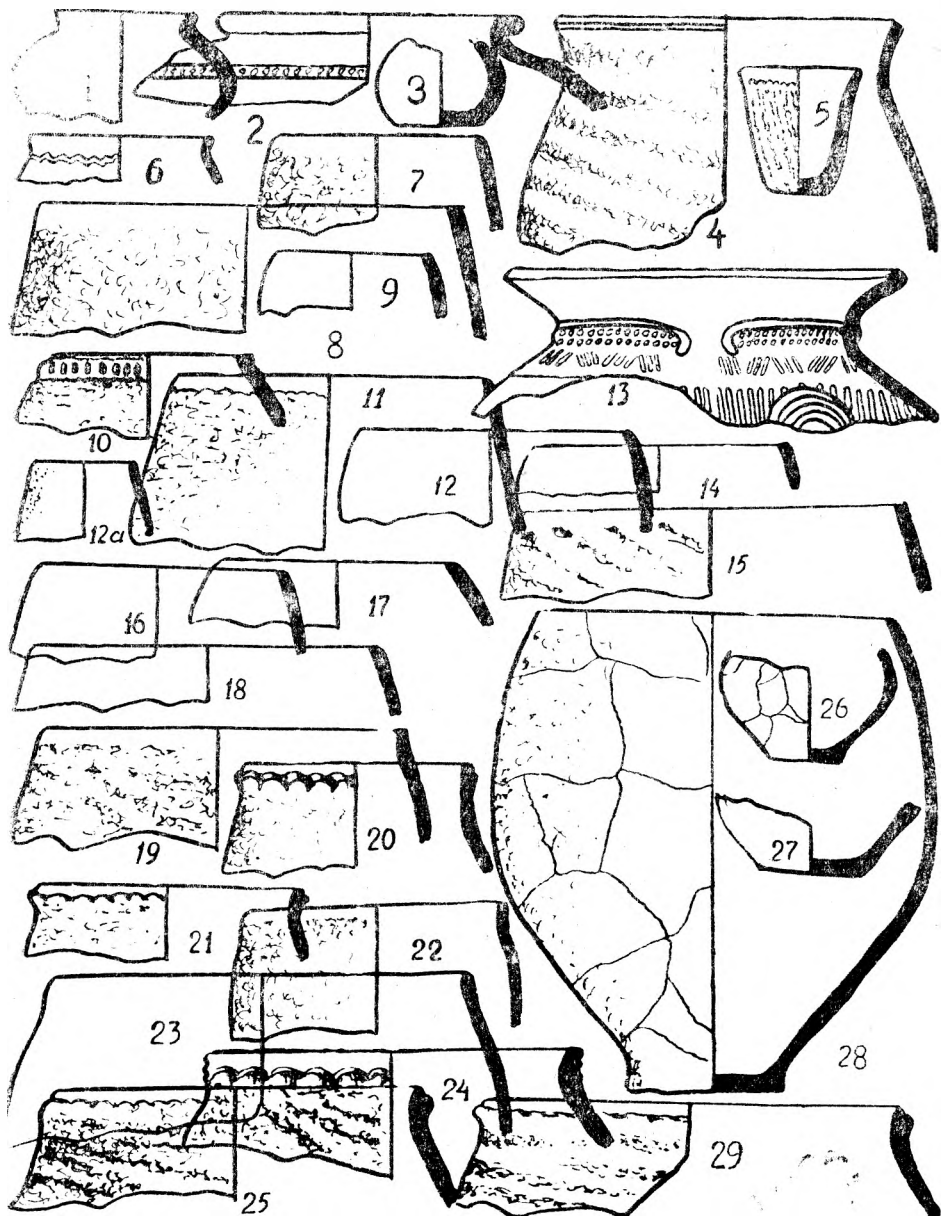

Рис. 6. Керамика с поселения.

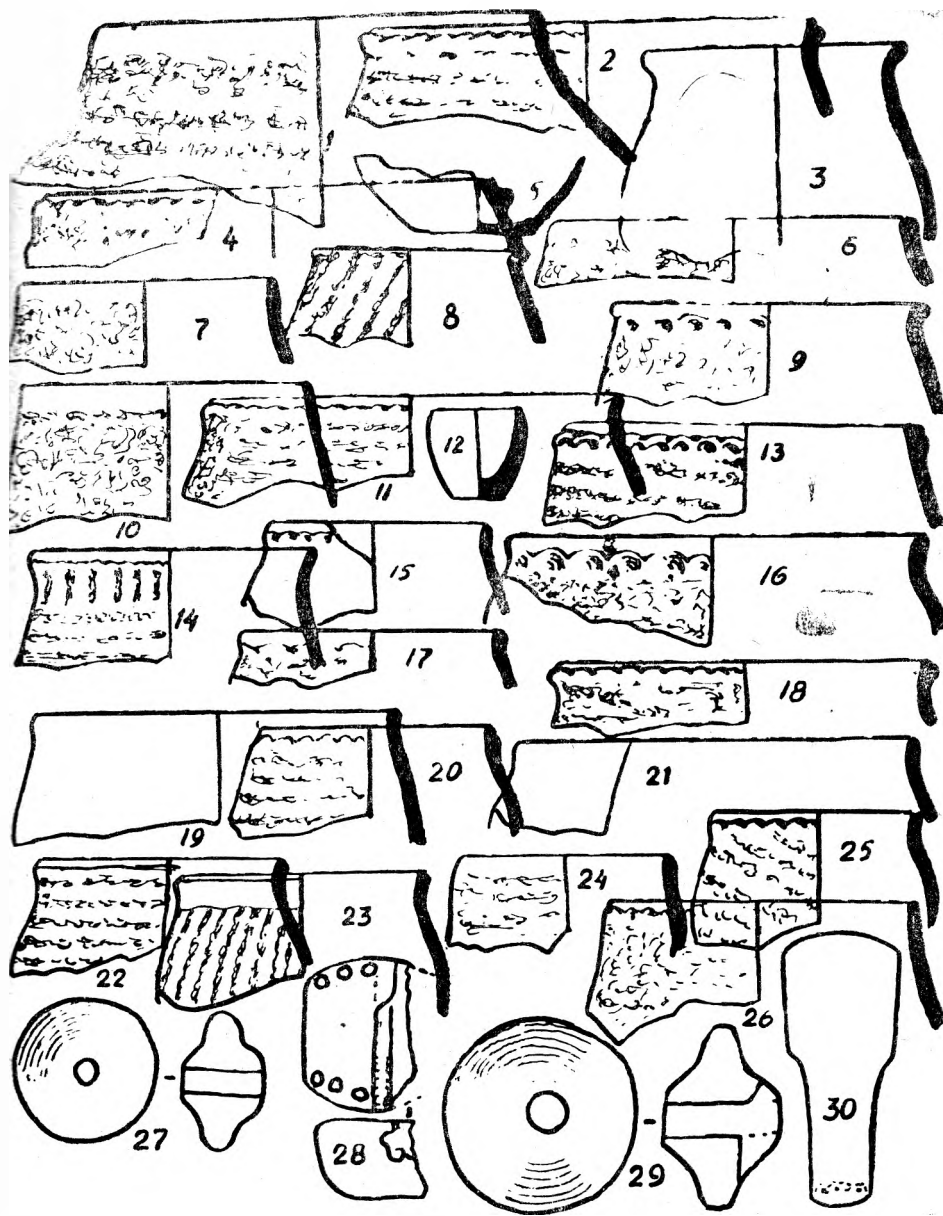

Рис. 7. Инвентарь поселения Ачису: 1—26 — керамические сосуды; 27, 29 — глиняные модели колес; 28 — глиняная модель кузова повозки; 30 — каменный пест.

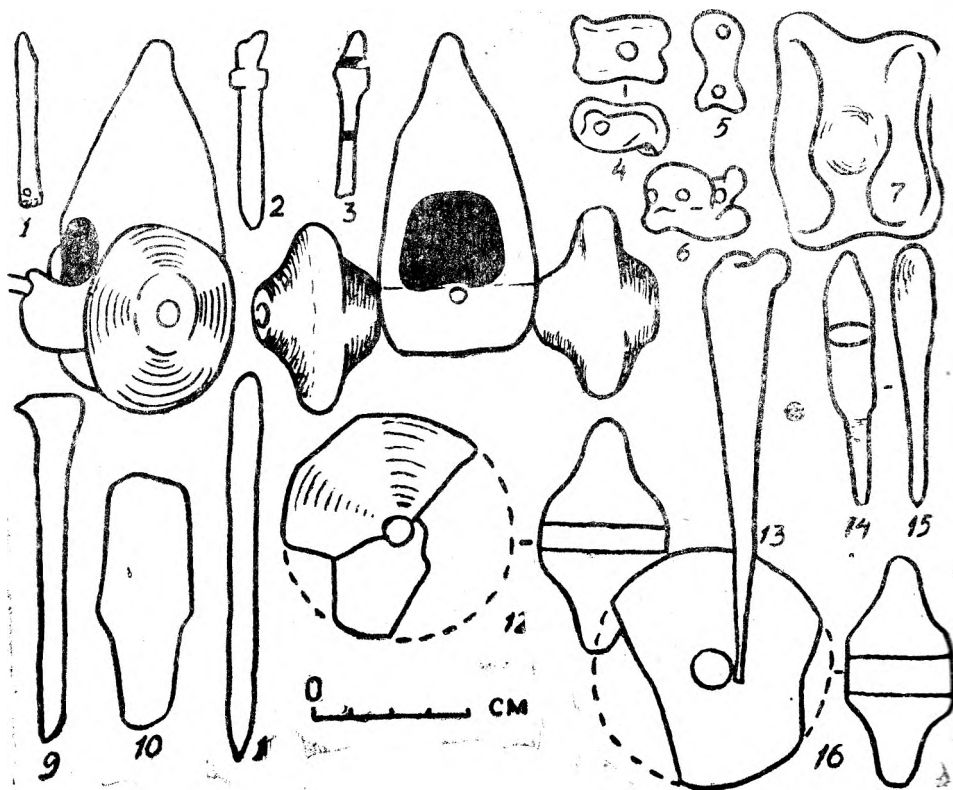

Рис. 8. Инвентарь поселения Ахсу: 1—7, 9, 11, 13—15 — кость; 8 — модель повозки (реконструкция); 10 — каменный пест; 12, 16 — глиняные модели повозок.

ДЕРБЕНТСКИЙ МОГИЛЬНИК

До недавнего времени погребальные памятники Дербента не служили предметом специального изучения и наши сведения о типологии подобных сооружений и обрядах захоронения древних и средневековых обитателей города ограничивались отрывочными данными обследований мусульманских надгробий XII—XIX вв. Положение изменилось лишь после того, как нами в 1977 г. в западной части Дербентского холма был открыт крупный могильник, функционировавший длительный период — со времени перехода от бронзы к железу до арабского завоевания. Могильник расположен в 50—100 м к югу от цитадели города и занимает, по предварительным обследованиям, территорию размером около 2 га. С севера территорию могильника ограничивает средневековый ров, прикрывавший южную стену цитадели, а с востока и юго-востока к нему примыкает впечатляющее мусульманское кладбище X—XX вв., площадью около 15—20 га.

В северо-западной части могильника, рядом с современным въездом на территорию Дербентского лесхоза, был разбит раскоп площадью 144 кв. м, обозначенный, согласно принятой в Дербентской экспедиции нумерации, Р-VI (рис. 1).

На всей раскопанной площади (144 кв. м) было выявлено 26 погребений, расположенных в три горизонта на различной глубине. Обильная насыщенность могильника захоронениями различных периодов, большое количество перекопов привели к разрушению части древних могил более поздними, так что контуры и конструкции отдельных древних захоронений не удалось выявить с должной полнотой. Структура грунта, наличие угля, золы, обожженных поверхностей и фрагментов костей свидетельствуют о существовании ряда не зафиксированных нами захоронений, разрушенных в древности при устройстве более поздних могил верхнего горизонта. Трудности исследования могильника еще больше усиливало то обстоятельство, что здесь имелись культурные наслоения и архитектурные остатки раннесредневекового и средневекового периодов, потревожившие ряд древних захоронений.

Стратиграфически в культурных напластованиях участка могильника выделяются два слоя, толщина которых равняется 0,7—1,0 м, лишь в юго-восточной части раскопа имеется еще один слой, прослеживаемый непосредственно под гумусным задернованным слоем в квадратах Е-1-6, частично — Д-1-5. Ниже этого слоя следовал материк из плотного грунта светло-желтого цвета. В материк заглублены захоронения второго и третьего горизонта. Захоронения третьего горизонта заглублены в материк на 0,8—1,2 м, захоронения второго горизонта — на 0,4—0,7 м.

Первый (верхний) горизонт захоронения.

Погребение № 1 вскрыто в северо-западной части квадратов Г-1, Г-2 (рис. 1) на отметке — 1, 21, могильная яма имела овальную форму, ориентированную по оси ЮЗ—СВ, длина ее 2,0 м, ширина 0,55 м. В яме расчищен костяк взрослого человека; погребенный лежал на правом боку, в вытянутом положении, голова ориентирована на Ю—З—З, лицо обращено на юг, сохранились плечевые кости, вытянутые вдоль тулова. Центральная часть скелета не сохранилась, так как прорезана ямой диаметром 0,48 м.

Погребение безынварное, в юго-западной части могилы, в районе головы погребенного лежало три камня, возможно, остатки обкладки. Заполнение этой и других могил верхнего горизонта составляет серый грунт средней плотности, комковатый, переотложенного характера, с включением небольшого количества керамики албанского и ранне-средневекового времени и бутового камня.

Погребение № 2 вскрыто в центральной части квадратов Г-2, Г-3 на отметке — 1,20 м (рис. 1). Могильная яма прямоугольной формы с округленными углами, ориентирована по оси ЮЗ—СЗ, несколько расширена с северо-восточной стороны, длина ямы 1,02 м, ширина 0,45 м, прослеживаемая глубина 0,5 м. В могильной яме расчищены раздавленный череп ребенка и остатки костей таза и бедер с фрагментами спинных позвонков, лежавших в центре могилы (на границе квадратов Г-2 и Г-3) в небольшом овальном углублении. Погребение безынварное.

Погребение № 3 вскрыто в центральной части квадрата Г-3 и юго-западной части квадрата Г-4, на отметке — 1,55 м (рис. 1). Могильная яма овальной формы, ориентирована по оси ЮЗ—СВ, длина ямы 2 м, ширина 0,6 м, прослеживаемая глубина 0,64 м. В могиле расчищен костяк взрослого человека, погребенный лежал на правом боку в вытянутом положении, головой на Ю-З, лицо обращено на юг, руки вытянуты вдоль туловища и соединены спереди у таза. Погребение безынварное, в юго-западной части могилы, у края южной стены—камень, возможно, остатки обкладки.

Погребение № 4 вскрыто в южной части квадратов Г-2, Г-3 на отметке — 1,40 м (рис. 1). Граница могильной ямы прослеживается плохо, яма овальной формы, около 2,1 м длиной, 0,8 м шириной и 0,7 м глубины; сохранились остатки обкладки из бутового камня с южной и юго-западной сторон погребенного. Был расчищен костяк взрослого человека, погребенный лежал на правом боку, в вытянутом положении, головой на Ю-З, лицо обращено на юг, руки вытянуты вдоль туловища и соединены спереди у низа живота. У края юго-западной части обкладки, против темени погребенного стоял маленький горшочек—кружка с ручкой, других предметов нет.

Погребение № 5 вскрыто в северной части квадратов Д-1, Д-2, на отметке — 1,07 м (рис. 1). Могильная яма имела несколько неправильную овальную форму и была ориентирована по оси ЮЗ—СВ, длина

ямы 2,07 м, ширина 0,55 м, прослеженная глубина 0,6 м. В могиле расчищены остатки нижней части костяка человека, ноги в вытянутом положении по оси ЮЗ—СВ. Погребение безынвентарное.

Погребение № 6 вскрыто в юго-западной части квадрата Д-1, на отметке — 0,95 м (рис. 1). Вскрыта северо-восточная часть могильной ямы овальной формы, прослеженная длина ямы 0,65 м, ширина 0,6 м. Яма выходит за пределы раскопа. В северо-восточной части могилы обнаружено несколько фрагментов костей голени и фаланг пальцев ног. Погребение безынвентарное.

Погребение № 7 вскрыто в центральной части квадрата Е-3 на отметке — 1,05 м (рис. 1). Могильная яма имела овальную, несколько неправильную форму, ориентированную по оси ЮЗ—СВ и была заужена в центральной части, длина ямы 1,5 м, ширина 0,4 м, прослеживаемая глубина 0,5 м. В могиле расчищен костяк ребенка, погребенный лежал на правом боку, в вытянутом положении, головой на Ю-З, лицо обращено на юг, нижняя часть ног и кости рук не сохранились. С северо-восточной части ямы, в юго-восточной части кв. Е-3, у торца могилы вскрыта мощная кладка из бутового камня, не имеющая, однако, отношения к захоронению, отметка верха кладки — 1,6 м, т. е. ниже дна могилы, ширина кладки 0,4—0,8 м, высота 0,15—0,21 м. Кладка уходит по направлению на юг, за пределы раскопа. Захоронение безынвентарное.

Погребение № 8 частично вскрыто в южной части квадрата Е-2, Е-3, на отметке — 0,97 м (рис. 1). Практически основная часть захоронения осталась за пределами раскопа, но часть его прослежена в торце юго-восточной стороны раскопа и позволяет говорить, что могильная яма имела овальную форму и была ориентирована по оси ЮЗ—СВ, длина ямы около 1,4—1,5 м, ширина не выявлена, прослеженная глубина 0,6 м. Судя по всему, погребенный лежал в вытянутом положении, головой на Ю-З, в торце стены раскопа видны ребра; инвентаря в исследованной части могилы не обнаружено. Здесь, на границе квадратов Е-2 и Е-3, у юго-восточной стороны раскопа, на глубине 1,62 м была обнаружена крупная каменная чаша или ступа квадратной формы с немного закругленными углами (рис. 1) и несколько фрагментов керамики албанского времени.

Погребение № 12 вскрыто в центральной части квадрата Б-2 (ближе к юго-западной его стороне), на отметке — 1,46 (рис. 1). Могильная яма имела овальную форму и была вытянута по оси ЮЗ—СВ, длина ямы 1,2 м, ширина 0,45 м, прослеженная глубина 0,55 м. В могиле расчищены кости голени и плечевые кости ребенка, а также фрагменты ребер. Погребение безынвентарное.

Погребение № 13 вскрыто в центральной части квадрата Б-1, на отметке — 1,48 м (рис. 1). Могильная яма имела несколько неправильную овальную форму и была ориентирована по оси ЮЗ—СВ, длина ямы 1,85 м, ширина 0,67 м, прослеженная глубина 0,7 м. В могиле был расчищен костяк взрослого мужчины, погребенный лежал на правом боку, в вытянутом положении, головой на Ю-З, лицо обращено на юг,

руки вытянуты вдоль туловища, соединены спереди у таза (рис. 1, 2). Погребение безынварное, под черепом погребенного лежал плоский продолговатый камень. Еще один плоский камень лежал у южного угла могилы.

Погребение № 14 вскрыто в северо-западной части квадрата В-1, на отметке $-1,32$ м (рис. 1). Могильная яма имела овальную форму и была ориентирована по оси ЮЗ—СВ. Северная часть могилы прорезана конструкцией каменного водовода, проходящего через весь раскоп с Ю-З на С-В. Погребенный лежал на правом боку в вытянутом положении, головой на Ю-З, лицо обращено на юг, руки вдоль туловища. Погребение безынварное.

Погребение № 15 вскрыто в южной части квадрата В-1, на отметке $-1,48$ м (рис. 1). Могильная яма имела овальную форму, вскрыта лишь северо-восточная ее часть, остальная часть лежит за пределами раскопа. Могила вытянута по оси ЮЗ—СВ, прослеженный участок имеет длину $1,25$ м, ширину $0,65$ м, прослеженная глубина ямы $0,95$ м. В могиле расчищена нижняя часть скелета взрослого человека, погребенный лежал, вероятно, на правом боку, в вытянутом положении (целиком сохранились кости бедра, голени и фаланги пальцев одной ноги), головой на Ю-З, руки вытянуты вдоль туловища. Во вскрытой части могилы инвентарь отсутствует. У южной стенки могильной ямы отмечены два камня (в центральной и северо-восточной части могилы).

Погребение № 16 вскрыто в центральной части квадрата А-1, на отметке $-1,55$ м (рис. 1). Могильная яма имела овальную форму и была вытянута по оси ЮЗ—СВ, захоронение вскрыто частично и его юго-западная часть выходит за пределы раскопа. Прослеженная длина могильной ямы $1,2$ м, ширина $0,7$ м, глубина $0,6$ м. В могиле расчищена нижняя часть скелета взрослого человека, лежащего, судя по вскрытым останкам, на правом боку, в вытянутом положении, головой на Ю-З, руки были вытянуты вдоль туловища и соединены спереди у таза. Во вскрытой части погребения инвентарь отсутствует.

Погребение № 17 вскрыто в северной части квадратов А-1, А-2, на отметке $-1,98$ м (рис. 1). Могильная яма имела овальную форму и была вытянута по оси ЮЗ—СВ, длина ямы 2 м, ширина около $0,6$ м, прослеженная глубина $0,6$ м. В могиле расчищен костяк взрослого человека, лежащего на правом боку, в вытянутом положении, головой на Ю-З, кости рук сохранились фрагментарно, положение их не зафиксировано. Череп погребенного сохранился фрагментарно, но судя по аналогии с другими захоронениями, погребенный лежал лицом на юг, под черепом у него находился плоский квадратный камень. Инвентарь отсутствует.

Погребение № 18 вскрыто в северной части квадрата А-5, на отметке $-2,58$ м (рис. 1). Была вскрыта южная часть захоронения, северная — лежит за пределами раскопа. Могильная яма имела овальную форму и была вытянута по оси ЮЗ—СВ, длина ямы $1,8$ м, ширина не выявлена, прослеженная глубина $0,4$ м. В могиле вскрыты фрагменты костей и черепа взрослого человека, похороненного, судя по всему,

в вытянутом положении, головой на Ю-З. Во вскрытой части могилы инвентарь не отмечен.

Погребения №№ 19—22 — это грунтовое захоронение, вскрыто в юго-восточной части раскопа, в основном в квадратах Д-5, Г-5, на отметках —2,23—2,30 м (рис. 1). Могила представляла собой овальную яму, вытянутую по оси ЮЗ—СВ, весьма напоминающую ров или канаву, южная часть уходит за пределы раскопа (по линии квадрата 5). Прослеженная длина ямы с несколько округлыми краями 3,6 м (далее она выходит за пределы раскопа), ширина 2,05—2,1 м, прослеженная глубина 0,8 м — в восточной части и 0,7 м — в западной. Здесь было вскрыто четыре костяка взрослых мужчин, лежавших в вытянутом положении по оси ЮЗ—СВ, на правом боку, головой на Ю-З, лица повернуты на юг, руки вытянуты вдоль туловища и соединены спереди у тазовых костей. Обращает внимание несколько небрежный характер ориентации костяков, один из них (погр. № 19) лежит несколько под углом к общей ориентации, и череп его у плеча другого костяка (погр. № 20); отклонение отмечено и у костяка погр. № 22. Череп и ноги погребенных не на одном уровне по оси С—Ю, ноги тоже несколько в разных положениях. Создается впечатление, что обряд захоронения выполнен небрежно, наспех. Костяки погребенных принадлежали рослым людям и, судя по всему, один из них был более чем двухметрового роста. Групповое захоронение бызынвентарное.

Погребение № 23 вскрыто частично в северо-восточной части квадрата Г-6, на отметке —2,8 м (рис. 1).

Могильная яма, судя по аналогиям с другими захоронениями этого горизонта, имела овальную форму (в раскоп попала лишь юго-западная часть захоронения), ширина ямы 0,7 м, прослеженная длина 0,22 м, глубина 0,65 м. Могильная яма, подобно остальным захоронениям, имела, вероятно, ориентацию по оси ЮЗ—СВ, погребенный лежал головой на Ю-З. Во вскрытой части могилы инвентарь не обнаружен. Под черепом погребенного находился квадратный камень. Заполнение могилы составлял рыхлый серый и желтовато-серый грунт переотложенного характера, отмечены следы перекопа.

Ориентация и конструкция могильных ям, отсутствие инвентаря, ориентация и положение костяков погребенных, а также стратиграфия этого горизонта захоронений позволяет полагать, что данный могильник оставлен мусульманским населением Дербента раннеарабского времени.

Второй горизонт захоронений

Второй горизонт захоронений представлен значительно меньшим количеством могил, попавших в площадь раскопа. Нередко эти погребения потревожены могилами и сооружениями верхнего горизонта или сами являются впускными в более древние захоронения. Погр. № 9 (№ 9—11) вскрыто в квадратах Г-2, Г-3, В-2, В-3, на отметках —1,83—

2,28 м (рис. 2; 3). Здесь, в прямоугольной могильной яме с каменной обкладкой, ориентированной по оси ЮЗ—СВ, было выявлено коллективное захоронение, включавшее в себя два одиночных погребения с целыми костяками в индивидуальных овальных ямах небольшой глубины (№ 9 и № 10) и захоронение отдельных черепов с костями человеческих конечностей (№ 11). Прямоугольная могильная яма имела размеры 3,55×3,7 м (северо-западная сторона могильной ямы разрушена средневековым водоводом и обкладка здесь не сохранилась). Яма была обложена буговым и частично обработанным камнем, уложенным в один ряд, ширина обкладки 0,2—0,25 м, высота 0,15—0,3 м.

На площади могильной ямы с обкладкой было выявлено два индивидуальных захоронения в овальных могильных ямах, ориентированных по оси ЮЗ—СВ и обозначенных как погр. № 9 и погр. № 10 (рис. 3, а; 3, б).

Могильная яма погр. № 9 имела длину 2,15—2,2 м, ширину 0,8 м и глубину 0,25—0,28 м от уровня дна общей ямы с обкладкой, лежащего на отметке — 1,97—2,00 м. Наличие отдельных камней с юго-восточной и северо-западной сторон могильной ямы захоронения № 9 позволяет предположить, что оно могло быть выделено каменной обкладкой внутри общей могильной ямы. Погребение № 9 состоит как бы из двух ярусов. В верхней его части, чуть выше уровня дна общей могильной ямы (— 1,97—2 м), на отметке — 1,87 м, были обнаружены костяк взрослого человека, череп и отдельные кости скелета лошади, а также разнообразный инвентарь. Костяк мужчины лежал на скоплении частей других костяков и угля, заполнявших могильную яму погр. № 9. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, лицом вверх, руки вдоль туловища, прижаты к бокам, ноги вместе, вытянуты. Кости таза были несколько смещены к северо-западу от оси позвоночника костяка. Непосредственно у тазовой кости, частично под ней, лежали фрагменты раздавленного черепа. Еще один череп, вернее его верхняя часть, несколько лучшей сохранности, был обнаружен у юго-западной стенки могилы, вплотную к обкладке, он лежал по одной оси с расчищенной нижней частью костяка. Слева от человеческого костяка, у северо-западной стенки обкладки погр. № 9, был расчищен череп лошади и фрагменты конского костяка (ноги и несколько ребер).

Погребение сопровождалось весьма богатым набором предметов погребального инвентаря. Прежде всего надо отметить пять кувшинов различных размеров, сосредоточенных в основном в северо-восточной части погребения, у ног, а точнее чуть левее их, между костяком человека и коня (квадрат Г-3). Лишь одна чашка-плошка, а также восемнадцать бусин, кривой железный нож и две пряжки находились в юго-западной части погребения, ближе к черепу (квадрат Г-2).

Непосредственно под костяком мужчины было выявлено большое скопление человеческих костей и угля, на которых и лежал скелет погребенного. Эти кости целиком заполняют овальную яму погр. № 9, и костяк погребенного на них даже несколько возвышается над уровнем пола общей могильной ямы. В процессе расчистки нижний ярус этого

погребения был условно обозначен как погр. № 11, хотя несомненно речь идет о едином погребении, имеющем весьма сложный и своеобразный обряд. Погребения с отдельными черепами встречались на ряде памятников Дагестана албано-сарматского времени (Карабудахкентский могильник, Буйнакский курган и др.), но обряд захоронения, выявленный в Дербенте, пока не известен в других местах Восточного Кавказа. Здесь несомненно преднамеренное расчленение нескольких костяков, послуживших своеобразным подстилающим слоем основному индивидуальному захоронению (рис. 3, б).

Отметка дна могильной ямы погр. № 9 — 2,25—2,28 м, т. е. оно всего на 0,25—0,28 м ниже уровня пола общей могильной ямы погребения. Дно ямы покрывал толстый слой угля, достигающий местами толщины 0,15—0,2 м.

Выявленные в могильной яме кости представлены, в основном, фрагментами черепов и конечностей довольно плохой сохранности, сложенных беспорядочно в кучу. Удалось установить, что здесь было захоронено пять черепов. Некоторые кости конечностей носят следы изломов, в одном случае в кости имелось округлое отверстие, видимо, след ранения стрелой или копьем. Представляется вероятным, что черепа и кости конечностей данного расчлененного захоронения принадлежат военнопленным или людям, социально зависимым (рабам) от верхнего погребенного. К юго-западу от кучи костей был обнаружен череп крупной собаки (волка?). Под черепом основного костяка погр. № 9, в могильной яме, была вскрыта изящная чернолощенная чашечка (рис. 4, 44), наполненная бусами из сердолика, голубой пасты, гагата, стекла, агата и других минералов (рис. 4, 1—24, 27—36). Часть бус в виде скарабеев, «кукиша» и некоторые другие имеют египетское происхождение (рис. 4, 15, 34). Вместе с бусами был найден кремневый ретушер треугольной формы (рис. 4, 25).

Выявленная в погребении чернолощенная чашка находит по форме очень близкие аналогии среди столовой керамики Аргиштихинили¹. Большое сходство у нее и с рядом подобных чашечек из могильников II—I вв. до н. э. территорий Дагестана² и Азербайджана³. Не исключено, что распространение чаш подобной формы на Восточном Кавказе в раннеалбанское время, было связано с влиянием урартских керамических традиций на эти области региона.

Среди предметов погр. № 9 больше всего кувшинов (рис. 4, 44—52).

Кувшин № 1 представляет собой красноглиняный сосуд средних размеров с округлым туловом, плоским дном, высокой, довольно широкой цилиндрической горловиной, чуть расширенной к венчику, на котором легким нажатием с двух сторон устроен слив (рис. 4, 51). По бокам слив украшен круглыми «пуговичными» налепами, к верхней части горловины и плечикам сосуда крепится округлая ручка. Сосуд обнаружен на границе квадратов Г-2 и Г-3 в северо-западной части захоронения, рядом с конским черепом, в перевернутом состоянии.

Подобные кувшины со сдавленными энохоевидными сливами и круглыми пуговичными налепами получили распространение в кера-

мике Восточного Кавказа с древнейшего этапа эпохи раннего железа⁴, но особенно широко они бытовали в албано-сарматское время⁵.

Кувшин № 2 представляет собой большой широкогорлый красноглиняный сосуд биконической формы со вздутым туловом и четко выраженным переходом, невысокой горловиной, плавной расширенной к невыделенному венчику (рис. 4, 52). По бокам сосуда к центру горловины и плечикам крепятся две округлые вертикальные ручки, поверхность покрыта ангобом, типичным для керамики албанского времени и носит следы лощения. Кувшин найден в северо-восточной части захоронения (квадрат Г-3).

Сосуды подобной формы, с четко выраженным на тулове переходом, свидетельствующем о способе их изготовления, были более характерны для керамических изделий Закавказья и Северного Кавказа первой половины I тыс. до н. э.⁶, но отмечены в ряде случаев и среди материалов памятников Дагестана и Азербайджана последних веков до н. э.⁷ Данный кувшин относится к группе наиболее ранних керамических изделий Дербента, орнаментированных специфическим красным ангобом с лощением, хотя в данном случае сосуд имеет более архаичную форму, что, возможно, связано со специфическим (обрядовым) назначением изделия.

Кувшин № 3 представляет собой небольшой чернолощенный грушевидный сосуд с округлым туловом, конусовидной горловиной, расширенной к тулову и с отклоненным наружу венчиком; к верхней части тулова крепятся две рогообразные ручки-выступы с небольшими сквозными отверстиями (рис. 4, 49). Сосуд найден рядом с кувшином № 2 (квадрат Г-3). Определенные аналогии ему прослеживаются в керамике позднескобанских памятников Северного Кавказа⁸ и в наиболее древних захоронениях (II—I вв. до н. э.) Карабудахкентского могильника⁹.

Кувшин № 4 представляет собой плоскодонный серолощенный сосуд с округлым, несколько вздутым, туловом, высокой прямой цилиндрической горловиной, завершающейся венчиком со сдавленным, в виде клюва, сливом (рис. 4, 50). К противоположному от слива краю венчика и к верхней части тулова крепится массивная округлая ручка. Данный серолощенный кувшин зооморфной формы, в виде птицы, напоминает зооморфную раннеалбанскую керамику памятников Азербайджана IV—I вв. до н. э.¹⁰, от которой дербентский сосуд отличается большей стилизацией и простотой формы. Исходя из азербайджанских аналогий, данный кувшин можно отнести к III—I вв. до н. э.

Кувшин № 5 представляет собой небольшой чернолощенный сосуд грушевидной формы с довольно широкой горловиной и немного отогнутым наружу венчиком, к основанию горловины и тулову крепится небольшая округлая ручка с насечками в верхней части (рис. 4, 46). Кувшин найден рядом с сосудом № 2 (квадрат Г-3). Подобные небольшие чернолощенные и серолощенные сосуды с орнаментацией глубокой насечкой по верху ручки были широко распространены в керамике Восточного Кавказа второй половины I тыс. до н. э.¹¹ и памятниках Северного Кавказа сарматского времени¹².

Сосуд № 6 представляет собой небольшую красноглиняную чашку-плошку усеченно-конической формы, с плоским дном и прямыми стенками, венчик не выделен (рис. 4, 45). Найдена в юго-западной части захоронения, справа от черепа погребенного (квадрат Г-2).

Здесь же была обнаружена еще одна небольшая красноглиняная чашка-плошка усеченно-конической формы (рис. 4, 48), а в северо-восточной части погр. № 11 был обнаружен небольшой красноглиняный горшочек округлой формы, с плоским дном и слабовыделенным, прямым широким устьем (рис. 4, 47). Подобные чашки-плошки были широко распространены в последние века II тыс. до н. э.— первую четверть I тыс. до н. э.¹³, но продолжали бытовать и в албано-сарматское время¹⁴, хотя в этот период их находки единичны и характерны больше для раннеалбанского периода.

Из других предметов, обнаруженных в погр. № 9, надо отметить бусы в основном округло-цилиндрической, несколько уплощенной формы из сердолика, гагата, пасты, стекла и других минералов, а также фрагменты железного изогнутого ножа со следами деревянной ручки, трехперые черешковые наконечники стрел, плохо сохранившиеся поделки из железа (бесформенные отдельные фрагменты), обломки серебряных и медных округлых пряжек, фрагменты железных пряжек квадратной формы, обнаруженных у конского захоронения, характерных для последних веков до н. э. (рис. 4, 38—43).

Погребение № 10 расположено в 0,2—0,22 м северо-западнее края обкладки погр. № 9, в юго-восточной части квадрата В-3 (рис. 2; 3б). Оно находится на отметке —2,15—2,20 м, т. е. на 0,35—0,4 м ниже погр. № 9 и выделено углублением овальной формы (около 0,25—0,28 м), вырытым в материке. В северо-восточной части погр. № 10 впущено в площадь более древней могилы, и стратиграфия здесь весьма сложная. Углубление имеет ширину 0,6—0,62 м, длину около 2,3—2,4 м, глубину 0,15—0,20 м и ориентировано по оси ЮЗ—СВ.

Вся площадь углубления погр. № 10 была покрыта слоем угля, толщиной до 5—12 см, служившим подстилкой расчищенному здесь костяку погребенного. Костяк погребенного, принадлежащий, судя по строению, женщине, имел довольно хорошую сохранность и лежал в вытянутом положении, на спине, руки вытянуты вдоль туловища, голова ориентирована на Ю-З, лицом вверх. Никаких предметов обихода и украшений в этом захоронении не обнаружено, исключение составляет кольцо, обнаруженное на пальце правой руки. Кольцо имело вставку из голубой (египетской?) пасты, укрепленную в перстне-держалке из неокисляющегося белого сплава (платина, электрон?) (рис. 4, 37). Отмечая весьма своеобразный обряд захоронения погр. № 9 (№ 9—11), надо подчеркнуть, что здесь идет речь не о различных или разновременных погребениях, объединенных общей могильной ямой, а о грунтовом захоронении, где главным являлось основное погребение мужчины (№ 9), выделенное каменной обкладкой, весьма богатым набором предметов быта, вооружения, украшения, и погребением зависимых людей

(вероятно, рабов), жены или наложницы, коня и любимого животного (собаки).

По конструкции погребального сооружения, обряду захоронения, погребальному инвентарю погр. № 9 (№ 9—11) находят весьма близкие аналогии с наиболее древними захоронениями Карабудахкентского грунтового могильника, особенно с могилой № 38, датированной К. Ф. Смирновым II—I вв. до н. э.¹⁵

Справедливость подобной датировки для погр. № 9 подтверждается и находками здесь височного бронзового колечка в 1,5 оборота, фрагментов медного проволочного браслета, бронзовых и железных пряжек, трехлопастных черешковых железных наконечников, типичных для данного периода¹⁶, и многочисленными бусами, характерными для памятников Восточного и Северного Кавказа албано-сарматского времени¹⁷. Среди них выделяются импортные бусы ближневосточного происхождения и египетские пастовые бусы в виде скарабеев и «кукиша», получившие широкое распространение на Кавказе и в Предкавказье в последних веках до н. э.—начале н. э.

Анализ погребального инвентаря и обряда погр. № 9 позволяет отнести его, как и могилу № 38 Карабудахкентского грунтового могильника, с которым здесь прослеживаются большие аналогии, ко II—I вв. до н. э. Однако, исходя из наличия здесь определенных типов предметов украшения (бусы, пряжки) и вооружения (наконечники стрел), бытовавших в Дагестане и в первые века н. э., эту датировку можно расширить до I в. н. э., т. е. датировать погребение в пределах I в. до н. э.—I в. н. э.

Погребение № 24 вскрыто в квадрате Б-2 (часть обкладки на границе квадратов Б-3, В-2), на отметке —1,52—1,58 м. Оно представляет собой могильную яму квадратной формы, ориентированную сторонами на ЮЗ—СВ и СЗ—ЮВ, с обкладкой из бутового и частично обработанного камня, уложенной вертикально в два ряда. Размеры погребального сооружения с северо-запада на юго-восток 1,65 м, с юго-запада на северо-восток 0,9 м. Высота обкладки могилы 0,2—0,25 м, ширина 0,2—0,35 м. Внутри обкладки были расчищены фрагменты костей взрослого человека, обнаруженные в юго-восточной части могилы (кости бедра и голени), и отдельно лежащие бутовые камни средних размеров (рис. 5). В северо-западной части могилы был обнаружен фрагмент верхней части черепа, также среди бутового камня,—видимо, обвалившиеся стенки обкладки могилы. Четко судить об ориентации костяка трудно, так как он сохранился фрагментарно, вероятно, погребенный лежал на правом боку в скорченном положении.

В юго-восточной части захоронения, рядом со скоплением костей ног погребенного (квадрат Б-2), обнаружен чернолощенный кувшин округлой формы с вытянутым, несколько вздутым туловом, плоским дном и округлой ручкой, прикрепленной с противоположной от слива стороны к верху горловины и плечикам сосуда (рис. 4, 82). Близкие по форме и орнаментации кувшины известны в материалах захоронений II—I вв. до н. э. Карабудахкентского грунтового могильника (могила

№ 38)¹⁸, они имеют определенное сходство с керамикой Шаракунского могильника середины I тысячелетия до н. э.¹⁹ Здесь же был найден медный проволочный браслет тонкого круглого сечения (рис. 4, 73), характерный для украшений Северного Кавказа, Дагестана и Закавказья второй половины I тысячелетия до н. э.²⁰ В 20 см к западу от черлощенного кувшина лежал еще один плоскодонный небольшой серолощечный сосуд с округлым туловом и несколько расширенной кверху горловиной со сдавленным верхним краем, за счет которого устроен слив типа эпохой, с противоположного от слива конца крепится округлая ручка, основание горловины подчеркнуто валиком с защипами и глубокой врезной волнистой линией (рис. 4, 81). Подобные кувшины были широко распространены в керамике Дагестана и Азербайджана в последние века до н. э.— первые века н. э. и находят себе прямые аналогии среди изделий II—I вв. до н. э.²¹

В северо-западной части могилы (квадрат Б-2), рядом с черепом была обнаружена небольшая плоскодонная красноглиняная чашечка с округлыми стенками и несколько загнутым внутрь заостренным венчиком (рис. 4, 78); имеющая весьма близкие аналогии среди подобной керамики захоронений Карабудахкентского могильника II—I вв. до н. э. Здесь же были найдены бусы из стекла, пасты, сердолика, гагата (рис. 4, 53—64), встречающиеся самые широкие параллели с подобными украшениями из могильников Дагестана и Северного Кавказа последних веков до н. э.— начала н. э.²²

В центральной части захоронения, рядом с фрагментами лучевой кости и фаланг пальцев руки были выявлены серебряное кольцо-перстень, с держателем зооморфной формы в виде стилизованного изображения змеи, с вставкой из рубина (рис. 4, 65), фрагменты двух медных проволочных браслетов округлого сечения (рис. 4, 74, 75), бронзовые височные колечки, бронзовая проволочная подвеска с петельками на концах (рис. 4, 66—68, 70, 71), а также заостренный железный штырь с крючком на верхнем конце (рис. 4, 26). Бронзовые височные колечки, проволочные браслеты, привески с петельками находят себе широкие аналогии среди металлических украшений памятников Дагестана²³, Восточного и Северного Кавказа²⁴ II в. до н. э.—I в. н. э.

Керамика, предметы украшения и другой погребальный инвентарь данного захоронения позволяет отнести его к албанскому периоду и датировать в пределах II—I вв. до н. э. Справедливость подобной датировки может быть аргументирована наличием здесь более архаичной керамики (по сравнению с погр. № 9 Дербентского могильника и могилы № 38 Карабудахкентского могильника), характерной для керамических изделий Азербайджана раннеалбанского времени, и более древним обрядом захоронения в скорченном положении, характерном для погребений Дагестана I тысячелетия до н. э. и исчезающем к рубежу н. э.

Третий горизонт захоронений

Захоронения третьего горизонта сохранились очень плохо. Большие перекопы более поздних могил и фундаментов архитектурных сооружений, а также сильные разрушения (размывы) этого участка еще в древности, не позволяя достаточно уверенно судить о конструктивных особенностях и обряде большинства древнейших захоронений Дербентского могильника. Наиболее сохранилось погр. № 25, однако и оно в значительной степени разрушено.

Погребение № 25 было вскрыто в северо-восточной части раскопа в квадратах В-6, Г-6, на отметке $-3,3-3,35$ м (рис. 5). Могильная яма имела прямоугольную форму и была заглублена в материк на $0,7-0,8$ м, она вытянута по оси СЗ—ЮВ и ориентирована сторонами по странам света, аналогично сторонам раскопа. Длина могильной ямы $3,1-3,2$ м, ширина около $2,2$ м, глубина $0,7-0,8$ м (рис. 5). Внутри яма, возможно, имела обкладку из бутового и обработанного камня, сохранившуюся частично у северо-западной стены могилы (квадрат В-6). Ширина обкладки $0,2-0,35$ м, высота $0,12-0,2$ м. Стенки могильной ямы очень сильно обожжены и имеют поверхность, прокаленную на $1-2$ см, уровень пола покрыт слоем угля и золы и также сильно прокален. В северо-западной части могилы, в квадрате В-6, отмечены фрагменты человеческих костей, не дающие представления о положении костяка погребенного. В юго-восточном углу могилы был обнаружен крупный красноглиняный сосуд в раздавленном состоянии (рис. 5). Он представлял собой большой тарный кувшин типа хума, округлой, яйцевидной формы, с плоским дном и широким устьем, с невыделенным венчиком (горловина отсутствует) (рис. 6, 9). В верхней части сосуда у основания устья имеются округлые налесты-выступы, а на тулове выступы рогообразной или серповидной формы.

По форме, фактуре и орнаментации данный сосуд имеет значительное сходство с сосудами каякентско-хорочоевской культуры²⁵, что может свидетельствовать о значительной преемственности и близости керамических традиций. Очень близкие аналогии прослеживаются и с керамическими комплексами древнейших захоронений Мугерганского могильника²⁶, датируемых М. И. Пикуль XI—VIII вв. до н. э.²⁷

Здесь же был найден крупный горшкообразный буроглиняный сосуд с широким устьем и слабовыпуклыми боками, покрытый грубой глиняной обмазкой (рис. 5, 8), имеющий очень близкие параллели в керамике памятников каякентско-хорочоевской культуры²⁸ и прямые аналогии в посуде древнейших захоронений Мугерганского могильника IX—VIII вв. до н. э.²⁹

В северо-восточном углу могилы (квадрат Г-6) найден еще один буроглиняный сосуд с тонкой обмазкой банкообразной формы (рис. 6, 7), также имеющий аналогии в керамике памятников каякентско-хорочоевской культуры³⁰ и Мугерганского могильника³¹. Еще целый ряд буроглиняных сосудов с грубой обмазкой и без нее был найден в различных частях могилы, в основном на юго-восточных и юго-западных

участках захоронения. Это плоскодонные горшки с вытянутым, слегка вздутым в центральной части туловом и прямым широким устьем (рис. 6, 6), фрагменты плоскодонных округлых сосудов с округлым туловом и более узкой прямой горловиной, подчеркнутой вертикальными ребрами-налепами с защипами (рис. 6, 5). Большинство типов такой посуды находит себе весьма близкие или прямые параллели в керамике памятников Северо-Восточного Кавказа конца II—начала I тысячелетий до н. э.³². Наличие среди керамических комплексов погр. № 25 сосудов с грубой и тонкой наружной обмазкой жидкой глиной, налепных валиков с защипами и насечками, рогеобразных, серповидных и горизонтальных налепов, штриховки и вдавлений указывает на тесные генетические связи и преемственность керамических традиций обитателей дербентского холма с носителями предшествующей каякентско-хорчоевской культуры и на близкое сходство представленной здесь культуры с культурой других районов Дагестана переходного этапа от поздней бронзы к раннему железу³³.

Из других находок погр. № 25 следует отметить сердоликовые «рубленные» бусы, удлиненно-цилиндрические бусы из стеклянной пасты (рис. 6, 1—3), бронзовые височные колечки.

Керамический материал комплекса погр. № 25 позволяет отнести его к переходному этапу от поздней бронзы к раннему железу и датировать в пределах X—VIII вв. до н. э. Справедливость подобной датировки подтверждается находкой здесь сердоликовых «рубленных» и приплюснито-овальных сердоликовых бус. Наибольшее распространение первых приходится на XI—VIII вв. до н. э.³⁴, а вторые характерны для памятников Закавказья XIII—XII вв. до н. э.³⁵. К началу I тысячелетия до н. э. относится и широкое распространение удлиненно-цилиндрических бус³⁵.

Погребение № 26 было лишь частично обнажено в северо-западной части раскопа, в квадратах А-2 и А-3, на отметке —2,75—2,8 м (рис. 5). Была вскрыта юго-восточная часть могильной ямы, а остальная часть погребения осталась за пределами раскопа. Исходя из аналогий с погребением № 25, можно предположить, что могильная яма имела прямоугольную форму, юго-восточная сторона ямы была длиной 2,75 м, глубина ямы около 0,5—0,6 м, она заглублена в материк (рис. 5). Подобно погр. № 25, стенки погр. № 26 сильно обожжены и имеют прокаленную поверхность толщиной в 1—1,5 см.

Видимо, аналогичным погр. № 25 и № 26 было еще одно захоронение в центральной части раскопа, но оно сильно разрушено и проследить могильную яму не представляется возможным. Здесь, в квадратах В-3, В-4, В-5, Г-4, Г-5, был обнаружен уровень, покрытый слоем угля и золы и отдельные участки сильно прокаленной поверхности стенок могилы, условно обозначенной как погр. № 27 (рис. 5). Проследить форму могильного сооружения не удалось, но отдельный участок стенки прокаленной поверхности в квадрате В-3 (рис. 5) позволяет думать, что подобно погр. № 25 и № 26, это была прямоугольная яма, с сильно обожженной поверхностью стенок и подстилающим слоем угля и золы на полу могилы.

На вскрытой площади погр. № 26 и № 27 были обнаружены керамика, бусы, металлические предметы. Так, в квадрате В-3, у сохранившегося участка прокаленной стенки погр. № 27 был обнаружен крупный сероглиняный сосуд.

Сосуд имеет округлое, сильно вздутое в центре тулово, несколько биконической формы, плоское, устойчивое дно и сильно зауженное, несколько западающее внутрь, невыделенное устье без горловины (рис. 6, 10). Тесто сосуда серое, хорошего качества, толщина стенок 0,4—0,5 см. Этот сосуд имеет прямые аналогии в керамике Мугерганского могильника IX—VIII вв. до н. э.³⁷. Второй сосуд был обнаружен к северо-востоку от него, в квадрате В-4, он имеет округлое, вздутое тулово, небольшое скругленное, неустойчивое дно, прямую цилиндрическую горловину со сдавленным с боков сливом на венчике типа энохой, с массивной круглой ручкой, крепящейся к верхнему краю венчика и плечикам сосуда (рис. 6, 11). Данный кувшин также имеет самые близкие параллели в комплексе керамики Мугерганского могильника IX—VIII вв. до н. э.³⁸.

Фрагменты буроглиняной керамики с обмазкой и сероглиняной, а также красноглиняной посуды с обожженной поверхностью были обнаружены и в других частях участка, но наибольшее скопление керамики было в его северо-восточной (квадрат В-5) и юго-восточной части (квадрат Г-4). Здесь были обнаружены фрагменты буроглиняных банкообразных сосудов с тонкой обмазкой, буроглиняных горшков с грубой обмазкой, красноглиняных горшков, кувшинов и сосудов, предметы из металла и кости, удлинненно-цилиндрические бусины, бронзовое колечко.

Керамический материал и предметы украшения, полученные с обожженной поверхности погр. № 26 и предполагаемого погр. № 27, позволяют отнести выявленные здесь захоронения к IX—VIII вв. до н. э.

Изучение разновременных захоронений Дербентского могильника, функционировавшего на протяжении длительного периода, от X—VIII вв. до н. э. до VII—VIII вв. н. э., позволяет сделать выводы об этнической принадлежности захороненных, о погребальных сооружениях и идеологических представлениях древнего населения Дербента.

Изучение верхнего (первого) горизонта погребений дало представление о раннемусульманских, вероятней всего раннеарабских, захоронениях Дагестана, отличавшихся большой простотой могильных сооружений и погребального обряда. Значение подобных исследований трудно переоценить, так как это одни из самых ранних раскопанных мусульманских погребений в нашей стране, дающие представление о погребальных культах ранней стадии ислама на завоеванных территориях. Исследование погребений второго горизонта, датированных албанским временем, позволяет сделать вывод о местном характере представленного здесь похоронного обряда и погребального инвентаря. Конструкция погребальных сооружений, обряд захоронения и погребальный инвентарь могильника дают возможность утверждать, что на данном этапе функционирования он принадлежал местному дербентскому населению, связанному с обитателями Центрального и Южного

Дагестана, Северного Азербайджана общими этно-культурными традициями.

Однако наличие в погр. № 9 (9—11) захоронений коня, собаки, отдельных предметов вооружения и быта, характерных для кочевых племен сарматского круга, может свидетельствовать об определенном влиянии культуры кочевых народов Северного Кавказа и Предкавказья на быт и идеологические представления населения Дербента. Но степень этого влияния, судя по материалам Дербентского могильника, была весьма незначительна, и не может быть сопоставима с уровнем сарматизации, отмеченным в материалах Таркинского и, в меньшей степени, Карабудахкентского могильников. Наличие среди захоронений Дербентского могильника I в. до н. э.—I в. н. э. богатых погребений, в которых покойника «в загробный мир» сопровождали не только богатый инвентарь и украшения, но и зависимые люди, жена, любимые животные, свидетельствует о далеко зашедших в дербентском обществе процессах социальной и имущественной дифференциации, о его классовом характере. Присутствие среди предметов погребального инвентаря значительного количества импортных изделий (бусы, кольца, перстни, зеркала, оружие) служит ярким показателем возросших торговых связей города и их активного влияния на экономику Дербента, обусловленных повышением интенсивности товарообмена по Прикаспийскому пути.

Изучение самого древнего третьего горизонта захоронений Дербента гозволяет сделать вывод о том, что погребения X—VIII вв. до н. э. оставлены местным населением, тесно связанным с обитателями Северо-Восточного Кавказа едиными этно-культурными традициями, восходящими генетически к эпохе поздней бронзы. Анализ погребального инвентаря и сооружений Дербентского могильника убедительно свидетельствует о преемственности и тесной связи населения, оставившего его древнейшие захоронения, с носителями каякентско-хорочоевской культуры.

* * *

¹ *Мартirosян А. А.* Аргиштихинили.— В кн.: Археологические памятники Армении. Ереван, 1974, вып. 1, рис. 21; рис. 65—68.

² *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент.— МАД. Махачкала, 1961, т. 2, рис. 33, № 46.

³ *Казиев С. М.* Альбом кувшинных погребений. Археологические раскопки в Мингечауре. Баку, 1960, табл. XII, 4—7.

⁴ *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с. 26—27, рис. 6, 12; *Давудов О. М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974, с. 179—180, табл. IX—X; *Кудрявцев А. А.* Первые исследования досасанидского Дербента.— В кн.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977, табл. I—III; *Он же.* Древние поселения на дербентском холме.— В кн.: Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983, рис. 5, 9.

⁵ *Исмаи-заде О. Ш.* Яллойлутепинская культура. Баку, 1956, табл. XII—XX; *Ка-*

зиев С. М. Альбом кувшинных погребений, табл. XXI—XXII; Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники..., рис. 26; рис. 32; Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана.— МАД, Махачкала, 1959, т. I, табл. III; Котович В. Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана.— МАД, Махачкала, 1959, т. I, табл. VIII, рис. 7; Давудов О. М. Культуры Дагестана..., табл. X—XI; Кудрявцев А. А. Первые исследования..., табл. VII—VIII; Он же. Древний Дербент. М., 1982, с. 57; рис. 3; Он же. Древние поселения..., рис. 5, 9; рис. 8.

⁶ Иессен А. А. Поселение Уч-тепе (1958—1960 гг.).—МИА, 1965, № 125, рис. 18, 3, 20, 1; 21, 2; Мартиросян А. А. Аргистихиняли, рис. 48; рис. 55—56; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971, табл. 12а, 4—5; табл. 13а, 6—7.

⁷ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники..., рис. 3, № 226; Давудов О. М. Сумбатлинский могильник.— В кн.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977, табл. III, 9; Казиев С. М. Альбом кувшинных погребений, табл. XI, 1.

⁸ Ковалевский В. Б. Кавказ и аланы. М., 1984, табл. IX.

⁹ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники..., рис. 21—22.

¹⁰ Рзаев Н. И. Художественная керамика..., рис. 3—4; 29, 31; Он же. Искусство Кавказской Албании IV в. до н. э.—VII в. н. э. Баку, 1976, с. 205, рис. 1—4.

¹¹ Исмизаде О. Ш. Раскопки холма Кара-тепе в Мильской степи (1954—1958 гг.)—МИА, 1965, № 125, рис. 16; 20.

¹² Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники..., рис. 21; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история..., табл. 165; Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972, рис. 7, 65.

¹³ Марковин В. И. Дагестан и Горная Чечня в древности. М., 1969, с. 57—58; рис. 25; Давудов О. М. Культуры Дагестана..., табл. X.

¹⁴ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники..., с. 191, рис. 21, № 389; Давудов О. М. Культуры Дагестана..., табл. XI.

¹⁵ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники..., с. 207.

¹⁶ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники..., рис. 4—5, 10; 19, 20; 38—40; Пикуль М. И. Эпоха..., рис. 26, 30; Казиев С. М. Альбом кувшинных погребений, табл. XXXVII, XXXIX; Абрамова М. М. Нижне-Джулатский могильник, рис. 2—6.

¹⁷ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники..., рис. 4—5, 20; Пикуль М. И. Эпоха раннего железа..., рис. 26; Казиев С. М. Альбом кувшинных погребений, табл. XI П; Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник, рис. 3—6; Давудов О. М. Культуры Дагестана..., табл. XIII.

¹⁸ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники..., рис. 21, № 309; рис. 26.

¹⁹ Давудов О. М. Культуры Дагестана..., табл. XI, 3—4.

²⁰ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники..., рис. 10; 19; Пикуль М. И. Эпоха раннего железа..., рис. 26; 30; Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник, рис. 2—5; Мартиросян А. А. Аргистихиняли, рис. 85; Казиев С. М. Альбом кувшинных погребений, табл. XXXVII.

²¹ Казиев С. М. Альбом кувшинных погребений, табл. XXII; Рзаев Н. И. Художественная керамика Кавказской Албании, Баку, 1964, рис. 56; Давудов О. М. Культуры Дагестана..., табл. XI.

²² Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники..., рис. 20; Пикуль М. И. Эпоха раннего железа..., рис. 26; Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник, рис. 3—6.

- ²³ *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники..., рис. 10; 19; *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа..., рис. 26; 30.
- ²⁴ *Казиев С. М.* Альбом кувшинных погребений, табл. XXXVII; табл. XXXIX, *Абрамова М. П.* Нижне-Джуглатский могильник, рис. 2—5.
- ²⁵ *Марковин В. И.* Дагестан и Горная Чечня..., рис. 23; 25.
- ²⁶ *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа..., рис. 5.
- ²⁷ Там же, с. 31.
- ²⁸ *Марковин В. И.* Дагестан и Горная Чечня..., рис. 23, 5—10.
- ²⁹ *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа..., рис. 5. 26.
- ³⁰ *Марковин В. И.* Дагестан и Горная Чечня..., рис. 24, 4. 6.
- ³¹ *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа..., рис. 5, 25.
- ³² *Марковин В. И.* Дагестан и Горная Чечня..., рис. 23—25; *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа..., рис. 5; *Давудов О. М.* Культуры Дагестана..., табл. V—VI.
- ³³ *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа..., с. 26—29; *Давудов О. М.* Культуры Дагестана..., табл. V—VI.
- ³⁴ *Леммлейн Г. Г.* Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе.— КСИИМК, 1947, вып. 18, с. 24, рис. 7, 3.
- ³⁵ *Абрамишвили Р. М.* К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самгаврском могильнике.— ВГМГ. Тбилиси, 1957, вып. 21, с. 188.
- ³⁶ *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа..., с. 71; *Марковин В. И.* Дагестан и Горная Чечня..., рис. 33; *Костюченко И. П.* Раскопки Мнатинского курганного поля в 1955 г.— МАД. Махачкала, 1959, т. I, рис. 9.
- ³⁷ *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа..., рис. 5, 16.
- ³⁸ Там же, рис. 5, 12, 17.

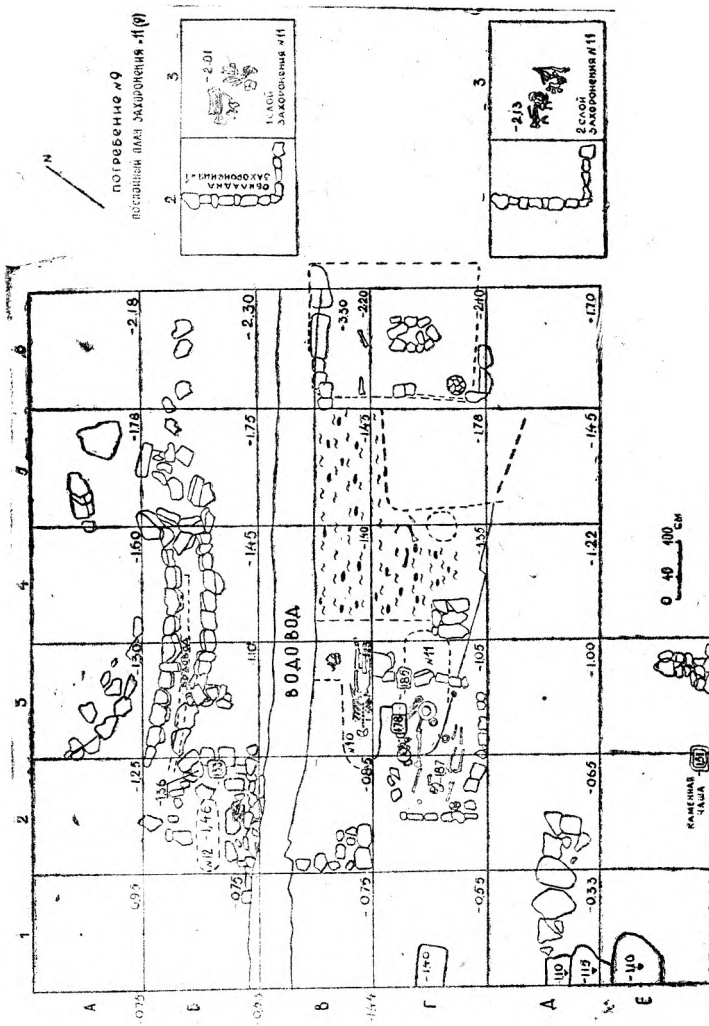

Рис. 2. Послойный план № 2 могильника. Второй горизонт захоронений албапо-сарматского времени.

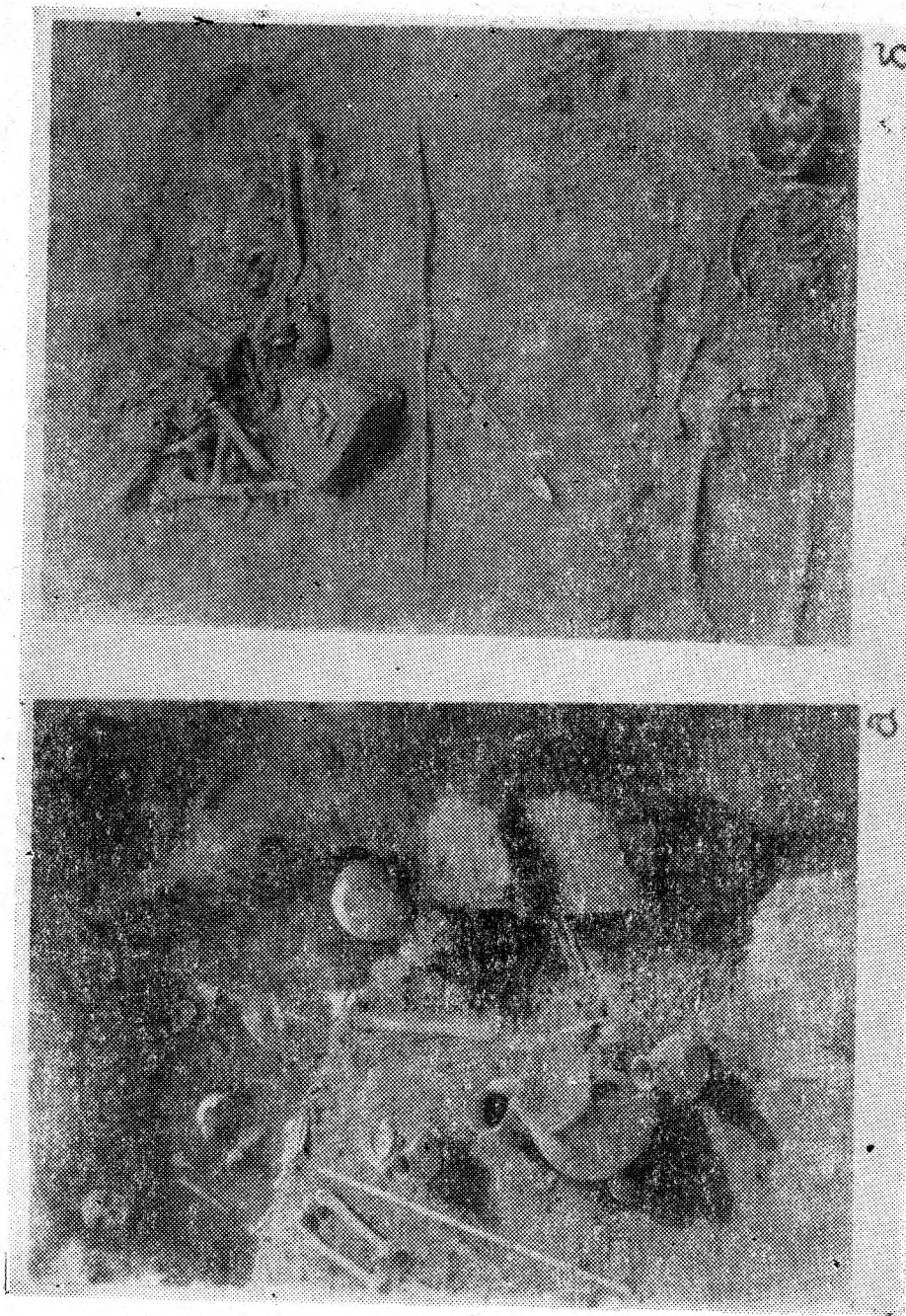

Рис. 3. Погребение № 9 (а — погр. № 9; б — погр. № 10, 11).

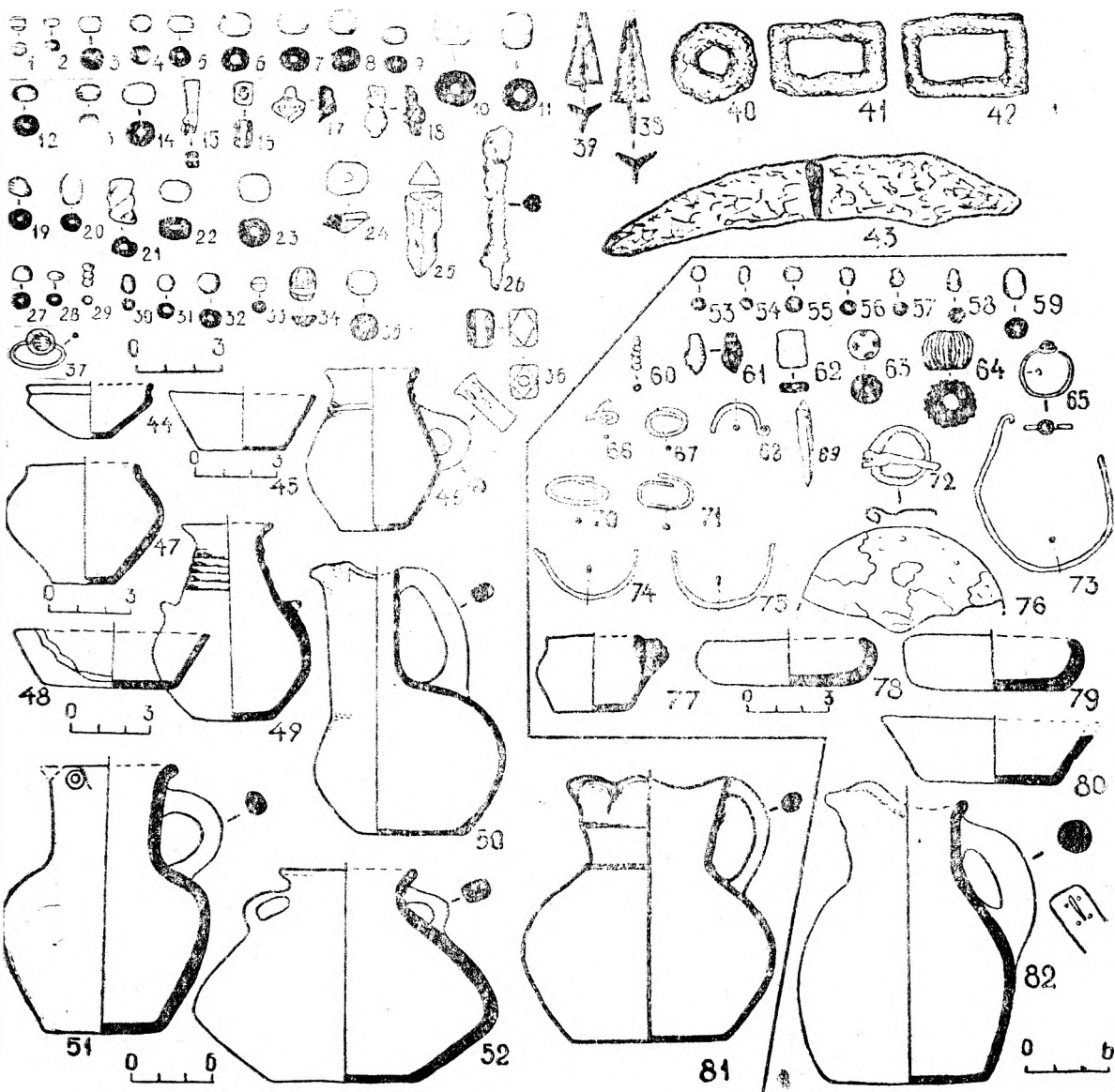

Рис. 4. Инвентарь погребений № 9 (1—52, 81); № 10 (37), № 24 (53—80, 82).

1—5, 53—58 — сердолик; 6—11, 35, 36 — гагат; 12—14, 19—33, 59—61 — стекло; 15—18, 34, 62—64 — паста; 38—43, 76, 69 — железо; 25 — кремнь; 37, 65—68, 70—75 — бронза; 44—52, 77—82 — керамика.

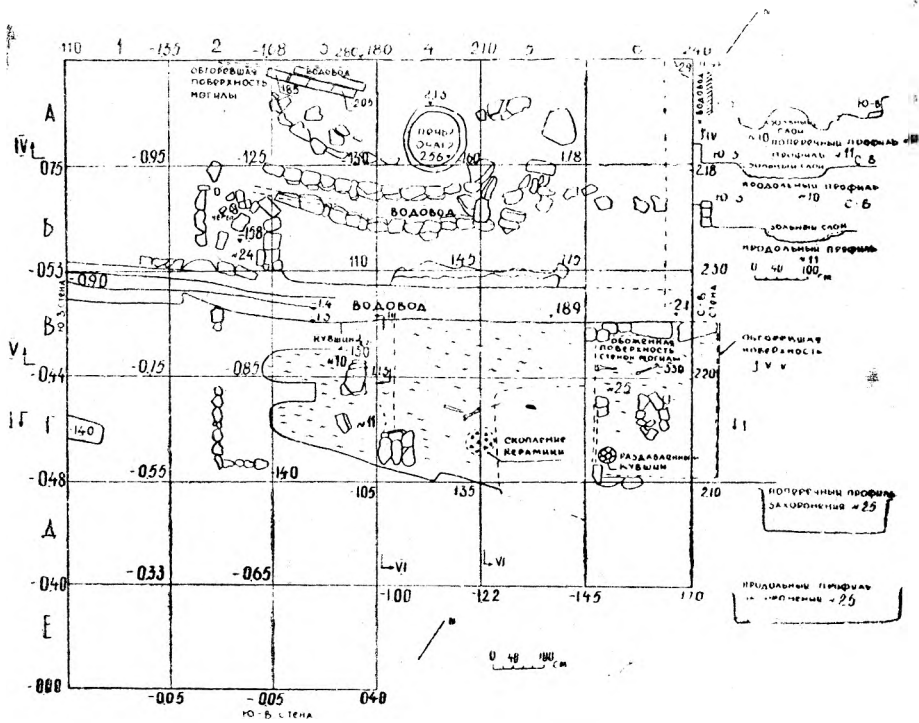

Рис. 5. Послойный план № 3 могильника. Третий (нижний) горизонт захоронений периода перехода от бронзы к раннему железу и эпохи раннего железа.

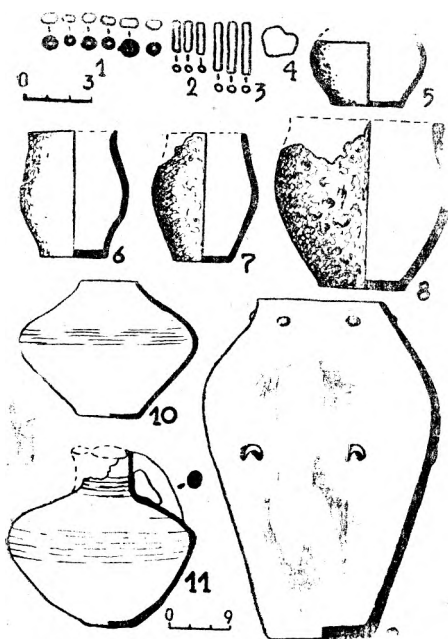

Рис. 6. Инвентарь погребений № 25, 26.

ПАЛАСА-СЫРТСКИЙ МОГИЛЬНИК

(По материалам раскопок 1981—1983 гг.)

Паласа-сыртский курганный могильник относится к числу памятников малонзученных¹.

В связи с подготовкой V Археологического съезда были проведены археологические изыскания на Северном Кавказе, в том числе И. О. Цилюсани начал раскопки в Южном Дагестане Паласа-сыртского могильника. В публикации их результатов дано дневниковое описание раскопок 22 подкурганных катакомб². В 1953 г. В. Г. Котовичем было раскопано на могильнике 5 курганов с катакомбными захоронениями³. Исследователь определил хронологию⁴ и этническую принадлежность⁵ вскрытых погребений.

Паласа-сыртская археологическая экспедиция Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, начавшая в 1981 г. стационарные раскопки могильника, выявила новые данные, касающиеся топографии, конструкции погребальных сооружений, обряда захоронения, что позволило значительно дополнить культурно-историческую характеристику памятника⁶.

Погребения Паласа-сыртского могильника совершены под земляными насыпями, большая часть которых имеет высоту 0,4—0,8 м при диаметре 6—12 м; есть насыпи высотой 1 м при диаметре 12—14 м и высотой 0,25—0,35 м при диаметре 6—8 м, последние едва заметны на дневной поверхности. Курганы возводились над одним погребением (одиночным или парным), в некоторых насыпях зафиксированы впускные захоронения детей⁷.

На Паласа-сыртском могильнике выделяются три группы погребальных сооружений, различающиеся между собой основными признаками конструктивного устройства (катакомбы, подбойные могилы, ямы) (рис. 1).

На могильнике была выявлена взаимосвязь между погребальным сооружением и величиной курганной насыпи: под курганами средней высоты находились захоронения в катакомбе или подбое, под малыми курганами — захоронения в ямах, причем последние группировались вокруг катакомбных захоронений.

Катакомбы (26 погребений) сооружались в плотном суглинистом грунте, в слое материковой глины или плотной заизвесткованной супеси. Входные ямы подпрямоугольной формы ориентированы в основном с СЗ на ЮВ (18 погребений), имеются погребения, входные ямы которых вытянуты длинной осью с СВ на ЮЗ (4 погребения) и с С на Ю (3 погребения).

Вход в погребальную камеру сооружался в северной торцевой или западной продольной стенке входной ямы и закрывался одной или несколькими вертикально поставленными каменными плитами, иногда плиты примазывались к стенке глиняным раствором. Погребальные камеры сооружались перпендикулярно длинной оси входной ямы (тип 1) или параллельно ей (тип 2) (рис. 1). Катакомбы первого типа встречены трех вариантов: 1) с одинаковым уровнем пола погребальных камер и дна входных ям (3 погребения); 2) уровень пола камер которых ниже уровня дна входных ям (9 погребений); одна из торцевых стенок входных ям которых имеет ступенчатую конструкцию (4 погребения). Катакомбы второго типа по особенностям конструктивного устройства также разделяются на несколько вариантов: 1) с одинаковым уровнем пола погребальных камер и дна входных ям (2 погребения); 2) уровень пола погребальных камер которых ниже уровня дна входных ям (10 погребений); 3) с погребальной камерой, расположенной выше дна входной ямы (1 погребение); 4) продольная стенка входной ямы которой имеет ступенчатую конструкцию (1 погребение); 5) с двумя входными ямами, расположенными параллельно друг другу; уровень дна второй ямы ниже уровня дна первой (1 погребение). Погребальные камеры ориентированы с СВ на ЮЗ (16 погребений), с СЗ на ЮВ (5 погребений), с С на Ю (3 погребения), с В на З (1 погребение).

В катакомбах погребенные помещались вытянуто на спине на растительных подстилках иногда в сочетании с меловой или зольной подсыпкой. Ориентация погребенных различна, однако наблюдается тенденция к ее устойчивости: из 16 непо потревоженных костяков 10 ориентированы головой на ЮЗ, три — на Ю, два — на ЮВ, один на З. У большинства погребенных в катакомбах головы были склонены к правому плечу, в сторону входа в погребальную камеру (7 погребенных), зафиксированы также костяки, лежавшие лицевыми костями вверх (5 погребенных) или со склоненной головой к левому плечу (3 погребенных)⁸. Даже в парных погребениях головы погребенных были повернуты в одну или разные стороны. Положение рук погребенных — неустойчивое: вытянуты вдоль туловища, обе или одна из рук согнуты в локтевых суставах. Ноги также в основном вытянуты, иногда широко раздвинуты. Исключением является погребенный в кургане № 2, ноги которого были согнуты в коленях и погребенный в кургане № 20, у которого была согнута в колене левая нога.

Подбойная могила (1 погребение) ориентирована с СЗ на ЮВ; в юго-западной продольной стенке входной ямы была вырублена подбойная камера, заложная каменными плитами (рис. 1). Дно подбойной камеры находилось на 0,38 м ниже уровня входной ямы. На дне подбойной камеры, на растительной подстилке, вытянуто на левом боку, лицевыми костями вверх лежал погребенный. Левая рука его была вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте, кисть покоилась на тазовых костях, ноги вытянуты. Погребенный в подбойной могиле ориентирован головой к ЮВ.

Погребения в ямах (8 погребений). Ямные погребения сооружались в плотном суглинистом грунте. Ямы заполнялись супесью, в редких случаях — песком или суглинком; яма в кургане № 28 была обложена сверху камнями в один слой. На могильнике встречены ямы простой прямоугольной формы различной ширины и глубины (тип I); могильная яма кургана № 28 отличается некоторыми особенностями внутреннего устройства (в одной из торцовых стенок сооружена неглубокая ниша, перекрывавшаяся сверху каменной плитой; дно в средней части углублено по всей длине ямы; сверху яма обкладывалась в один слой камнями) и поэтому она отнесена к типу 2 (рис. 1).

Все ямные могилы ориентированы с СЗ на ЮВ, погребенные лежали вытянуто на спине, головой к ЮВ⁹. Из четырех сохранившихся костяков у двух головы были склонены к правому плечу, у двух других — к левому плечу. Руки погребенных в ямах вытянуты и плотно прижаты к туловищу (исключение составляет костяк из кургана № 22, левая рука которого была согнута в локте), ноги погребенных также вытянуты.

Исследования на Паласа-сыртском могильнике показали, что независимо от типа погребального сооружения для погребенных характерна южная ориентировка с отклонением к востоку или западу (ЮЗ ориентировка — 10 погребений; ЮВ ориентировка — 7 погребений; Ю ориентировка — 3 погребения; З ориентировка — 1 погребение; СЗ ориентировка — 1 детское погребение).

Погребальный инвентарь Паласа-сыртского могильника состоит из керамики, оружия, орудий труда, предметов одежды, украшений, культовых предметов, предметов туалета. Распределен погребальный инвентарь по погребальным сооружениям неравномерно: грунтовые захоронения сопровождал скудный невыразительный погребальный инвентарь; катакомбные захоронения отличались разнообразием инвентаря (керамика, оружие, орудия труда, предметы одежды и туалетные наборы). Среди катакомбных погребений выделяются отдельные захоронения, отличающиеся наличием изделий из драгоценных материалов (золото, серебро), а также привозных редких украшений.

К е р а м и к а

Кувшины.

Тип 1 (5 экз.). Красноангобированные кувшины ручной выделки с асимметричным туловом шаровидной формы, невысоким цилиндрическим горлом, край которого слегка отогнут наружу. Дно широкое; ленточная ручка, украшенная поперечным налетом или продольным желобком, крепилась к верхней части горловины и плечикам сосуда (рис. 2В—2; 5Б—1; 4А—2; 4В—1, 2; 7—6). Кувшины этого типа широко представлены в культурных слоях поселений и инвентаре могильников Центрального¹⁰ и Южного Дагестана¹¹. М. П. Абрамова считает кувшины этого типа характерными для Дагестана IV—V вв. н. э.¹²

Тип 2 (6 экз.). Серолощенные кувшины ручной выделки. По форме тулова и пропорциям выделяются три их разновидности. 1) Грушевид-

ной формы (рис. 2В—1; 3В—3; 3Б—2; 2Г—6), с приземистым туловом (линия наибольшего расширения тулова находится на уровне $\frac{1}{4}$ высоты сосуда). Горловина сосуда цилиндрической формы плавно переходит в тулово. Основание горловины некоторых сосудов выделялось невысоким валиком, край горловины — неглубоким желобком. Круглые или овальные в сечении ручки украшались косыми насечками, у одного сосуда ручка была трубчатая. Из четырех кувшинов данной разновидности только один орнаментирован по горловине вертикальными лощеными полосками, а по тулову пересекающимися в виде ромбов (рис. 2Г—6). Кувшины этого типа являются характерными для ранне-средневековых памятников степных районов Дагестана¹³. 2) Небольшой (высота 13 см) безручный кувшин-кубышка (рис. 4Г—5) с приземистым ассиметричным туловом (линия наибольшего расширения тулова находится на уровне $\frac{1}{4}$ высоты сосуда), невысокой воронкообразной формы горловиной, широким дном. Сосуд украшен горизонтальными лощеными полосками по горловине, а по тулову — пересекающимися в виде ромбов, выполненными в технике глубокого лощения. Сосуды, украшенные лощеными полосками, выполненными в технике глубокого лощения, довольно редко встречаются в культурных слоях памятников Северного Дагестана¹⁴ VI—VII вв. н. э. Форма столовых сосудов-кубышек также довольно редкая — известны два сосуда подобной формы из погребений Верхнечирюртовского грунтового могильника¹⁵, однако они несколько отличаются по форме и орнаментации. Почти точная аналогия кубышки Паласа-Сыртского могильника имеется на Дмитровском могильнике¹⁶, однако представленный там экземпляр не имеет горловины. 3) Серолощенный кувшин (рис. 4А—1), с шаровидным туловом, высокой цилиндрической горловиной, украшенной горизонтальными лощеными полосками. Тулово кувшина орнаментировано восемью вертикальными желобками и лощеными полосками. Точная аналогия кувшину описанного вида нам не известна. Безручный сосуд с ребристым туловом имеется в грунтовом погребении № 6 Карабудахкентского могильника № 3 II—III вв. н. э.¹⁷

Тип 3. (4 экз.). Розовоглиняные лощеные тонкостенные кувшины ручной выделки со сливным носиком. По форме тулова среди кувшинов третьего типа выделяются две разновидности. 1) Грушевидной формы (рис. 2Б—7; 6—37) с приземистым туловом (линия наибольшего расширения тулова находится на уровне $\frac{1}{3}$ высоты сосуда). Высокая горловина расширяется к тулову, переход к которому плавный. Плечики выражены слабо, донце широкое. Сливные носики энохоевидной и клювообразной формы украшены круглыми плоскими налепами; 2) кувшин крупных размеров (высота 28 см) с умеренно расширенным туловом (линия наибольшего расширения тулова находится на уровне $\frac{2}{5}$ высоты). Горловина невысокая, расширяющаяся к тулову. Переход к тулову резкий, плечики кувшина крутые. Сливной носик клювообразной формы. Кувшин украшен тремя небольшими круглыми налепами, помещенными в верхней части тулова (рис. 2А). Розоволащенная керамика описанных форм хорошо представлена на памятниках предгорных

и горных районов Дагестана, где она датируется V—X вв. н. э.¹⁸ Отличительной чертой розоволощенных кувшинов подобной формы является украшение тулова и основания горловины елочным орнаментом. Розоволощенные кувшины Паласа-сыртского могильника такой орнаментации не имеют и, вероятно, являются более ранними по происхождению.

Горшки (6 экз.) Паласа-сыртского могильника сероглиняные, поверхность их заглажена, имеются следы копоти. По форме тулова выделяются три типа.

Тип 1 (1 экз.). Горшок вытянутых пропорций, венчик отогнут наружу, плечики покатые, дно широкое (высота 14,4 см) (рис. 3А—7).

Тип 2 (3 экз.). Миниатюрные горшочки (высота 7,4—12,5 см) шаровидной формы, венчик отогнут наружу, плечики крутые, дно широкое (рис. 3А—1, 2; 6—38).

Тип 3 (2 экз.). Миниатюрные горшочки (высота 7,8—8,5 см) вытянутых пропорций, плечики крутые, венчик отогнут наружу. Оба сосуда снабжены петлевидной ручкой, крепившейся к плечуку (рис. 5Б—2, 17).

Безручные кухонные горшки с отогнутым венчиком получили широкое распространение в степных и предгорных районах Дагестана в I—VI вв. н. э.¹⁹ Горшочек с одной петлевидной ручкой встречен в кургане № 4 Паласа-сыртского могильника (раскопки В. Г. Котовича)²⁰.

Из 34 раскопанных погребений Паласа-сыртского могильника, в инвентаре 17 имелись керамические сосуды. Большинство погребений имели по одному сосуду; погребения в кургане № 1, 20 и детское погребение в кургане № 10 — 2 сосуда; детское погребение в кургане № 6 содержало три керамических сосуда. Сосуды ставились у изголовья погребенных: слева (7 погребений), справа (5 погребений), по обе стороны (1 погребение), между черепами в парном погребении (1 погребение); в трех ограбленных погребениях местоположение керамики не выяснено. Из 22 керамических сосудов — 6 покрыты красным ангобом, 4 розоволощенные, 6 серолощенные, 6 сероглиняные с заглаженной поверхностью: кувшины первого типа (4 погребения), второго типа (5 погребений), третьего типа (3 погребения); горшок первого типа (1 погребение); кувшин третьего типа и горшок второго типа (1 погребение); кувшины первого и второго типов (1 погребение); горшки второго типа (1 погребение); кувшин первого типа и два горшка третьего типа (1 погребение).

Оружие представлено железными мечами. Сохранность очень плохая, целых экземпляров нет. Мечи найдены в трех погребениях (погребения в кургане № 12, 17, в погребении № 1 кургана № 6 — 2 меча). Длина лезвия сохранившихся фрагментов 25; 18,5; 33 и 45 см. Мечи имеют обоюдоострое лезвие, узкую рукоять, короткий черенок для насадки рукоятки (рис. 5А — 1,2; 4Г — 4; 4В — 3). Меч подобного типа известен из Буйнакского кургана, он датируется М. П. Абрамовой IV—V вв. н. э.²¹ Местоположение мечей определимо только в одном случае (погребение в кургане № 12) — у кисти левой руки.

Орудия труда представлены ножами, встреченными в пяти погребениях (рис. 3В—1; 3А—6; 3Г—13; 7—4) и железной игольницей

(рис. 18—1). Ножи очень плохой сохранности, наиболее сохранившийся экземпляр из погребения в кургане № 22 имеет горбатую спинку, прямое лезвие (длина лезвий — 9 см, ширина — 2,2 см, длина черенка для насадки ручки — 3 см). На лезвии ножа из погребения № 1 кургана № 10 сохранились следы бронзовой заклепки, которой, видимо, крепилась деревянная ручка. Местоположение ножей в могилах различное: реберные кости у левой руки (1 погребение), слева от черепа (1 погребение), справа от черепа (1 погребение), у правой бедренной кости (1 погребение). Ножи подобной формы представлены в погребениях ранней (II—III вв. н. э.) и поздней (IV—V вв. н. э.) группы Буйнакского кургана²².

Железная игольница, встреченная в погребении кургана № 22, состояла из трубочки с обломанным концом (длина 6,8 см, диаметр 1 см), продольный шов соединения разошелся; внутри имелся сильно окислившийся железный стержень, один из концов которого был заострен (рис. 7—1). Бронзовые игольники, состоявшие из двух трубочек встречены в погребении № 2 IV—V вв. н. э. Паласа-сыртского могильника (раскопки В. Г. Котовича)²³, в погребении № 72 и 79 IV—V в. н. э. Верхнечирюртовского грунтового могильника²⁴. Видимо, железную игольницу также можно отнести к IV—V вв. н. э.

Предметы одежды

Пряжки найдены всего в 8 погребениях (13 экз.). Пряжки Паласа-сыртского могильника относятся к разряду составных (рис. 2Г—1, 2; 5А—3, 4; 3В—2; 5Б—1; 4Г—1, 2; 6—33, 34; 3Г—14; 7—3). Рамка овальной или круглой формы выполнена из серебряного, бронзового или железного прута, утолщенного спереди. Имеется один экземпляр пряжки, круглая рамка которой гагатовая. Язычки пряжек подвижные. Большая часть пряжек (11 экз.) — безщитковые (бронзовые пряжки 7 экз., железные — 4 экз.). Бронзовые безщитковые пряжки небольших размеров (диаметр рамки — 1—1,5 см), железные — более массивные (диаметр рамки — 1,8—2,6 см). В погребении кургана № 20 вместе с миниатюрной бронзовой пряжкой встречена железная пряжка с диаметром щитка 3,2 см. Язычки безщитковых пряжек из погребений Паласа-сыртского могильника слегка выступают за пределы рамки. В погребении кургана № 12 встречены две пряжки круглорамчатой и овальнорамчатой формы с круглым щитком, прикреплявшимся к ремню шпеньком (рис. 4Г—1, 2). Подвижные язычки этих пряжек — хоботковой формы, срезаны высокой ступенькой. Одна пряжка выполнена из серебра, у другой — щиток и язычок серебряные, а рамка гагатовая, на которой вырезано углубление в месте прикрепления щитка к рамке (рис. 4Г—2).

Пряжки, представленные в погребальном инвентаре Паласа-сыртского могильника, являются одной из ведущих форм пряжек периода Великого переселения народов (IV—V вв. н. э.)²⁵, они представлены на обширной территории степей Евразии, в Прикамье, Южной Башкирии²⁶,

Нижнем Поволжье²⁷, Предкавказье²⁸, Северном Причерноморье²⁹. В Дагестане пряжки подобной формы зафиксированы в Буйнакском кургане, где датируются IV—V вв. н. э.³⁰, к этому же времени отнес бронзовую пряжку с хоботовым язычком В. Г. Котович (погребение в кургане № 1, раскопки В. Г. Котовича). IV—V вв. датируются все поясные пряжки из вышеописанных погребений Паласа-сыртского могильника. Большинство пряжек было найдено в области тазовых костей (4 экз.), у правого плеча (1 экз.), между левой плечевой костью и грудной клеткой (1 экз.), на реберных костях справа (1 экз.). На одной из пряжек имеются отпечатки ткани.

Наконечники ремня встречены в разграбленном погребении кургана № 6 (2 экз.). Они состояли из двух тонких серебряных пластин (длина 3,8 см, ширина 0,7 см), один из концов которых закруглен. Пластины скреплены двумя заклепками (рис. 5А—5).

Ременные обоймы (рис. 6—36) встречены в погребении кургана № 20 (2 экз.). Они представляют собой две тонкие узкие бронзовые пластины, один из концов имеет подковообразное расширение (длина 6,8 см, ширина 0,5 см, ширина подковообразной части 1,5 см). Пластины скреплены на узком конце двумя заклепками (расстояние между заклепками 3,8 см). Обоймы лежали в верхней части груди погребенного, у обоих ключиц. Аналогии нам не известны.

Фибулы обнаружены в четырех погребениях. Они относятся к разряду двупластинчатых (1 экз.) (рис. 6—3) и лучковых подвязных фибул (3 экз.) (рис. 3Г—12, 15; 7—2). Двупластинчатая фибула выполнена из бронзы. Ножка невелика и наиболее расширена посередине (длина фибулы 5,8 см). Спинка высокая (высота 1,5 см), приемник выполнен в виде изогнутой пластинки, припаянной к ножке. Пружина также припаяна с помощью тонкой пластины к головке. Фибула лежала у тазовых костей погребенного, слева от позвоночника иглой вверх. На спинке фибулы была намотана толстая нитка. Фибулы данного разряда датируются А. К. Амброзом IV в. н. э.³²

Лучковые фибулы Паласа-сыртского могильника выполнены из серебряного, бронзового (2 экз.) или железного (1 экз.) стержня. Они небольшие (длина корпуса 2,5 и 4,7 см, высота спинки — 1; 1,5 см). Одна фибула выполнена из толстой серебряной проволоки, ножка фибулы раскована, конец ее загнут и является приемником. По определению А. К. Амброза, фибулы подобной формы предположительно могут быть отнесены к III—IV вв. н. э.³³ Данная фибула зафиксирована в верхней части груди, у позвонков. Две другие выполнены из железного и бронзового стержня. Спинка этих фибул обмотана тонкой бронзовой проволокой. Форма приемника не определяется. На игле одной из фибул сохранились остатки ткани (нижний слой) и кожи (верхний слой). Местоположение не определяется. Фибулы подобной формы, по мнению А. К. Амброза, характерны для Северного Кавказа в IV в. н. э.³⁴

Нашивная бляшка встречена в погребении кургана № 20 (рис. 6—27). Она выполнена из золота, форма круглая (диаметр 0,5 см). На оборотной стороне имеются две припаянные золотые петельки. Бляшка

инкрустирована вставкой красновато-коричневого цвета (стекло, сердолик?), посаженной на скрепляющий раствор в виде белой пасты. Бляшка лежала в левой части грудной клетки. Золотые бляшки с вставками красного цвета полудрагоценных камней являются характерными для гуннской эпохи³⁵.

Ткань. В коллекции погребального инвентаря имеются фрагменты ткани и кожи (погребение кургана № 18), фрагмент ткани (погребение № 1 кургана № 6), а также отпечатки ткани, сохранившиеся на ноже (погребение в кургане № 7), на железной пряжке (погребение в кургане № 20), на железной игольнице (погребение в кургане № 22).

Украшения представлены бусами, височным кольцом, серьгами.

Бусы обнаружены в 10 погребениях. Количество бус в погребениях различно, от трех до 289 экземпляров. Бусы находились в области шейных позвонков (2 погребения), на грудной и реберных костях (1 погребение), на реберных костях справа от позвоночника (1 погребение). В погребении № 20 наборы бус были сконцентрированы: у правого плеча рядом с бронзовой пряжкой; над левой половиной таза рядом с фибулой (нанизаны на толстую нитку); в нижней части груди, на левой тазовой кости рядом с бронзовым зеркалом. В остальных случаях положение бус неопределимо. Бусы выполнены из различных материалов: египетского фаянса, стекла, гагата, сердолика, халцедона, кости, камня, раковин, бронзы (рис. 2В—(4—6); 2Г—(3—5); 2Б—(1—6); 4Б; 5Б—(3—15); 3А—(3—5); 6—(1—26); 3Г—(3—10)). Перечислим основные виды бус.

1. Из египетского фаянса: округлой формы бирюзового цвета, с ребристой поверхностью (3 экз.); четырехгранник бирюзового цвета (2 экз.).

2. Из прозрачного стекла: мелкие бусы линзовидной и цилиндрической формы темно-синего и зеленого цвета (56 экз.); подвеска желто-зеленого цвета, с ребристым туловом и петелькой (1 экз.); уплощенные пронызи сизо-зеленого цвета (6 экз.).

3. Из глухого одноцветного стекла: бочковидная черного цвета (1 экз.); округлая бусина из глухого бирюзового стекла, с ребристой поверхностью (1 экз.); округлая бусина из глухого голубого стекла (1 экз.); бусина в форме параллелепипеда из глухого голубого стекла (1 экз.); округлая бусина из глухого бирюзового стекла (1 экз.).

4. Полихромные пастовые: бусина вытянутых пропорций с фестонобразным орнаментом (по черному фону — белые извилистые линии) (1 экз.); бусина с шахматным орнаментом (черно-желтое сочетание клеток), обрамляющим изображение трех человеческих лиц (1 экз.); округлая бусина из белого глухого стекла, инкрустированная тремя зелеными цветками с красными серединками (1 экз.).

5. Стеклянная с металлической (золочение) прокладкой (1 экз.).

6. Гагатовые: каплевидные подвески (2 экз.); продольно вытянутых форм (4 экз.); короткоцилиндрической формы (2 экз.).

7. Сердоликовые: листовидной формы подвеска желтовато-оранже-

вого цвета: цилиндрическая пронизь (1 экз.); поперечно сжатая бочковидная (1 экз.); усеченно-биконические поперечно сжатые (5 экз.).

8. Халцедоновая округлой формы из глухого камня белого цвета (1 экз.).

9. Кремнистая округлой формы серого цвета (1 экз.).

10. Меловая округлой формы (1 экз.).

11. Костяная пронизь округлой формы (1 экз.).

12. Бронзовые пронизи в виде цилиндриков (2 экз.).

13. Раковины каури (2 экз.).

Все перечисленные типы характерны для бус Северного Причерноморья в I—IV вв. н. э.³⁶, широкое распространение получают они на Северном Кавказе в раннее средневековье (IV—V вв.)³⁷. Наиболее близкие аналогии паласа-сыртским бусам из Буйнакского кургана, датируются IV—V вв. н. э.³⁸

В четырех погребениях встречены каменные (?) бусы серого цвета неправильно цилиндрической формы с продольными отверстиями (234 экз.). Диаметр и длина бус различны. Аналогии этим бусам нам неизвестны.

Кольцо из тонкой серебряной проволоки с несомкнутыми концами найдено в погребении № 12 на бедренных костях, рядом с серебряной пряжкой. По форме напоминает височное кольцо (рис. 4Г—3).

Серьги встречены в двух погребениях (рис. 6—29, 30; 7—5) (в погребении кургана № 20 лежали 2 серьги по обе стороны от черепа; в погребении кургана № 21 лежала 1 серьга справа у черепа). Серьги выполнены из бронзовой и серебряной проволоки в виде петли с перекрученными (погребение в кургане № 20) или несомкнутыми концами (погребение в кургане № 21). Точная аналогия серьгам подобной формы нам не известна. Они несколько напоминают височные привески петлевидной формы с длинными концами, имевшими распространение в Дагестане в скифский³⁹, албано-сарматский⁴⁰ и гуннский периоды⁴¹.

Предметы туалета (ногтечистка и ухвертка) встречены в погребении кургана № 20. Они лежали на левой половине таза погребенного и были нанизаны на толстую нитку вместе с набором бус. Предметы туалета выполнены из бронзового прута, один из концов закручен в виде петли для подвешивания (рис. 6—28, 31). У ногтечистки рабочая часть раскована в виде лопаточки. Подобные предметы были найдены в погребении IV—V вв. кургана № 2 Паласа-сыртского могильника (раскопки В. Г. Котовича)⁴², в Буйнакском кургане, в погребениях IV—V вв.⁴³

Культовые предметы (зеркала, подвески, кремневый ретушер).

Зеркала (рис. 2В—3; 6—32) встречены в погребениях курганов № 1 и № 20. Оба зеркала однотипны — с центральной петлей и рельефным орнаментом в виде радиальных лучей (диаметр зеркал 5 и 7 см). На зеркале из кургана № 20 сохранились остатки кожаного футляра. Зеркала подобного типа широко распространяются в IV—V вв. н. э. и доживают до VIII—X вв. н. э.⁴⁴

Подвески (2 экз.) встречены в детском погребении кургана № 24. Обе выполнены из бронзы. Одна — долотообразной формы (длина 2,5 см), конец оформлен для насадки на черенок (рис. 3Г—1). Другая — в виде топорика со сквозным отверстием для подвешивания (длина 2,5 см) (рис. 3Г—2). Подвески в виде топорика найдены в детском погребении первых веков н. э. в Крыму⁴⁵, в погребениях сарматов Поволжья и Приуралья с савроматского времени⁴⁶.

Кремневый ретушер (длина 7,5 см, ширина 4,2 см), встречен в разграбленном погребении кургана № 16. был расколот на две части (рис. 3Г—16). Среди инвентаря Паласа-сыртского могильника имеется ряд предметов, определение назначения которых пока затруднительно. В детском погребении кургана № 24 встречено железное изделие (цепочка?) с сохранившимися отдельными проволочными колечками небольшого диаметра. Изделие сильно деформировано окислами. В разграбленном погребении кургана № 6 обнаружена серебряная пластина изогнутой формы (рис. 5А—6) (назначение неизвестно). В погребении кургана № 20 найдены 2 куса обработанного гешира, две бронзовые тонкие пластины.

Как видно из характеристики инвентаря, погребения Паласа-сыртского могильника относятся к IV—V вв. н. э., это прежде всего погребения, содержащие поясную garnитуру, фибулы, ножи и мечи IV—V вв. н. э. (погребения в курганах № 3, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 16, 17, 18, 20, 22, 23, 28). Не выходят за рамки IV—V вв. н. э. также погребения, содержащие керамику (погребения в кургане № 1, 2, 4, 8, 19, 30).

Выявленные различия в размерах курганных насыпей, конструкции погребальных сооружений, а также различия в качественных и количественных характеристиках погребального инвентаря свидетельствуют о социальной, а возможно и этнической неоднородности населения, оставившего могильник.

Наличие столь крупного могильника на компактной территории, стабильность погребального обряда (северо-западная ориентировка погребальных камер и южная ориентация погребенных) свидетельствуют о процессе сложения в IV—V вв. н. э. в степных районах Южного Дагестана крупного племенного объединения, оседавших на землю кочевников.

Общество, сложившееся в степях Южного Дагестана в IV—V вв. н. э., имело тесные культурные контакты с сопредельными территориями Дагестана, оно испытывало также влияние культур народов Приуралья, Поволжья, Северного Кавказа, Северного Причерноморья.

* * *

¹ Паласа-сыртский могильник расположен в 2 км к западу от сел. Рубас Дербентского района. Он расположен на возвышенности Паласа-сырт, расчлененной руслом р. Рубас на северную и южную половины. Протяженность могильника с С на Ю не менее 10 км, с З на В — 1 км. Большая часть могильника находится на южном Паласа-сырте.

² Цилосани Н. О. Дневник раскопок, веденных в Южном Дагестане.—V А. С. (археологический съезд): Труды предварительных комитетов. М., 1882.

³ Котович В. Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана.—МАД. Махачкала, 1959, т. 1.

⁴ Там же, с. 154.

⁵ Котович В. Г. Новые археологические памятники..., с. 154—156; *Он же.* Об этнической принадлежности раннесредневековых катакомбных захоронений Прикаспийского Дагестана.—В кн.: Пятое Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975, с. 97.

⁶ Гмыря Л. Б. Раскопки Паласа-сыртского могильника.—АО—1981 г., М., 1982; *Она же.* Раскопки раннесредневековых памятников в Дагестане.—АО—1982 г., М., 1983; *Она же.* Обряд захоронения Паласа-сыртского могильника.—В кн.: Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Геленджик, 1982; *Она же.* Новые археологические данные к истории раннесредневековых политических образований.—В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ист., яз. и лит-ры Дагфиллиала АН СССР (Далее — ИИЯЛ) в 1980—1981 гг.: Тез. докл., Махачкала, 1982; *Она же.* Паласа-сыртский могильник (новые данные о погребальном обряде).—В кн.: Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Майкоп, 1984; *Она же.* Некоторые итоги раскопок Паласа-сыртского могильника.—В кн.: Тез. докл. научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований ИИЯЛ в 1982—1983 гг. Махачкала, 1984.

⁷ Гмыря Л. Б. Раскопки Паласа-сыртского могильника.—АО—1981 г.; *Она же.* Паласа-сыртский могильник (новые данные о погребальном обряде).

⁸ Из десяти костяков, имевших ЮЗ ориентацию, у шести головы были склонены к правому плечу, два костяка лежали лицевыми костями вверх и со склоненной к левому плечу головой. Костяк с западной ориентировкой лежал лицом вверх, юго-восточной — вверх и влево; южной — вверх и вправо.

⁹ Исключением является впускное погребение ребенка (курган № 34), где ямная могила ориентирована с СЗ на ЮВ, костяк лежал головой к СЗ.

¹⁰ Маммаев М. М. Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени (по материалам раскопок Урцекского городища ДАЭ в 1960—1964 гг.)—Дисс. ...канд. ист. наук. М., 1971; *Он же.* Знаки на керамике Урцекского городища.—МАД. Махачкала, 1973, т. 3, с. 89, рис. 1:10; *Абакаров А. И., Гаджиев М. Г.* Нижнечуглинское городище.—В кн.: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980, с. 97, рис. 3:36; *Она же.* Исследование раннесредневековых укрепленных поселений горного Дагестана.—В кн.: Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983, с. 113, рис. 5; 12—14; *Абрамова М. П.* Буйнакский курган.—В кн.: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980, с. 122—124, рис. IV, 6—8, 10; V, 44; VI, 16—12; VII, 2.

¹¹ Гаджиев М. С. Столовая керамика Южного Дагестана рубежа албанского и раннесредневекового времени.—В кн.: Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984, табл. 1, 5—7.

¹² Абрамова М. П. Буйнакский курган, с. 123.

¹³ Гмыря Л. Б. Столовая керамика Андреяульского городища (типология и стратиграфия).—В кн.: Средневековые древности евразийских степей. М., 1980, с. 116; рис. 6: 13—14; *Она же.* Керамика Северного Дагестана I тыс. н. э.—Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. № 560, с. 35; *Абрамова М. П.* Буйнакский курган, с. 121—

122; рис. V, 45; *Ковалевская В. Б.* Северокавказские древности.— В кн.: Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, рис. 69: 4,5.

¹⁴ *Гмыря Л. Б.* Столовая керамика..., с. 123, 127, рис. 9: 21—22; *Она же.* Керамика Северного Дагестана..., с. 16—17.

¹⁵ *Магомедов М. Г.* Керамика Северо-Восточного Дагестана хазарского времени.— В кн.: Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981, с. 69. рис. 3.

¹⁶ *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967, с. 118, рис. 29: 10.

¹⁷ *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент.— МАД. Махачкала, 1961, т. 2, рис. 38, № 113.

¹⁸ *Маммаев М. М.* Ремесло Дагестана..., с. 6—9; *Он же.* Знаки на керамике Урцекского городища.— МАД. Махачкала, 1973, т. 3, рис. 1: 7; *Абакаров А. И., Гаджиев М. Г.* Исследование..., с. 116, рис. 5: 15; *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг.—КСИИМК. М., 1952, № 45; *Гмыря Л. Б.* Раскопки раннесредневековых памятников...

¹⁹ *Гмыря Л. Б.* Кухонные горшки Андреяульского городища.— СА, 1980, № 1, с. 310, рис. 5; *Она же.* Керамика Северного Дагестана I тыс. н. э.

²⁰ *Котович В. Г.* Новые археологические памятники Южного Дагестана.— МАД. Махачкала, 1959, т. 1, табл. XIII, 26.

²¹ *Абрамова М. П.* Буйнакский курган, с. 127, рис. VII, 42.

²² Там же, с. 117, 129, рис. V, 41, 42; VII, 21; VIII, 6.

²³ *Котович В. Г.* Новые археологические памятники..., с. 151, табл. XIII, 20.

²⁴ *Путинцева Н. Д.* Верхнечирюртовский могильник (предварительное сообщение).— МАД. Махачкала, 1961, т. 2, рис. 11:5.

²⁵ *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 2, с. 103, рис. 2 (7); № 3, с. 115; *Он же.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V—первой половины VIII вв.— В кн.: Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981, с. 13, 16, рис. 6 (12); *Засецкая И. П.* О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи (Постановка вопроса).— СА, 1978, № 1, рис. 1 (2, 7, 9, 10, 11, 13, 14, 16, 19, 20); *Ковалевская В. Б.* Поясные наборы Евразии IV—IX вв.— САИ, 1979, вып. Е 1—2, с. 15, 18, табл. I, 5—9; табл. III, 3—6, 9—12; *Она же.* Северокавказские древности.— В кн.: Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья, рис. 60 (1—3, 5, 7).

²⁶ *Генинг В. Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тыс. н. э. (по материалам могильников Прикамья).— В кн.: Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья.— КСИА. М., 1979, вып. 158, с. 98—100, рис. А 3, В 1, В 5, Е 1—5, Ж 6—7, 9, 10, З 19. 38—42, К 8, 10; *Амброз А. К.* Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV—VII вв.— В кн.: Средневековые древности евразийских степей. М., 1980, с. 21—22, рис. 7: 1—4.

²⁷ *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел. Иловатка и Политотдельское.— В кн.: Памятники Нижнего Поволжья.— МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1959, № 60, рис. 26 (10); *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— В кн.: Памятники Нижнего Поволжья, с. 58, рис. 62 (15).

²⁸ *Афанасьев Г. Е.* Хронология могильника Мокрая Балка.— В кн.: Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья, рис. 1; *Ковалевская В. Б.* Указ. соч.

²⁹ *Засецкая И. П.* Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских стелей.— В кн.: Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья, с. 11, 13, 15, рис. 3 (1, 2, 20, 24, 25, 28, 31, 45, 50, 51, 54, 57, 59); *Айбабин А. И.* Погребения второй половины V—первой половины VI вв. в Крыму.— Там же, рис. 1 (2, 7, 13, 18); *Дмитриев А. В.* Могильники эпохи переселения народов на реке Дюрсо.— Там же, рис. 1 (6, 7, 9, 11).

³⁰ *Абрамова М. П.* Буйнакский курган, с. 132, рис. II, 18, 19, 21, 22; рис. III, 18—25; рис. VI, 13; рис. VII, 15, 24, 25, 36.

³¹ *Котович В. Г.* Новые археологические памятники..., с. 154, табл. XIII, 19.

³² *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР.—САИ, 1966, вып. Д 1—30, с. 77, табл. 13: 10, 11.

³³ *Амброз А. К.* Там же, с. 56, табл. 10: 7, 8.

³⁴ Там же, с. 52, табл. 9: 18, 19.

³⁵ *Засецкая И. П.* Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975, с. 11, № 30—31 каталога.

³⁶ *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.—САИ, 1975, 1978, 1982, вып. Г 1—12.

³⁷ *Деопик В. Б.* Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв.—СА, 1959, № 3.

³⁸ *Абрамова М. П.* Буйнакский курган, с. 140—142, рис. IX.

³⁹ *Пикуль М. И.* Хабадинский могильник.—МАД. Махачкала, 1961, т. 2, с. 154, табл. IX, 2, 7.

⁴⁰ *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники..., рис. 19, № 376, рис. 24, № 265.

⁴¹ *Абрамова М. П.* Буйнакский курган, с. 119, рис. 1, 23.

⁴² *Котович В. Г.* Новые археологические памятники..., с. 151, 154, табл. XIII, 22, 23.

⁴³ *Абрамова М. П.* Буйнакский курган, с. 139, рис. III, 54; VII, 18, 38—39.

⁴⁴ *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал.—СА, 1963, № 4, с. 68, рис. 5: 2, 5.

⁴⁵ *Гуцица И. И.* О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н. э.— В кн.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982, с. 24, рис. 4: 30.

⁴⁶ *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья.—САИ, 1963, вып. Д 1—9, табл. 27: 4.

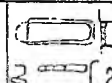

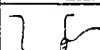
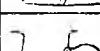

ГРУППЫ	КАТАКОМЫ		ПОДБОИ	ЯМА	
ТИПЫ	 1 	 2 	 2 	 1 	 2
ВАРИАНТЫ	 1 2	 1 2 3 4 5			
КОЛИЧЕСТВО ТИПОВ	42	14	1	7	1

Рис. 1. Паласа-сыртский могильник. Классификация погребальных сооружений (схема).

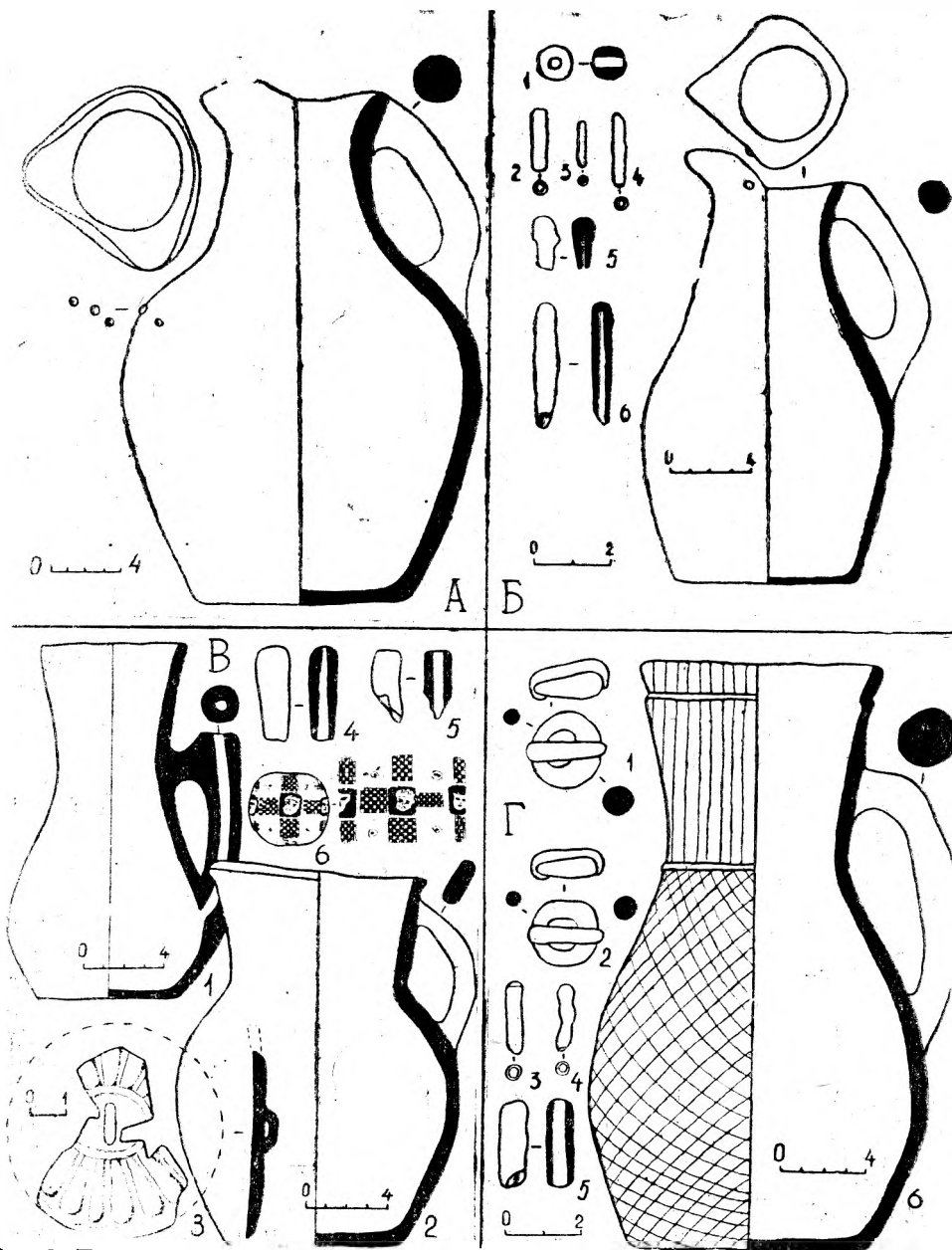

Рис. 2. Паласа-сыртский могильник. Инвентарь. А: курган № 2. Керамика; Б: курган № 4. 1 — кость, 2—6 — коралл (?), 7 — керамика; В: курган № 1. 1, 2 — глина, 3 — бронза, 4—5 — коралл (?), 6 — стеклянная паста; Г: курган № 3. 1, 2 — железо, 3—5 — коралл, 6 — керамика.

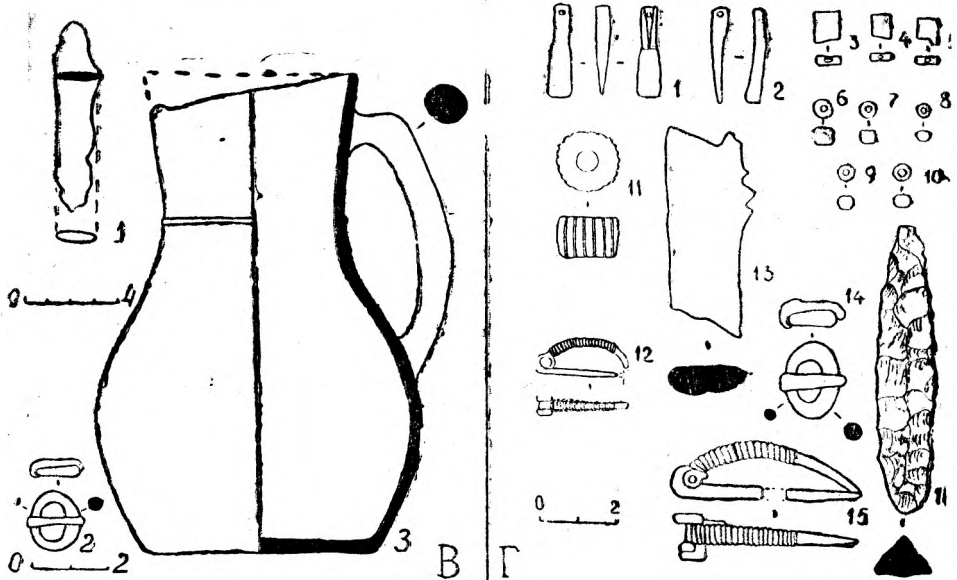
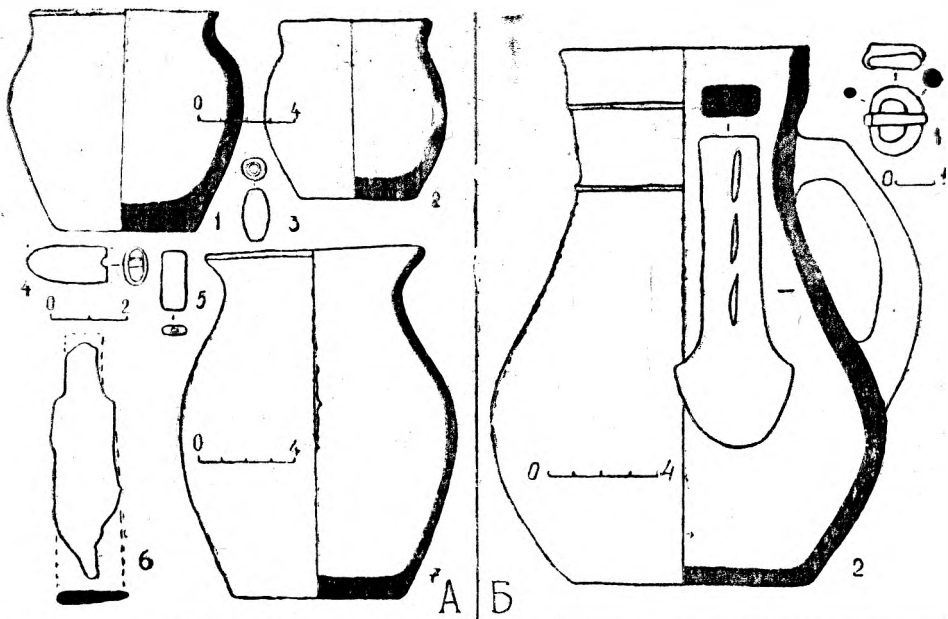

Рис. 3. Паласа-сыртский могильник. Инвентарь. А: курган № 10. 1—5 — погребение № 2; 6, 7 — погребение № 1. 1, 2, 7 — керамика, 6 — железо, 3, 5 — стеклянная паста, 4 — сердолик; Б: курган № 9. 1 — бронза, 2 — керамика; В: курган № 7. 1 — железо, 2 — бронза, 3 — керамика; Г: 1—11 — курган № 24; 12 — курган № 18; 13 — курган № 23; 14—16 — курган № 16.

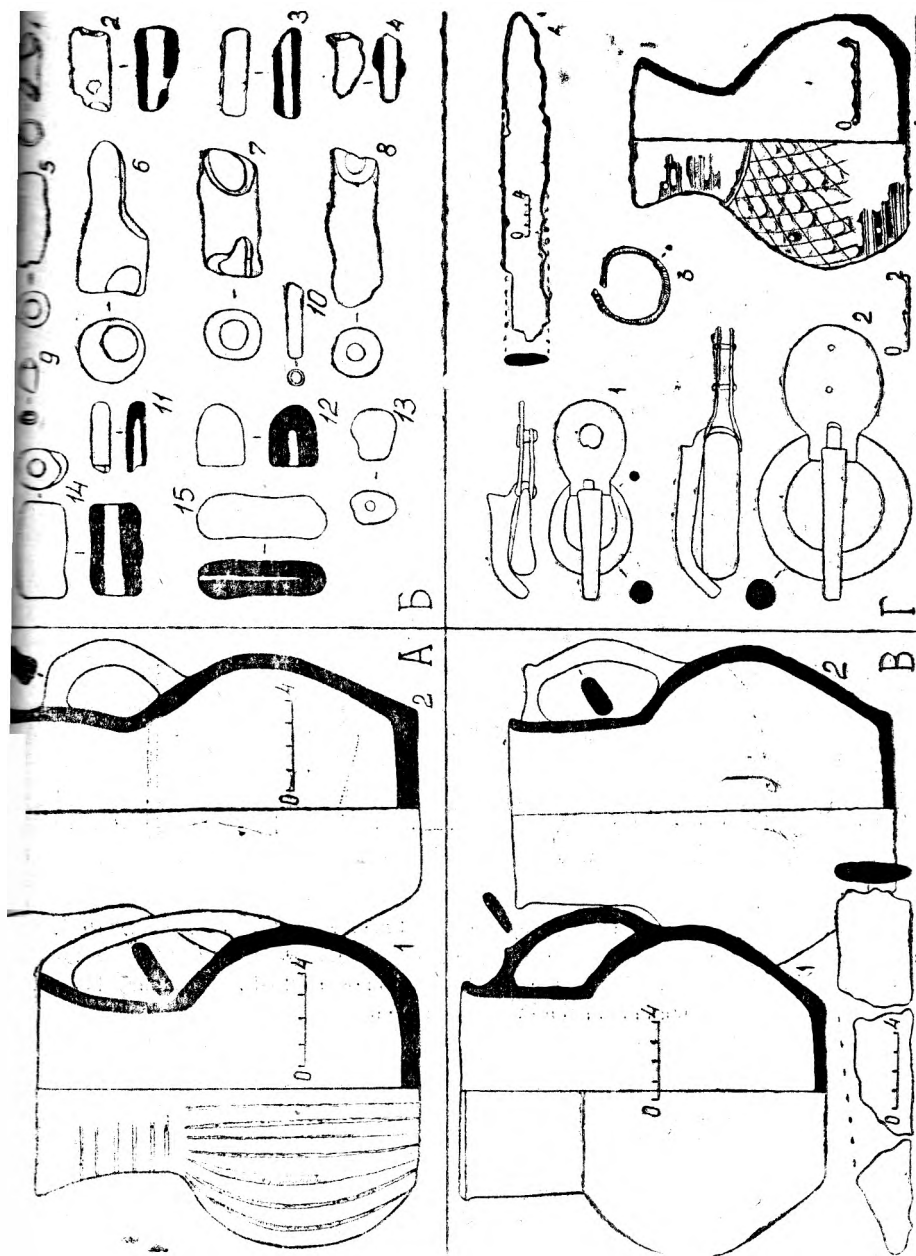

Рис. 4. Паласа-сыртский могильник. Инвентарь: А: 1 — курган № 14, 2 — курган № 8; Б: курган № 6, 1—14 — коралл (?); В: 1 — курган № 19, 2, 3 — курган № 17, 1, 2 — керамика, 3 — железно; Г: курган № 12, 1, 3 — се-ребро, 2 — серебро, гагат; 4 — железно; 5 — керамика.

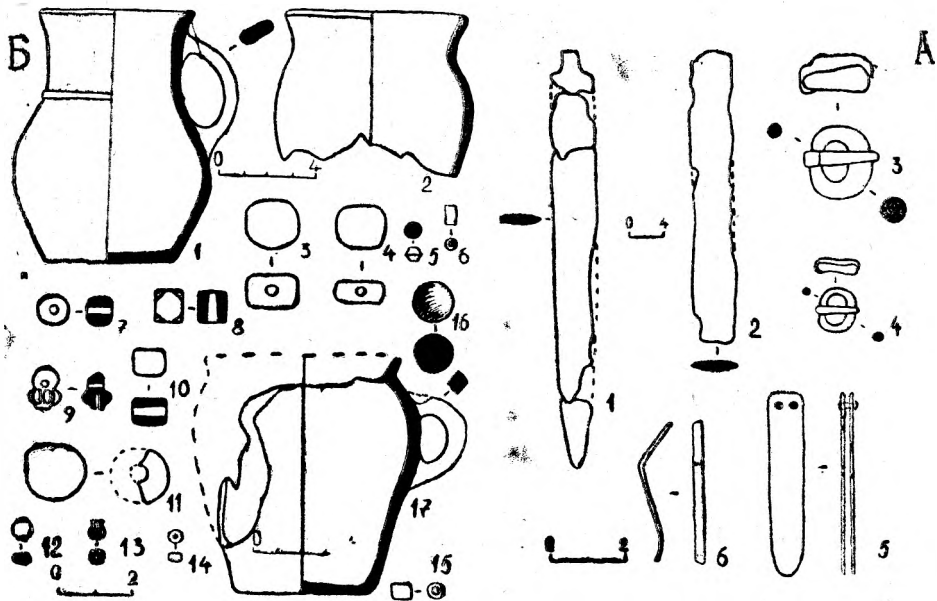

Рис. 5. Паласа-сыртский могильник. Курган № 6. Инвентарь, А: погребение № 1. 1, 2 — железо, 3, 4 — бронза, 5, 6 — серебро; Б: погребение № 2. 1, 2, 17 — керамика, 3, 4 — гагат; 5, 6, 9, 12—15 — стекло, 7 — халцедон, 8—10 — фаянс, 11 — стеклянная паста, 16 — камень.

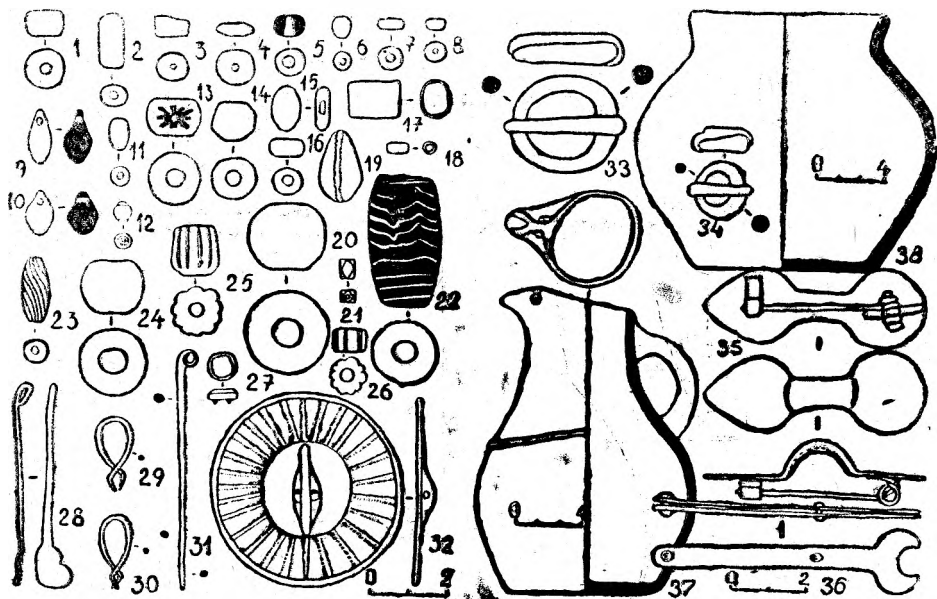

Рис. 6. Паласа-сыртский могильник. Курган № 20. Инвентарь.

1—8 — сердолик. 9—11 — гагат, 12 — стекло золоченое; 13, 15, 22, 23 — стеклянная паста; 14, 21, 25, 26 — фаянс; 17, 18, 28—32 — бронза; 16 — кремний; 19 — раковина каури; 20 — камень; 24 — мел; 27 — золото, стекло; 33 — железо; 34—36 — бронза; 37—38 — керамика.

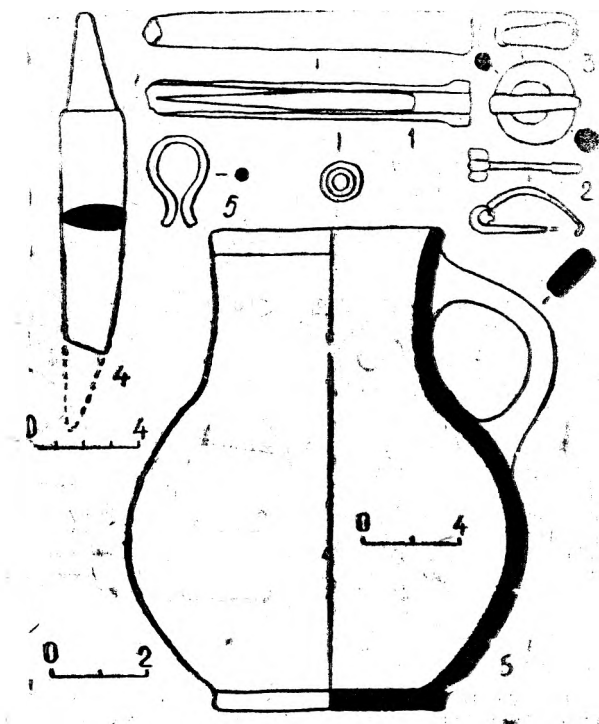

Рис. 7. Паласа-сыртский могильник. Инвентарь.
 1, 2 — курган № 22; 3, 4 — курган № 28; 5 — курган № 21; 6 — курган № 30; 1, 3, 4 — железо;
 2, 5 — серебро.

КАЛКНИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

В 1977 году при строительных работах на северо-западной окраине сел. Калкни Дахадаевского района ДАССР обнаружен древний могильник, расположенный в местности Ореховый склон (Къябикъярла бяхI). Здесь нами обследованы три, а юго-восточнее современного кладбища, у дома Магомеда Рабаданова, одна каменные гробницы, собран разошедшийся по рукам материал и по-возможности зафиксирован по комплексам. Некоторые сведения о могильнике опубликованы¹. Целью настоящей статьи является полное введение в научный оборот всех материалов Калкнинского могильника, важных, прежде всего, в археологическом отношении своей неординарностью. Они проливают свет на новые черты материальной культуры Среднего Дагестана первой половины I тысячелетия нашей эры. Начнем с описания погребальных сооружений.

Каменная гробница № 1 удлиненно-прямоугольной формы сложена из нескольких, поставленных на ребро, плит и ориентирована по длине В-З. Размеры гробницы: длина 2,70 м, ширина 0,80 м, высота от дна до перекрытия 0,80 м, а до современной дневной поверхности 5 м. Перекрытием служили несколько плит, уложенных поперек гробницы. Погребальная камера заполнена землей. Дно ее обмазано тонким слоем желтой глины, на поверхности которой разбросано небольшое количество мела и угольков, под обмазкой находились плиты песчаника. На дне гробницы в северо-восточной части, в одной куче беспорядочно лежали кости от двух (судя по черепам) скелетов. По длине гробницы, в вытянутом положении на спине, головой на запад располагался еще один скелет. Сохранность костей скелетов очень плохая, от некоторых остались лишь костный тлен.

В состав погребального инвентаря входили: глиняная ваза (рис. I, 1), высокогорлые кувшины (рис. I, 1—7), бронзовые зооморфная (рис. II, 5) и пластинчатые пряжки (рис. II, 6, 7), язычки пряжек (рис. II, 1, 2), наконечник ремня (рис. II, 14), фрагмент накладки к ремню (рис. II, 12). Найдены также гривна (рис. II, 13), часть височной привески с 14-гранником (рис. II, 3), плоская круглая антропоморфная пластинка с прорезями (рис. II, 4), подвеска-колокольчик (рис. II, 8), подвеска с отверстием в центре в виде соединенных и обращенных друг к другу клювами трех птиц (рис. II, 9), подвеска в виде головы быка (рис. II, 10), украшение со вставками из цветных стекол (рис. II, 11), бусы из пасты (рис. II, 15—17), сердолика (рис. II, 21—24), янтаря (рис. II, 25), стекла (рис. II, 18, 19, 26—35), камня (рис. II, 36—38), кости (рис. II, 20).

Каменная гробница № 2 расположена в 5 м к западу от гробницы

№ 1. Ориентирована по длине В—З, сооружена из нескольких каменных плит, поставленных на ребро, а северо-восточная поперечная стена сложена из отдельных камней. Сверху гробница была перекрыта двумя плитами (они провалились внутрь). По своим размерам эта гробница существенно не отличалась от предыдущей. Ориентацию костяков, вследствие потревоженности костей, а также очень плохой их сохранности, установить трудно. Судя по черепам, на западной стороне гробницы было не менее двух погребений.

Погребальный инвентарь: красноангобированный кувшин (рис. III, 6), розоволощенный горшок (рис. III, 5), железные наконечники копий, мечи, нож (рис. III, 4) с фрагментом бронзовой обкладки деревянной рукоятки (рис. III, 3), бронзовое кольцо (рис. III, 2) и халцедоновая бусина (рис. III, 1).

Каменная гробница № 3 находилась на расстоянии около 6 м к югу от гробницы № 2. Ориентирована в длину по линии В—З, сложена из массивных плит, поставленных на ребро, а сверху перекрыта несколькими плоскими каменными плитами. Размеры этой гробницы почти такие же, как у предыдущих погребальных сооружений. Внутри погребальной камеры имелось захоронение тяжеловооруженного воина при шлеме и кольчуге. Костяк лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на запад и был обернут материалом типа мешковины (плетеное толстое и грубое). Кроме остатков кольчуги найдены бронзовый и железный шлемы (рис. V, 1—6). Сохранность их очень плохая, особенно у бронзового шлема. Предметы вооружения представлены наконечниками копий, мечами и кинжалами; найдены также бронзовые обкладки деревянных ножен оружия (рис. VI, 1—3). Снаряжение коня представлено железными удилами (рис. VI, 16), уздечный набор состоял из круглых бронзовых бляшек (рис. VI, 6—8), П-образных пластин (рис. VI, 4—5). К ним же относятся бронзовые пластинчатая и зооморфная накладки (рис. VI, 12—14). Вблизи перекрытия погребальной камеры найдены костяной трехгранный черешковый наконечник стрелы (рис. IV, 1) и фрагмент халцедоновой бусины (рис. VI, 15).

Каменная гробница № 4 аналогична вышеописанным и содержит одно захоронение. Погребальный инвентарь, переданный нам, состоял из железных: наконечника копья (рис. VII, 7), кинжала (меча?) с кольцевым навершием (рис. VII, 8), бронзовой пряжки (рис. VII, 4), бронзовой (рис. VIII, 5), стеклянной (рис. VII, 6), сердоликовой (рис. VII, 3) и двух пастовых бус (рис. VII, 1, 2).

Погребальное сооружение и погребальный обряд. Основным типом погребального сооружения могильника является гробница прямоугольной формы, сложенная из поставленных на ребро плит, перекрытая сверху несколькими поперечно уложенными плитами. Гробница № 2 несколько отличается от остальных: одна ее поперечная стена сложена из нескольких рядов камней, уложенных плашмя и скрепленных раствором глины. Как уже отмечалось выше, ориентировка и размеры всех погребальных сооружений Калкнинского могильника почти идентичны. В гробницах могильника обнаружены разновременные захоронения (вытя-

нута на спине и т. д.), количество погребенных — от одного до четырех человек. Следует отметить обмазку дна погребальной камеры жидкой глиной и посыпку костяков кусочками угля и мела.

При рассмотрении погребального инвентаря могильника мы встретились с таким обрядом, как преднамеренная порча сосудов и оружия. Розоволощенный горшок (рис. III, 5) и серолощенный кувшин (рис. I, 3) имеют следы пробитости от удара сверху у донца и на горловинах. Этот обряд находит аналогии в Таркинском (второй слой — II—III вв. н. э.)², Хабадинском (VI в. до н. э.—III в. н. э.)³ могильниках, Буйнакском кургане (III—V вв. н. э.)⁴ и других. В целом, погребальный обряд Калкнинского могильника имеет сходные черты с Хабадинским, Таркинским (I в. до н. э.—III в. н. э.), I Карабудахкентским (I—II вв. н. э.), III Карабудахкентским (II—III вв. н. э.), Черкезкутанским (I в. до н. э.—III в. н. э.), Новолакским (I—II вв. н. э.), Дюбекским (I—III вв. н. э.), Мамайкутанским (I—II вв. н. э.), Бавтугайским (II—III вв. н. э.) могильниками, Буйнакским курганом⁵ и т. д.

Погребальный инвентарь.

Керамика. В состав теста сосудов Калкнинского могильника входили примеси: битый камень, ракушки, кварц, песок, битая керамика, растительные примеси. Изготовлены сосуды как вручную, так и с помощью гончарного круга.

Все сосуды Калкнинского могильника относятся к столовой керамике. Различаются они по цвету: коричневато-бурые и красноглиняные. Первые составляют основную массу, их поверхность залощена, они представлены кувшинами и вазой. На горловине одного из этих сосудов имеются два сквозных отверстия, сделанных, вероятно, с целью реставрации.

Тип 1. Серолощенные приземистые кувшины с раздутым туловом, плоским устойчивым дном, невысокой конической горловиной и слабоотогнутым венчиком. Слив оформлен в виде широкого желобка. Ручка, овальная в сечении, прикреплена одним концом под венчиком, другим к плечикам. Поверхности сосудов рифленые (рис. I, 2, 5).

Тип 2. Вид А. Кувшин с зооморфной ручкой (рис. I, 1) имеет невысокую горловину, орнаментированную двумя верхними и тремя нижними параллельными бороздками, а между ними проходит волнистая пролощенная линия. На ручке 48 вдавлений, нанесенных острым предметом по длине ручки в 6 рядов. Этот кувшин из Калки имеет сходство с сосудом из I Цнальского могильника (Хивский р-н)⁶. Вообще зооморфные ручки не редкость среди керамического материала Таркинского, Урцекского и других синхронных им могильников Дагестана⁷. По мнению К. Ф. Смирнова, сосуды с подобными ручками особенно типичны для астраханской группы сарматских погребений II—III вв. н. э.⁸, а известны они с середины I тыс. до н. э. до первых веков н. э. М. П. Абрамова усматривает в этом связь с влиянием керамических традиций Кавказской Албании⁹.

Тип II. Вид Б. Относительно крупные серолощенные кувшины с широкораздутым туловом, плоским устойчивым дном, высокой конической горловиной и слабоотогнутым венчиком. Слив оформлен в виде трубочки. Наблюдается некоторая покатость от слива к ручке. Сосуды этого вида несколько различаются по оформлению слива. У одного из них он расплюсчен в острое ребро сверху (рис. 1, 3), у другого по форме напоминает рыло животного (свиньи) (рис. 1, 6). Особо следует сказать о самом крупном из этих кувшинов (рис. 1, 7). Он отличается от других наличием рельефного пояса с вырезами у горловины и особенно существенно — наличием бронзовых петель, продетых сквозь отверстия. Эти петли служили, видимо, для подвешивания украшений, таких, как подвеска в виде трех птиц, подвески-колокольчики и т. д. Сами бронзовые петли располагались на нижнем конце сливного носика и над верхней стороной слива, сбоку венчика, недалеко от витой ручки.

Найдена также ваза с полой ножкой, расширенной у основания для придания большей устойчивости и напоминающей двусторонний раструб (рис. 1, 4). Верхняя часть вазы — миска с загнутой внутрь закраиной. Поверхность миски имеет 4 горизонтальных ряда рифления, под которыми нанесены 9 пролощенных U-образных линий. Подобные вазы не редкость среди керамики Дагестана I—V вв. н. э. (Тарки, Черкезкутан, Карабудахкент и т. д.).

Все коричневато-бурые сосуды обожжены плохо, черепок пористый, сильно впитывает воду, при легком нажиме на него отслаивается и крошится.

По способу обработки наружной поверхности сосуды имели на горловине, плечиках, а иногда до наибольшего расширения тулова горизонтальное рифление. Рифление, хотя и редко, встречается в керамическом материале I Карабудахкентского, Ирагинского могильников, городища Урцеки¹⁰, а также в ряде памятников Кавказа¹¹ и Поволжья¹². Некоторые сосуды орнаментированы неглубокими врезными и пролощенными линиями, наклепными валиками.

Технологическое и типологическое единство коричневатобурых сосудов свидетельствует о едином центре их производства.

Красноглиняная керамика представлена двумя сосудами. Первый — красноангобированный кувшин (рис. 1, 6) с плоским устойчивым дном, круглым туловом, цилиндрической горловиной, венчик слабо отогнут наружу. Слив-трубочка резко суживается к концу и скошен горизонтально, по обеим сторонам от него два заостренных налета — «глазки». Ручка ленточная, в сечении четырехугольная. Верхним концом прикреплена под венчиком, нижним — к плечикам.

Ангобированные сосуды характерны для памятников Дагестана позднеалбанского — раннесредневекового времени. Красноангобированная керамика появляется в Дагестане в I в. до н. э. — I в. н. э.¹³

Второй — розоволощенный горшок (рис. 1, 5), тонкостенный, приземистый, с широким устойчивым дном и раздутым туловом. Почти цилиндрическая горловина завершается отогнутым наружу венчиком. Небольшая ручка прикреплена к плечикам и тулову. Посредине ручки

проходит желобок. Тесто хорошо обожжено, в изломе серо-розоватого цвета, в примесях — дресва и шамот. Аналогичный горшок найден в слое Карабудахкентского могильника № 1¹⁴.

Вооружение. Костяной черешковый наконечник стрелы (рис. IV, 1) с трехгранной в сечении головкой и плоским черешком, покрытым поперечными резными линиями. Подобные стрелы найдены в Урцекской цитадели и могильнике, Охлинском городище¹⁵, в сел. Тумелляр Кайтагского района и на других памятниках Дагестана.

Наконечники копий (рис. IV, 3—5) найдены в гробницах № 2 и 3, а один из них (рис. VII, 7) в гробнице № 4. Все они кованые из железа, имеют конические втулки для насаживания на древки. Перо в сечении уплощенно-ромбической формы. Наконечники разделяются на два типа, бытовавшие одновременно.

Тип I. Железный втульчатый наконечник копья узколистной формы (рис. IV, 3—5). Найдены две целые и несколько фрагментов.

Тип II. Железный втульчатый наконечник копья широколистной формы (рис. VII, 7).

Диаметр втулки у всех наконечников копий 2,5 см, но длина найденных в Калкинском и Маджалиском¹⁶ могильниках намного больше (28—30 см) по сравнению (25 см) с подобными изделиями из Таркинского¹⁷, Андрейаульского¹⁸ и Хивского могильников I—V вв. н. э.¹⁹. Аналогичные находки копий сделаны в Карабудахкентском²⁰, Сумбатлинском²¹ могильниках и в Буйнакском кургане²². В коллекциях Музея Общества любителей кавказской археологии хранится наконечник копья из железа, найденный в Дагестане²³.

По мнению А. М. Хазанова, копья из сарматских погребений (всего 39 наконечников) в целом близки к наконечникам копий, в тех или иных вариантах бытовавших на довольно обширных пространствах Восточной Европы и Северного Кавказа, причем с последними они обнаруживают особое сходство. Уже в сарматское время в Поволжье и Приуралье появляются копья, несомненно, заимствованные с Кавказа²⁵.

Копья в военном деле имели широкое применение. По данным письменных источников видно, что на территории Дагестана, Кавказа, Персии и сопредельных стран одним из основных и наиболее массовым оружием в изучаемое время было копье. Им вооружались как пешие, так и конные. Недаром отец армянской истории Моисей Хоренский именует «северные народы», вторгавшиеся в страны Закавказья «народами-копьяносцами». Его сведения пестрят выражениями «предводитель копейщиков», «вооружены копьем», «ретивое копье», «страшный копьяносец», «копьем своим как воду разрезал крепкий железный панцирь», «насквозь пронзенный длинным копьем» и т. д.²⁶

Мечи и кинжалы. Всего в Калкинском могильнике найдено 20 фрагментов широколезвийных и 13 фрагментов узколезвийных мечей и кинжалов. На рукояти-штыре, клинке мечей и кинжалов сохранились остатки дерева. Деревянные ножны были, по-видимому, обтянуты

сверху кожей, внутри — материей, а по краям обложены бронзовыми накладками (рис. VI, 1—3).

Мечи и кинжалы могильника разделены на три типа.

Тип I. Мечи и кинжалы с кольцевым навершием, прямым перекрестием, уплощенно-линзовидным клинком в сечении и заостренным концом (рис. VII, 8). Этот тип хорошо известен в Дагестане, на Кавказе, в Восточной Европе и Сибири — из памятников сарматского времени²⁷.

Тип II. Мечи и кинжалы с плоским черенком для рукоятки без навершия, прямым перекрестием, уплощенно-линзовидным клинком в сечении и заостренным концом (рис. IV, 6—9). Мечи и кинжалы этого типа, бытовавшие в Дагестане, имели широкое распространение и в евроазиатских степях²⁸.

Тип III. Мечи и кинжалы с длинным черенком для рукоятки, навершием из халцедоновой бусины крупных размеров (рис. III, 1), без перекрестия (рис. IV, 2), уплощенно-линзовидным клинком. Такие мечи встречаются на памятниках Дагестана (Буйнакский курган, Тарки, Карабудахкент, Хабада, Сумбатль, Тарлан-Как, Цыйша, Хив) и за его пределами широко распространились в позднесарматское время²⁹.

Доспехи. Кольчуга из Калкии (сохранилась во фрагментах различной величины), изготовлена из колец диаметром около 1 см (урцекская и верхнечирюртовская — 1,4—1,6 см). Изготавливалась кольчуга почти везде одинаково, хорошо известна технология ее изготовления³⁰. Остатки кольчуг найдены во многих албано-сарматских и раннесредневековых памятниках Дагестана (Уллуая, Карабудахкент, Андрейаул, Урцек, Сардаркент, Верхний Чирюрт, Куркли, Уркарах, Хуштада, Бежта, Ботлих, Верхний Каранай, Тлярата)³¹.

Традиции изготовления кольчуг в Дагестане глубоко древние, а в производстве их в албано-сарматское и раннесредневековое время не приходится сомневаться³². По письменным данным, сел. Шиназ, Кубачи специализировались на производстве кольчуг. В последнем еще в середине I тыс. н. э. оружейное и кольчужное дело достигло высокого уровня; продукция его распространялась по всему Кавказу. Остатки кольчуг находились на памятниках античного и средневекового времени евразийских степей (Причерноморье и т. д.)³³.

Шлемы. Фрагменты бронзового шлема малочисленны и не поддаются реставрации.

Фрагменты железного шлема (рис. V, 1—6) позволяют полностью восстановить его вид (рис. V, 7). Железный пластинчатый шлем сфероконической формы имел в районе тульи размер около 21 см, в средней части — 15 см, а шишак с кольцом для плюмажа или султана и отверстием в центре — 8,4 см. Высота шлема примерно 30 см. Корпус его состоит из 15 кованых железных пластин длиной примерно 17—18 см и шириной около 2 см у вершины и 5 см у основания. Клепка корпуса произведена наложением одной пластины на другую путем соединения бронзовыми заклепками, имеющими полусферические головки. По длине пластины заклепки расположены в трех местах, проходя через предварительно пробитые отверстия. Верхние концы желез-

ных пластин шлема входят в цельнокованный сводчатый шишак высотой 4,5 см, соединяясь с ним 15-ю заклепками. Столько же заклепок и в средней части шлема, а нижние концы, образующие зигзагообразную линию подтреугольной формы, находятся над обручем и соединены 30-ю заклепками. Лицевая сторона обруча имеет небольшой наносник и надбровные закругления со следами остатков бронзы, вероятно, от каймы. Железные пластины, реалистически повторяющие форму ушных раковин (рис. V, 4, 5), находились на височной части шлема, а по нижнему краю затылочной части обруча имелись отверстия, через них продеты кольца диаметром 1,5 см, посредством которых привешивалась бармица из мелких железных колец (рис. V, 6). Точные аналогии нам неизвестны, но в подобной технике изготовлены шлемы, найденные на памятниках III—V вв. Северного Кавказа и Причерноморья³⁴.

Снаряжение коня. Удила железные (рис. VI, 16), сохранились фрагментарно. Изготовлены из четырехгранного прута, длиной 10 см, свернутого на обоих концах в кольца. К одному из колец прикреплен стержень грызла. Эти однокольчатые удила, состоящие из двух звеньев схожи с верхнечирюртовскими³⁵.

Бляшки уздечного набора (рис. VI, 6—8) из бронзы, полусферические, со сквозным отверстием в центре.

Аналогичные бляшки встречаются в памятниках албано-сарматского и раннесредневекового времени (Урцеки, Верхний Чирюрт)³⁶. Бронзовая накладка П-образной формы (рис. VI, 4—5), длина — 3,5 см, ширина — 2,5 см. Судя по бронзовым заклепкам (длина — 0,7 см) закреплялась, по-видимому, с кожаной основой ремней.

Бронзовая накладка (рис. VI, 12), украшенная пуансонным орнаментом (рис. VI, 14). Наибольшая ее длина — 6 см, ширина — около 4,5 см. По длине пластинки имеются 5 выпуклостей, а на подтреугольном конце — сквозное отверстие. Изображение на пластинке напоминает голову барана с закрученными рогами.

Интересна зооморфная пластинка длиной 4,5 см, шириной 2,5 см, украшенная пуансонным орнаментом (рис. VI, 13). Четко выделяются широкие, закругленные сверху, уши животного с двумя выпуклыми точками на них. Отростки под ушами напоминают рожки тельца (косули?), выпуклости вместо глаз и овальность по их краям не оставляют сомнения в том, что этим передано изображение глаз. Между глазами и рожками имеется удлиненный вырез, символизирующий, видимо, белое пятно на лбу. В центральной части удлиненной морды животного имеется одна выпуклость, в которой пробиты сквозные отверстия. Сохранился штифт, проходящий сквозь нижнее отверстие зооморфной пластинки, а на противоположном его конце осталась небольшая бронзовая пластиночка-накладка на кожаную основу.

В подобной технике выполнены лунницы, наконечник ремня из Урцеки, а пуансонный орнамент в раннем средневековье был распространен очень широко³⁷.

Найден также фрагмент тонкого бронзового листа с заклепкой — накладкой к ремню (рис. II, 12).

Орудия труда. Железный нож (рис. III, 4) с кривой спинкой и небольшим черенком для деревянной рукояти. Длина около 14 см. ширина лезвия 2,5 см. Ручка ножа обтянута бронзовым листом (рис. III, 3), один край которого ровный, другой — зигзагообразный. Такие ножи найдены в Дагестане и других областях, на памятниках III—V вв. н. э.

Украшения и принадлежности одежды. Гривна (рис. II, 14) бронзовая. витая из четырехгранного прута толщиной 3—4 см, кочцы которого загнуты наружу. Бытует с эпохи раннего железа до раннего средневековья на памятниках Дагестана, Северного Кавказа и т. д.³⁸

Подвеска-колокольчик (рис. II, 8) пирамидальной формы с петлей для привешивания у верхнего основания и с треугольными прорезями на гранях. Встречается в Карабудахкенте, Тарки, Урцеки, Буйнакском кургане и на других памятниках Дагестана, Кавказа и других регионов; возникает в позднебронзовую эпоху и продолжает бытовать в средневековье³⁹.

Подвеска в виде головы быка (рис. II, 10), бронзовая, литая по восковой модели с четко выраженной мордой, глазами, рогами. Подобные подвески известны в Дагестане и на Кавказе с эпохи поздней бронзы и пережиточно сохраняются на средневековых памятниках⁴⁰.

Бронзовая подвеска в виде трех соединенных птиц со сквозным отверстием в центре (рис. II, 9). Отлита по восковой модели, птицы напоминают голубей (куропатак?). Сходная подвеска в виде птицы-голубя найдена в Гапшине⁴¹.

Бронзовое украшения (рис. II, 11). Основа и верх украшения — бронзовые пластины, состоящие из двух сегментовидных треугольников с перемычкой между ними. Верхняя пластина выпуклая, края сводчато закруглены. Между собою основа и верх украшения соединены посредством шести заклепок, находящихся на вершинах углов треугольников. Левая и правая части подвески в центре имеют полусферический и равнобедренный треугольники, составленные с помощью тонкой узкой пластины, поставленной на ребро. На трех отсеках левого треугольника имеются вставки из темно-голубых и белых стекол, на двух отсеках правого — коричневатые. Стекла-вставки, которыми инкрустировано украшение, расположены в два ряда, одни над другими. Всего их было 10. Пустое пространство внутри украшения, вокруг стекол, заполнено белой массой (паста?).

Инкрустированные изделия хорошо известны на территории Дагестана, Кавказа, Крыма и являются образцами ювелирных изделий полнхромного стиля, господствовавшего в евразийских степях⁴².

Височная привеска с четырнадцатигранником (рис. II, 3). Сохранилась только бронзовая бусина в виде куба со скошенными углами, размером 1,1×1,1 см. Такая привеска из серебра найдена в одной из могил IV—V вв. н. э. сел. Тумелляр Кайтагского района. Аналогичные привески в большом количестве были найдены в Дагестане, который считается областью возникновения височных привесок, а районами их широкого распространения — Северный Кавказ, Крым, Венгрия⁴³.

Пряжки. Бронзовая круглорамчатая пряжка (рис. VI, 11) с расширяющейся передней частью и подвижным хоботовидным язычком.

Бронзовая круглорамчатая пряжка (рис. VII, 4) из тонкого круглого прута, небольшая по размеру, вероятно, портупейная. Подобные пряжки встречаются в Дагестане (Хабада, Тарки, Карабудахкент, Буйнакск, Паласа-сырт, Утамыш⁴⁴), на сарматских памятниках Северного Кавказа, широкое распространение имели в евразийских степях⁴⁵.

Антропоморфный бронзовый круглый плоский диск (рис. II, 4) с четырьмя вырезами, напоминающими лицо человека (глаза, нос, рот) использовался, вероятно, в качестве оберега от недобрых духов, мог использоваться и как пуговица.

С этим диском сходна деталь пояса с тремя вырезами в виде лица человека (рот и глаза) из Верхнего Чирюрта⁴⁶.

Литая бронзовая, овальная в сечении, несомкнутая пряжка, концы которой оформлены в виде изображения голов дракона (рис. II, 5). Встречаются в IV Карабудахкентском (по Г. С. Федорову), Урцекском, Ботлихском могильниках, а за пределами Дагестана неизвестны⁴⁷.

Пластинчатые пряжки (рис. II, 6, 7; VI, 9, 10) круглой формы и несколько сферические. Изготовлены литьем, видна пузырчатость бронзы (рис. II, 6), выпуклые точки вдоль поверхности пряжки (рис. VI, 10). На пряжках, за исключением массивной (рис. II, 6), имеется по два отверстия, одно из которых в результате длительного использования — стертое. Язычки этих пластинчатых пряжек не сохранились, но по аналогии с пряжками из Карабудахкентского могильника и Буйнакского кургана были железными⁴⁸. Весьма оригинальна одна из пряжек (рис. II, 7). На ее внутренней, вогнутой стороне, ближе к краям имеются гнезда диаметром 2—2,5 мм для вставок круглых стеклянных шариков красного и желтого цветов. Пространство между этими вставками, образующими два круга диаметром 4,4 и 1,9 см, было заполнено белой массой (пастой?). Данная пряжка использовалась, по-видимому, и как нагрудное украшение. Пластинчатые пряжки найдены на памятниках I—V вв. н. э. Дагестана, Северного Кавказа, Прикубанья, Тагнаиса⁴⁹.

Бронзовый наконечник ремня (рис. II, 14) идентичен верхнечирюртовскому из кургана V в. н. э.⁵⁰

Кольцо бронзовое (рис. V, 2) из тонкого листа шириной до 7 мм. диаметр 2,4 см, концы сведены и закреплены заклепкой.

*Бусы*⁵¹. Округлая бусина из камня кремнистой породы с желобчатыми выемками на поверхности (рис. II, 36).

Бусина (печатка?) из белого мягкого камня с тамгообразным знаком на утолщенной части (рис. II, 37).

Массивная удлиненно-цилиндрическая бусина из белого камня (рис. II, 38).

Бусы из камня найдены в могильнике Черкезкутан и на других памятниках Дагестана. Производство их было сосредоточено в городах — центрах ремесла и торговли, таких как Урцеки⁵².

Сердоликовые бусы коротко-цилиндрические и округло-шарообразные (рис. II, 21—24; VII, 3).

Халцедоновые. Приплюснуто-шаровидная с большим сквозным отверстием (рис. III, 1) и фрагмент шарообразной халцедоновой бусины с узким отверстием (рис. VI, 15).

Янтарная бусина (рис. II, 25) плоская, овальная. Янтарь красного цвета, сверху покрыт белой патиной.

Точно такие бусины обнаружены в могиле № 18 Буйнакского кургана и Андрейаульского могильника I—III вв. н. э.⁵³

Стеклянные бусы. Прозрачно-зеленая, полусферическая (рис. VII, 6), круглые и неправильно-эллипсоидные (рис. II, 29—32), четырехгранная бипирамидальная синяя (рис. II, 27), многочастные (всего 7 шт.) с иризованной поверхностью (рис. II, 28), битрапециевидная синяя (рис. II, 26), круглые глазчатые с сине-белыми глазками (рис. II, 13, 19).

Полосчатые. Цилиндрическая серовато-черного оттенка с отливом (рис. II, 35) и желтыми волнистыми разводами, зеленая эллипсоидная с белыми и красными разводами (рис. II, 33), серовато-черного оттенка с отливом, круглая (рис. II, 34).

Пастовые. Каплевидная, желтая (рис. II, 17), битрапециевидная зеленая (рис. II, 16), шаровидная (рис. II, 15), эллипсоидно-шаровидные (рис. VII, 1, 2).

Бронзовая бусина (рис. VII, 5) эллипсоидной формы.

Костяная бусина-подвеска (рис. II, 20). Рельефный горизонтальный валик делит ее на две части. Поверхность инкрустирована костяными шариками (сверху 12, снизу 24). Развертка их дает квадраты с точкой в центре (сверху) и фестоны или треугольники, составленные из точек в виде косо проведенных линий. Подобная орнаментация на поверхности керамических изделий генетически восходит к эпохе бронзы Дагестана и пережиточно, как видно на примере костяной бусины, сохраняется вплоть до первой половины I тыс. н. э.

Рассмотрение материалов Калкнинского могильника позволяет прийти к следующим выводам. Тип погребального сооружения могильника являлся одним из наиболее распространенных в древности. Зарождение каменных гробниц, широко распространенных на территории Дагестана, на памятниках каякентско-хорчоевской культуры, относится, очевидно, к еще более раннему времени⁵⁴. Погребальный обряд перекликается почти в деталях со многими грунтовыми и курганными могильниками Дагестана в целом и уходит корнями в глубь эпохи железа и бронзы.

Керамика из Калкни, особенно немногочисленные красноглиняные сосуды, обнаруживает сходство с соответствующими материалами городищ Урцеки, Таргу, Эскиюрт, Чакавуркент, Маяк I и т. д., а также Урцекского, Ленинкентского, Хабадинского и других могильников. В то же время в Калкни найдены сосуды: коричневатобуряя ваза и высокогорлые рифленые кувшины, не имеющие пока точных параллелей ни в Дагестане, ни за ее пределами. Правда, отдельные детали

оформления ручек, сливов, орнаментации этих сосудов имеют определенные связи с керамическими традициями Дагестана, Кавказской Албании, Поволжья и других регионов. Категория предметов вооружения (стрелы, копья, мечи, кинжалы) сопоставляется с подобными вещами Хабардинского, Карабудахкентского, Таркинского, Сумбатлинского и других могильников Дагестана.

Железный шлем из Калкни по технике изготовления похож на шлем гуннского времени из Кабардино-Балкарии, но имеет и местные особенности. Некоторые вещи из могильника: изделия из бронзы, украшенные пуансонным орнаментом, разнообразные подвески, своеобразные пластинчатые пряжки (пряжка-украшение), некоторые каменные бусы и другие, составляют особенность данного памятника.

Все это позволяет нам, вслед за В. Г. Котовичем и О. М. Давудовым, рассматривать Калкнинский могильник III—V вв. н. э. как памятник неизвестного ранее нового варианта местной культуры конца албанского — начала раннесредневекового времени, локализуемого в Среднем Дагестане⁵⁵.

* * *

¹ Котович В. Г., Котович В. М., Расулова М. М. Раскопки городища Таргу.— В кн.: АО—1978 г. М.: Наука, 1979, с. 132—133; Давудов О. М., Котович В. Г. Богатые погребальные комплексы из сел. Ираги и Калкни.— В кн.: IX Крупновские чтения: Тез. докл. Элиста, 1979, с. 36; Котович В. Г., Котович В. М. Археологические исследования на городище Таргу.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978—1979 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1980, с. 5—7; Салихов Б. М. Древний могильник у сел. Калкни.— В кн.: III конференция молодых ученых Ин-та ист., яз. и лит-ры Дагфилиала АН СССР (Далее ИИЯЛ): Тез. докл. Махачкала, 1980, с. 48; Он же. Предметы вооружения из могильника у сел. Калкни.— В кн.: V Научно-практическая конференция молодых ученых Дагестана: «Молодежь и общественный прогресс». Махачкала, 1981, ч. I, с. 21.

² Крупнов Е. И. Новый памятник древних культур Дагестана.— МИА; М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951, № 23, с. 219, рис. II, 2, 3.

³ Пикуль М. И. Хабардинский могильник.— В кн.: МАД. Махачкала, 1961, т. 2, с. 147, 151, 157, табл. X, 9.

⁴ Осматривая в ГИМ (Москва) коллекцию керамики Буйнакского кургана, видел преднамеренно испорченный кувшин из могилы 19 или 25, горшок из могилы 2 или 6.

⁵ Абрамова М. П. Большой Буйнакский курган.— В кн.: Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977, с. 64—65.

⁶ Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, табл. 8, 1.

⁷ Крупнов Е. И. Указ. соч., с. 220, рис. II, 1; Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—49 гг.— МИА. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951, № 23, рис. 19, 1, 3, 4; рис. 21, 1а, 2; рис. 22, 2; Маммаев М. М. Знаки на керамике Урцекского городища.— В кн.: МАД. Махачкала, 1973, т. 3, рис. I, 8, 10.

- ⁸ *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования..., с. 263.
- ⁹ *Абрамова М. П.* К вопросу о связях Северного Кавказа сарматского времени.— СА, 1979, № 2, с. 32.
- ¹⁰ *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент.— В кн.: МАД. Махачкала, 1961, т. 2, с. 182, 192, рис. 22, № 392; *Маммаев М. М.* Ремесло Дагестана албано-сарматского времени (по материалам раскопок Урцекского городища ДАЭ в 1960—1964 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. М., 1970.— Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. № 316, л. 58, рис. 4В, 3; рис. 28, В—1; *Давудов О. М.* Гробница из сел. Ираги.— В кн.: Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана и современность. Махачкала, 1979, с. 184, рис. 1.
- ¹¹ *Мурадова Ф. М.* Памятник эпохи бронзы в Казахском районе.— В кн.: МКА. Баку, 1965, т. 6, с. 57, табл. I, 4.
- ¹² *Абрамова М. П.* К вопросу..., с. 40.
- ¹³ *Маммаев М. М.* Ремесло..., л. 44; *Пиккуль М. И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с. 128, 147.
- ¹⁴ *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники..., с. 170, рис. 3, № 22.
- ¹⁸ *Маммаев М. М.* Ремесло (альбом)..., рис. 55, 44—48, 52, 53; *Абакаров А. И., Гаджиев М. Г.* Исследование раннесредневековых укрепленных поселений горного Дагестана.— В кн.: Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983, с. 114, рис. 5, 1, 3—5.
- ¹⁶ *Котович В. Г.* и др. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР в 1964 г.— Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 27, оп. 1, д. 42, л. 12.
- ¹⁷ *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования..., с. 259.
- ¹⁸ *Абрамова М. П., Магомедов М. Г.* О происхождении культуры Андрейаульского городища.— В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980, с. 127, рис. 2, 56.
- ¹⁹ Могильник выявлен в октябре 1984 г. в результате строительства автодороги. Обследован нами, материал находится в археологическом фонде ИИЯЛ.
- ²⁰ *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники..., с. 208, рис. 33, № 48.
- ²¹ *Давудов О. М.* Сумбатлинский могильник.— В кн.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977, с. 128.
- ²² *Абрамова М. П.* Буйнакский курган.— В кн. Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980, с. 120, рис. 11, 20.
- ²³ Предметы древности в хранилище «Общества любителей кавказской археологии» /Составил, рисовал с натуры и на камне В. Вырубов. Тифлис, 1877, вып. I, с. 16, табл. IV, 2.
- ²⁴ Мы не рассматриваем здесь конкретно аналогии наконечникам копий, ибо этим специально занимался М. Г. Магомедов (См.: Вооружение раннесредневекового Дагестана.— Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 222, л. 42—44).
- ²⁵ *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971, с. 44, 45.
- ²⁶ История Армении Моисея Хоренского /Пер. с армянского Н. Эмин. М., 1858, с. 45, 63, 68; История Армении Моисея Хоренского /Новый перевод Н. О. Эмина, с примеч. и прилож. М., 1893, с. 98, 189.
- ²⁷ *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники..., с. 218; *Давудов О. М.* Сумбатлинский могильник..., с. 119, 120, 123, табл. V, 7; *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, с. 168, рис. 26, 2; *Синицын И. В.* Археоло-

гические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане.— КСИИМК, 1952, вып. 45, с. 67—68; *Хазанов А. М.* Очерки..., с. 5—14; *Боронов Ю. М.* Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979, с. 70, 73.

²⁸ *Хазанов А. М.* Очерки..., с. 109—117.

²⁹ *Абрамова М. П.* Буйнакский курган..., с. 126, табл. VII, 42; *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники..., с. 213, рис. 38, № 93, № 96; с. 217, рис. 40, № 83; *Пиккуль М. И.* Эпоха раннего железа..., с. 120, рис. 9, 11; *Давудов О. М.* Сумбатлинский могильник..., с. 116, табл. V, 13; *Хазанов А. М.* Очерки..., с. 21.

³⁰ *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948, с. 231; *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка древней Руси.— МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1953, № 32, с. 151.

³¹ *Магомедов М. Г.* Вооружение..., л. 67; *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники..., с. 210, 217; *Абрамова М. П., Магомедов М. Г.* О происхождении..., с. 133—134; *Котович В. Г., Котович В. М., Путинцева Н. Д.* Отчет о работе Приморского отряда ДАЭ в 1960 г.—Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 27, оп. 1, д. 16; л. 40, рис. 113; *Котович В. Г. и др.* Отчет о работе Приморской археологической экспедиции 1963 г. ..., ф. 27, оп. 1, д. 49, л. 50; *Исаков М. И.* Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, с. 11; *Магомедов М. Г.* Образование Хазарского каганата. М.: Наука, 1983, с. 73; *Давудов О. М.* Археологические работы в горном Дагестане.— В кн.: АО—1969 г. М.: Наука, 1970, с. 100; *Котович В. Г. и др.* Исследования на городище Таргу.— В кн.: АО—1975 г. М.: Наука, 1976, с. 130; *Котович В. Г.* Отчет о работе I Горного отряда ДАЭ в 1967 г.—Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 27, оп. 1, д. 26, л. 130; *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан..., с. 174, 178.

³² *Маммаев М. М.* Ремесло..., л. 163.

³³ *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XV вв. Махачкала, 1975, с. 45—48; *Маммаев М. М.* К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища албано-сарматского и раннесредневекового времени.—Уч. записки ИИЯЛ. Сер. обществов. наук. Махачкала, 1969, т. 19, кн. 2, с. 193; *Он же.* Художественная обработка металла в средневековом Дагестане. Некоторые вопросы организации, формирования и развития.— В кн.: Формирование и развитие ремесел в средние века (V—XV вв.): Материалы международной конференции; Тез. докл. Будапешт, 1977, с. 82.

³⁴ *Бетров Р. Ж.* Захоронение гуннского времени у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии.— В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980, с. 118; *Хазанов А. М.* Указ. соч., с. 62—63.

³⁵ *Магомедов М. Г.* Образование Хазарского каганата..., с. 81.

³⁶ *Маммаев М. М.* К характеристике..., с. 204, рис. 5, 4; *Магомедов М. Г.* Образование Хазарского каганата..., с. 81.

³⁷ *Маммаев М. М.* К характеристике..., с. 223, рис. V, 19; VII, 2, 5; *Рыбаков Б. А.* Ремесло..., с. 414.

³⁸ *Маммаев М. М.* К характеристике..., с. 168.

³⁹ Там же, с. 202.

⁴⁰ *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан..., с. 115; *Маммаев М. М.* К характеристике..., с. 203.

⁴¹ *Котович В. Г., Мунчаев Р. М., Путинцева Н. Д.* Некоторые данные о средневековых памятниках Дагестана.— В кн.: МАД. Махачкала, 1961, т. 2, с. 279, 282.

⁴² *Путинцева Н. Д.* Верхнечирюртовский могильник (предварительное сообщение).— В кн.: МАД. Махачкала, 1961, т. 2, с. 256, рис. 7, 20; *Маммаев М. М.* К ха-

рактистике..., с. 211, 212; *Котович В. Г., Котович В. М., Салихов Б. М.* Городище Таргу.— В кн.: Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983, с. 78, рис. 12, 3; *Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М.* Утамышские курганы.— В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века, с. 57, рис. 10, 5, 6; *Абрамова М. П.* Буйнакский курган..., с. 127, рис. VII, 26; *Минаева Т. М.* Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани.— МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1951, № 23, с. 294—296; *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии в Восточной Европе.— СА, 1971, № 2, 3; *Засецкая И. П.* Золотые украшения гунигской эпохи. Л.: Аврора, 1975; *Она же.* О хронологии и культурной принадлежности южно-русских степей и Казахстана гунигской эпохи.— СА, 1978, № 1.

⁴³ *Атаев Д. М.* Височные привески с четырнадцатиграником.— СА, 1963, № 3, с. 233.

⁴⁴ *Маммаев М. М.* К характеристике..., с. 206—208; *Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М.* Указ. соч., с. 57.

⁴⁵ *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа.— Тр. Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. Грозный, 1963, т. 6, с. 202, 205, 207.

⁴⁶ *Магомедов М. Г.* Образование Хазарского каганата..., с. 89, рис. 29, 21.

⁴⁷ *Федоров Г. С.* Случайные археологические находки из Карабудахкента.— В кн.: МАД. Махачкала, 1973, т. 3, с. 101, 102; *Маммаев М. М.* К характеристике..., с. 208.

⁴⁸ *Абрамова М. П.* Буйнакский курган..., с. 132.

⁴⁹ Там же, с. 133—134.

⁵⁰ *Магомедов М. Г.* Верхнечирюртовский могильник.— В кн.: Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. МАД. Махачкала, 1977, т. 7, с. 20, рис. 6, 6.

⁵¹ Пользуясь случаем, выражаю благодарность А. П. Мигуре, мл. научному сотруднику Института геологии Дагфиллиала АН СССР, определившему состав бус.

⁵² *Маммаев М. М.* Ремесло..., л. 226.

⁵³ *Абрамова М. П.* Буйнакский курган..., с. 141, рис. IX, 78; *Абрамова М. П., Магомедов М. Г.* Указ. соч., с. 127, рис. 2, 4.

⁵⁴ *Абрамова М. П.* Большой Буйнакский курган..., с. 65.

⁵⁵ *Давудов О. М., Котович В. Г.* Указ. соч., с. 36.

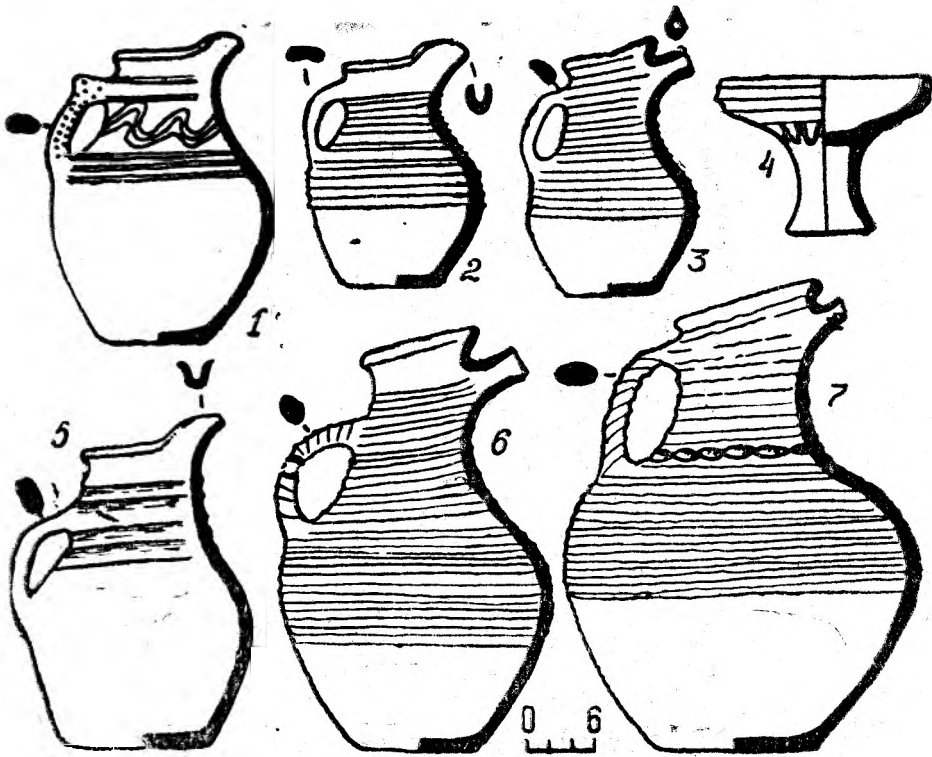

Рис. 1. Керамика из каменной гробницы № 1.

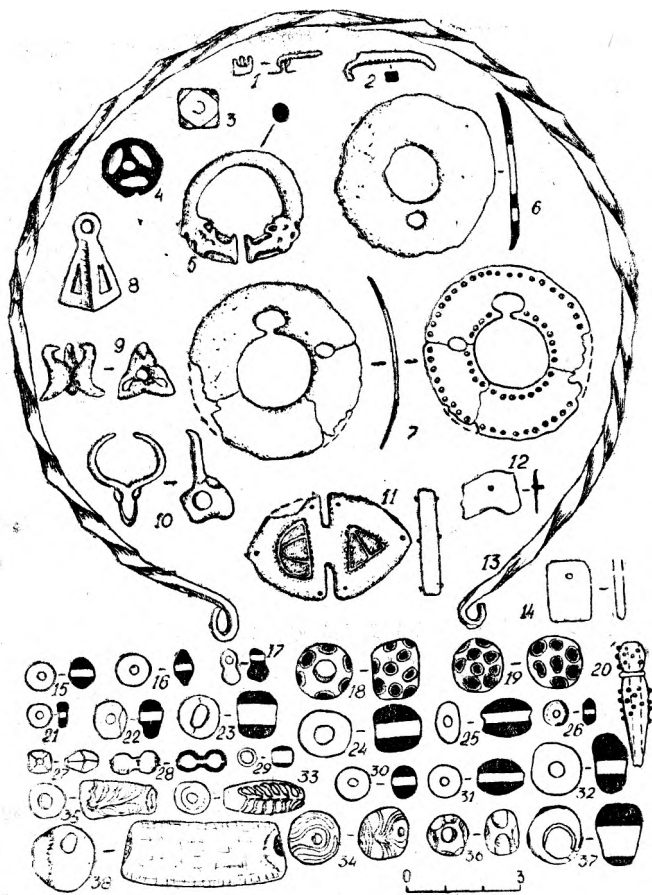

Рис. II. Украшения и принадлежности одежды из каменной гробницы № 1.

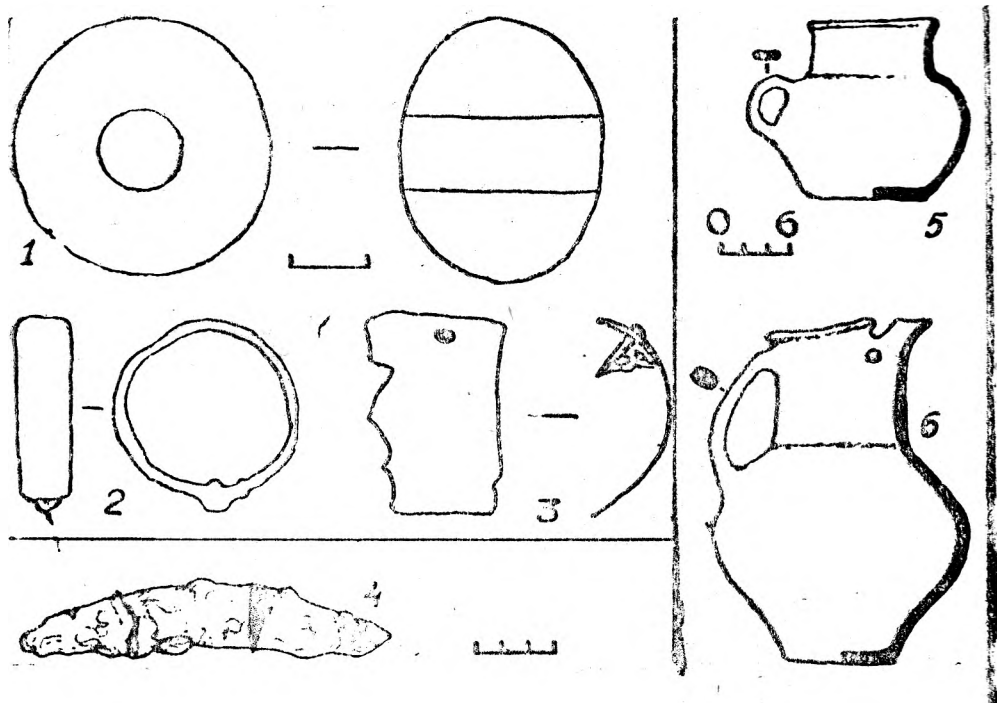

Рис. III. Погребальный инвентарь из каменной гробницы № 2.

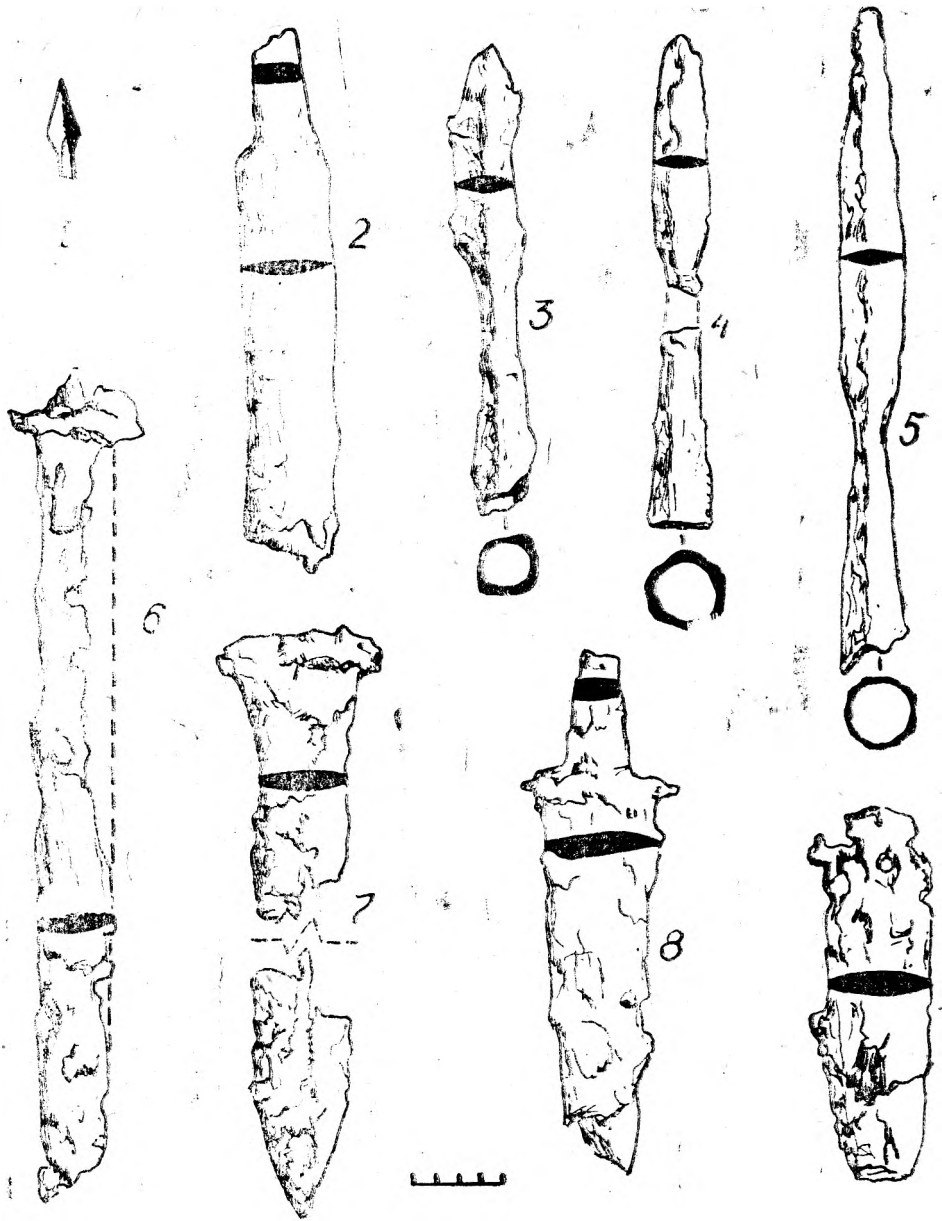

Рис. IV. Предметы вооружения из каменных гробниц № 2 и № 3.

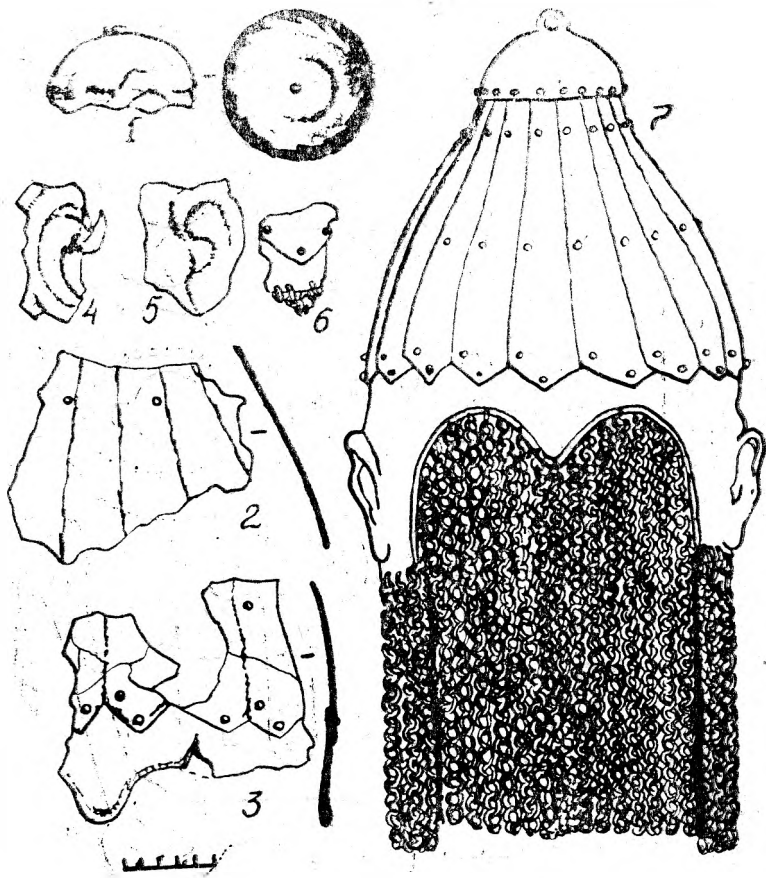

Рис. V. Остатки и реконструкция железного шлема из каменной гробницы № 3.

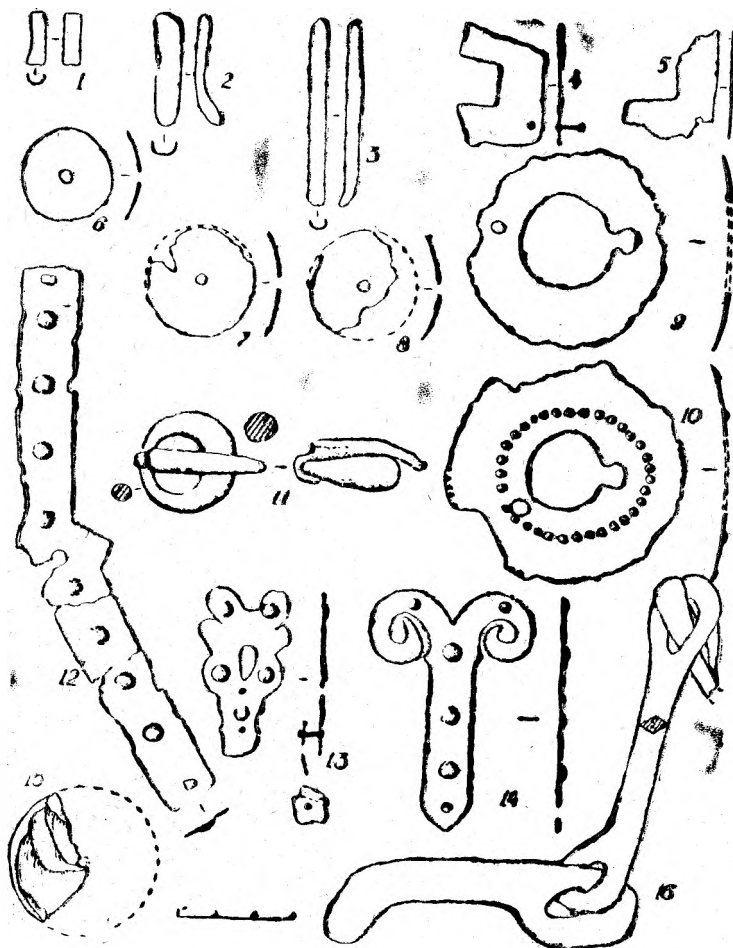

Рис. VI. Погребальный инвентарь из каменной гробницы № 3.

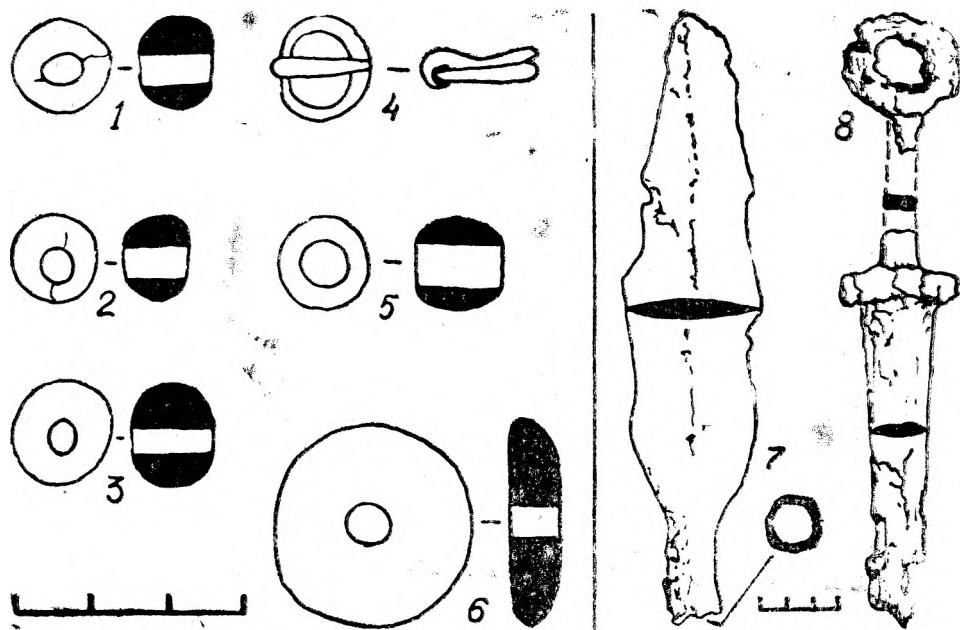

Рис. VII. Погребальный инвентарь из каменной гробницы № 4.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия.
- ГИМ — Государственный исторический музей.
- ДАЭ — Дагестанская археологическая экспедиция.
- ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР — Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР.
- КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР.
- КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР.
- МАД — Материалы по археологии Дагестана.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- МСПИЭИ ИИЯЛ — Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.
- НИИИЯЛ — Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
- СА — Советская археология.
- САИ — Свод археологических источников.
- СЭ — Советская этнография.
- ТД НСПИЭИ — Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала.
- Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея. Археологический сборник.
- ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции.
- Уч. зап. ИИЯЛ — Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.
- PAPS — «Proceedings American Philosophical Society». Philadelphia.

СОДЕРЖАНИЕ

К изучению древних культур Северо-Восточного Кавказа (Предисловие)	3
--	---

СТАТЬИ

<i>М. Г. Гаджиев.</i> Северо-Восточный Кавказ как географическая и этнокультурная область	10
<i>Х. А. Амирханов.</i> Чохская археологическая культура и проблема культурных ареалов раннего голоцена кругокаспийской области	27
<i>М. С. Гаджиев.</i> К социальной интерпретации некоторых погребений Дагестана албанского времени	44

ПУБЛИКАЦИИ

<i>В. М. Котович.</i> Курган Торпах-кала	59
<i>М. Г. Гаджиев, Р. Г. Магомедов.</i> Памятники гинчинской культуры у с. Гагатль	81
<i>О. М. Давудов.</i> Поселение Ачису	101
<i>А. М. Кудрявцев.</i> Дербентский могильник	125
<i>Л. Б. Гмыря.</i> Паласа-сыртский могильник (По материалам раскопок 1981—1983 гг.)	147
<i>Б. М. Салихов.</i> Калкининский могильник	167

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страницы	Строки	Напечатано	Следует читать
8	15 св.	Калкинский	Калкнинский
17	5 св.	пустынным	пустынным
33	19 св.	Эльбрус	Эльбурс
101	18 св.	по долине	по длине

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Цена 1 руб. 20 коп.